

Сергей Лесной

Из далекого прошлого славян

Мелбурн, 1967,

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данная книга предназначена не для изучения, а для чтения, для углубленного понимания прошлого славянских народов. Ни в русской, ни в иностранной литературе нет книги, которая была бы посвящена истории славян вообще. Имеются «История Польши», «История Чехословакии» и т. д., словом отдельных славянских народов, но нет книги, посвященной истории славянства в целом. Если за последнее время и появилось несколько работ, например книга Дворника на английском языке, формально как-будто и занимающихся этой темой, – на деле это только компиляция уже давно высказанных взглядов и ничего нового не вносящая.

И эта книга не ставит своей задачей пополнить этот пробел, – время для этого еще не настало, она является своего рода введением, показом тех новых горизонтов, которые открываются перед современной исторической наукой.

Выясняется, что не только роль отдельных славянских народов, но и славянства вообще, в достаточной мере не оценены официальной исторической наукой. Большинство опубликованного, – это только кривое

зеркало прошлого. Многое надо переоценить, многое надо вообще выбросить, много совершенно нового или забытого старого внести в дополнение.

Славянство гораздо древнее, чем думают, славянство сыграло более важную роль в развитии всевропейской культуры, чем это принимали до сих пор. От славян отнято многое, что им принадлежит по праву. Выяснению различных вопросов, связанных с этим и посвящена эта книга.

Она не столько занимается изложением исторических фактов и теорий, укрепившихся в науке, сколько показывает допущенные ошибки и пути для их исправления. Она занимается переоценкой казалось бы уже установленных ценностей, она вносит то новое, что появилось за последнее время.

Читателю предлагаются не только новые факты и мысли, но он побуждается сам всё оценить и осмыслить. Не к заучиванию призывается читатель, а к критическому, самостоятельному мышлению. Читатель убедится, что существует необозримое поле для переоценки старого, что много старых идолов надо разрушить и заменить новыми научными ценностями.

Прошлое надо знать, правильно его понимать и у него поучаться. К работе, к познанию нового призывается этой книгой читатель.

Главный вывод, к которому пришел автор в результате своих изысканий, это необходимость полной перестройки истории приблизительно за 500 лет до нашей эры и первой тысячи лет нашей эры.

Необходимо всё разрушить и начать постройку наново и на иных принципах. Почти всё, что мы знаем, это тенденциозный, часто никуда негодный хлам, нечто вроде алхимии в истории; часто это злая карикатура на науку, где глупость соревнуется с политической тенденциозностью.

Не верится, что в наш век точных наук и высокой техники, могут существовать такие отсталые области знания, отсталые не по количеству фактов, а по методу исследования.

Анализировать причины мы не считаем нужным, — это заняло бы слишком много времени и места и отвлек—

ло бы от наших прямых задач. В дальнейшем читатель сам увидит нашу правоту, когда факты будут изложены со всеми подробностями.

Мы остановимся бегло только на ошибках метода. Прежде всего необходимо отметить, если так можно выразиться, «архаичность» в понимании древних источников. Дело в том, что древние исторические источники (латинские и греческие) стали печататься, переводиться и комментироваться еще с 16-го века. Некоторые переводились и исправлялись и в дальнейшем, но большинство из них мало подвинулось в своем изучении со времени 18–19-го вв.

Старые переводы и понимания стали своего рода канонами, на которые никто не смеет посягнуть. Такие издания, как «Патрология грека» или «Патрология латина», состоящие из сотен томов, являются уникальными и не переизданными. А между тем большинству этих томов уже более ста лет и тексты их не могут считаться безупречными. За сто и более лет найдены и новые списки, и новые фрагменты, и новые рукописи, наконец материалы, которые могут быть использованы для дополнения или исправления того, что уже издано. Наконец, и это тоже имеет огромное значение, понимание не только текстов, но и основных пружин действий в разные эпохи весьма изменилось. Подход к научным фактам даже в отношении 19-го века часто нам кажется просто наивным.

Огромным препятствием к правильному пониманию исторического наследия является не только редкость книг со старинными текстами, не только их подчас фантастическая цена, но и всеобщее падение знания греческого и латинского языков: надо быть не только историком, но и знатоком классических языков. Поэтому настоящих исследователей древних источников чрезвычайно мало, их можно пересчитать по пальцам. Отсюда и слабый прогресс исторической науки. Последняя нуждается не в десятках, а сотнях исследователей.

Наследство классиков огромно, его нужно иметь не только приведенным в полный порядок и доведенным до уровня требований современной науки, но и понятным, как следует.

При полном охвате материала часто затруднительное место разъясняется совершенно, ибо оно разъяснено в другом источнике, но его надо иметь и знать. Наконец, многое из старого наследия недоисследовано и неверно понято. Возьмем пример: «География» Птолемея кладется в основу многих исторических утверждений или предположений, но до сих пор нет ни одного труда, в котором был бы дан полный текст по всем спискам, с надлежащими комментариями и, главное, картами. Получается дикая вещь: география без карт!

Как известно, Птолемей, описывая местоположение тех или иных местностей или народов, прибегает к двойной системе обозначения. С одной стороны, упоминная пункт X, он дает общие словесные указания о местоположении его в отношении известной реки, моря, горы или важного пункта, например «к северу», «вдоль», «недалеко», «далее» и т. д., с другой стороны он указывает более точно удаленность пункта в стадиях или днях пути от других установленных пунктов, наконец, он дает еще географические координаты, т. е., градусы, минуты и секунды долгот и широт. Иногда Птолемей дает даже величину самого короткого или долгого дня, что дает твердую опору для суждений о точном положении данной местности.

Количество географических координат, данных Птолемеем, огромно, но нет ни одной работы, где эти географические данные были бы суммированы и сопоставлены со словесными, а ведь они гораздо более точны, чем словесные!

Конечно, совершенно понятно, что географические координаты не всегда точны, несомненно, что точность в отношении Греции или Италии гораздо выше, чем в отношении Скандинавии или Сарматии, но нас интересует и относительная его точность в отношении разных зон. Наконец, географические координаты дают возможность уточнения и исправления словесных указаний, но историческая наука пренебрегает географическими координатами Птолемея, ибо для исследования надо взяться немного и за географию, и за астрономию, наконец за математику, которой историки боятся, как чёрт ладана.

При таких условиях неудивительно, что разные

авторы, толкуя данные Птолемея, относят данный пункт к Карпатам, а другие к Уралу! Конечно, при такой точности правильно понимать Птолемея невозможно.

Вторым недостатком метода историков является узость научной базы: опубликованы главным образом латинские и греческие источники, но **сводки** арабских, персидских, древне-еврейских, армянских, грузинских, коптских и других источников нет. Факты истории имеются, но историческая наука организована так плохо, что воспользоваться ими не в состоянии. В таком же положении находится эпиграфика: отдельные труды опубликованы, но сводки нет, равно как нет и сводки надписей на нерасшифрованных языках. Значит и здесь знание в потенции есть, но история его не пытается использовать.

Третьим недостатком метода историков является отсутствие сводки в понимании терминологии в отношении названий древних народов и государств. Один и тот же народ называется разными народами по разному, по разному называется он в разные эпохи одним и тем же народом.

Одни народы называются по реке, около которой они центрируются, другие по вождю, который ими в данный момент управляет, третьи по городу, который является их столицей, четвертые по их характерной одежде, пятые по их положению (поморцы, загорцы, поляне), шестые по неизвестной нам причине. Некоторые авторы применяют библейскую терминологию, например, сарацин называют агарянами по библейской Агари, бывшей, якобы их прародительницей. Наконец, каждый из народов имеет по несколько имен и кличек.

Путаница усугубляется тем, что авторы, писавшие по-латыни или по-гречески, по разному передавали звуки в названиях чужих народов, в звуках, для которых у них не было собственных букв. Одно и то же название передавалось до неузнаваемости по разному и только сравнение других имен и событий давало уверенность, что речь идет о том же самом.

Понятия народа и государства сливались в одно, а между тем для истории они совершенно различны: разве

не дожили до 19-го века десятки государств в Германии и Италии, а между тем дело шло о германском или итальянском народе.

Военные рейды, грабительские походы, смешивались с переселениями или обычными войнами. Создание крупных государств, например, гуннов, аваров и т.д. приводило к тому, что все народы, подчиненные им, начинали считаться гуннами или аварами. Словом, всей этой путаницы не разберешь.

А между тем история принимает все сведения за чистую монету, вовсе не разбираясь критически. Для историков «герулы» и «гелуры» одно и то же. Гелуры, кстати скажем, означает «болотники»; но ведь болотных местностей в Европе с совершенно разными народами немало и вот получается, что герулы одновременно являются героями событий на среднем Дунае, в Пелопоннесе и на берегах Азовского моря и история всех их принимает за один и тот же народ. "Ш§;аго и, Ш§аго Ia!" Нас уверяют, что вандалы в 6-м веке покинули Европу и растворились в массе народов в северной Африке, а между тем мы находим в 8-м и 9-м веках церковные источники о крещении вандалов в средней Европе. Что это? Воскресение из мертвых?

История абсолютно слепа и подобных нелепостей не замечает. Она регистрирует факты и только, а критически понять их отказывается. Поэтому и получается, что германские племена в начальные века нашей эры распространялись от Рейна и до Дона, а через несколько веков оказались все только от Рейна и до среднего Дуная, на всем пространстве **восточнее они бесследно исчезли!** Далее: для самого многочисленного народа в Европе – славян не оказывается местожительства, их коренными землями считают Полесье: почти вовсе непригодное для жилья масс людей несколько тысяч лет тому назад!

Если бы подобные нонсенсы касались мелких деталей, с этим еще и так, и сяк можно было бы временно мириться, на деле же это крупнейшие линии в развитии Европы, поэтому ошибки в них, это ошибки конструкции здания всей истории, а отсюда необходимость полной перестройки.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ СЛАВЯН НА ОСНОВАНИИ ЛИНГВИСТИКИ

История и археология рано или поздно, а выяснят судьбы славян на протяжении 1–2 тысячелетий до нашей эры, однако и теперь уже можно наметить направление решения вопросов: где же зародилось и в каких условиях развивалось славянство.

В этом отношении кое–что существенное может дать лингвистика, ибо никогда народы не развивались в пустоте, а всегда испытывали влияние соседей, а это влияние отражалось и на языке. Изучая эти влияния, мы можем косвенно восстановить, если не где совершались эти влияния, то в каком окружении народов. А это может дать попутно и некоторый ответ, где происходили эти влияния.

Наконец, и это самое главное, языки не сваливаются с неба в готовом виде, они постепенно развиваются, одни отмирают, давая начало, так сказать, своим языкам–потомкам, другие обрывают свое существование, не оставив заметных следов. Как бы то ни было, а и те, и другие непрерывно изменяются.

Мы должны заявить откровенно, что филологии во

многих отношениях не доверяем и возьмем из нее только то, что в состоянии пройти испытание метода натуралистического, т. е. без фантастики, мистики, заумствований, а основано на фактах и логике. Ошибки лингвистики питались часто разнообразными тенденциями, часто с наукой ничего общего не имеющими, именно политическими.

Возьмем термин «индо–германцы», – он отражает тенденции германского шовинизма, всюду выставяющего исключительную и единственную роль только германских племен, на самом деле культуру Европы создавали все европейские народы, а не только германцы.

Если когда–то и существовал пранарод – «арийцы», объединявший тех, кто живет сейчас от Ирландии и до Индии, – это были – «индо–европейцы», ибо не только одни германцы входили в состав этого народа. Поэтому термин «индо–германцы» и неточен, и ненаучен, тот же, кто его изобрел и употребляет, не может стоять на строго научных основаниях, он необъективен.

Как известно, славяне относятся к индо–европейской группе народов, ниже мы приводим краткий обзор этой группы, а также положение ее среди других языковых групп.

1. Индо–европейская языковая группа

- а) Тевтонская подгруппа (скандинавские языки, голландский, английский, немецкий).
- б) Кельтская подгруппа (ирландский, шотландский, уэльский, бретонский).
- в) Славянская подгруппа (польский, чешский, словацкий, сербо–кroatский, болгарский, русский и так далее).
- г) Романская подгруппа (французский, испанский, каталонский, португальский, итальянский, румынский).
- д) Балтийская подгруппа (литовский, латышский).
- е) Греческий язык.
- ж) Албанский язык.

- з) Армянский язык.
- и) Персидский язык.
- к) Индийские современные языки.

2. Угро–финнская группа

- а) Лапландский, б) финнский, в) эстонский, г) черемисский, мордвы, д) мадьярский (венгерский).

3. Турко–татарская группа

- а) турецкий язык, б) татарский, в) киргизский язык.

4. Семитская группа

- а) арабский, б) эфиопский, в) древне–еврейский, г) мальтийский язык.

5. Хамитская группа

- а) кушитский (сомали, галла), б) берберский язык.

6. Индо–китайская группа.

- а) китайский, б) тибетский, в) сиамский, г) бурмезский язык.

7. Малайя–полинезийская группа

- а) малайский, б) фиджийский, в) таитянский, г) маорийский язык.

8. Дравидская группа

- а) тамильский, б) телугуанский, в) Канарский язык.

9. Банту группа

- а) кафирский, б) суахели, в) бечуана, г) сесуто, д) геро, е) конго, ж) дуала и т. д. языки.

Этот обзор далеко не охватывает всех языков. Из европейских языков остаются пока вне схемы баскский, грузинский и т. д. языки, из азиатских: манджурский, корейский, японский и т. д.

К сожалению, нет никакой возможности дать классификацию вымерших языков, что было бы особенно важно для наших целей.

Как ни различны на первый взгляд языки индо–европейцев или арийцев, исследование показывает, что у них есть много общих, коренных черт, показывающих, что

все они черпали запасы своей лексики, грамматики, словообразования, фонетики из одного корня. Короче говоря, они развилась, разрослись, расщепились, как ветви, от одного общего ствола.

Здесь, в филологии, мы видим тот же закон, что и в биологии: происхождение видов путем медленного уклонения от основного вида. Этот процесс обладает одним свойством, – он непрерывен, он дает постепенное переживание одной формы в другую, но во времени и пространстве. Никаких «fiat» – (да будет!) не случается. Каждый язык не рождается из ничего, а происходит от старого. И каждый язык при соответствующих условиях может стать прародителем, корнем многих других, новых языков.

Мы не будем здесь разбирать понятие «язык»; когда именно из наречия или диалекта получается он, – это спор о словах; как будет только спором о словах разрешение вопроса: в какой момент юноша делается взрослым, а взрослый стариком?

В отношении времени, каковое необходимо для развития языка, филологи, а вместе с ними и историки, сделали много ошибок. Основная ошибка состоит в том, что они приписывают развитию языка слишком быстрые темпы.

Даже в наш век, когда народы перемешались, и влияние их друг на друга удесятерено, языки меняются очень медленно. Хотя одни слова и формы отмирают и появляются новые и т. д., основной фонд языка остается почти неизменным, он развивает в себе те процессы, которые еще не доведены до конца (упрощение, слов, усечение форм и т. д., т. е. то, что и в биологии, когда в ходе эволюции число костей черепа постепенно уменьшается, если мы возьмем ряд: рыбы–пресмыкающиеся — птицы – млекопитающие).

Каждый основной язык, т. е. родоначальник нескольких языков, имеет не сотни, а тысячелетия своего существования, чтобы чешский язык отделился от словацкого или македонский от болгарского и т. д. нужны многие столетия.

Язык, далее, развивается в пространстве в связи с расселением его носителей, это процесс долгий и слож–

ный. Народы распространяются медленно, тягуче, впитывая в связи с движением и окружающие условия в смысле языка; сибиряки, например, попав в окружение азиатских народов, включают в свой словесный фонд много чужих слов и вместе с тем, будучи оторваны от основного ствола родного языка, лучше сохраняют старые формы, не успевая следовать за процессами изменения языка на родине.

Долгое время считали, что народы свободно передвигались в прошлом по земле, куда, так сказать, ветер подует. Приходится удивляться, что такие наивные представления держались чуть-ли не столетиями.

Теория миграции народов была раздута до чрезвычайности. Практику кочевников-номадов, передвигавшихся в зоне степей на огромные пространства, переносили по аналогии на все народы, в том числе и на живших в лесах, горах, болотах, и передвигавшихся крайне медленно или вообще остававшихся на месте.

В связи с этим теорию, что славяне пришли из средней Азии, необходимо отбросить раз и навсегда: в Азии не осталось от них никаких следов, если предки славян когда-то были в Азии (западной), то это было тогда, когда славяне еще не сформировались и не отделились от основного арийского ствола.

Но, скажут, родство славян и индусов в области языка несомненно, а индусы живут в Индии, т. е. в Азии. Следует, однако, помнить, что индусы не являются коренным населением Индии, им являются дравиды и ведды, вытесненные индусами. Прародину славян, или вообще арийцев, надо искать где-то к западу от Индии.

С другой стороны мы знаем, что северная Европа стала обитаемой после ледникового периода, т. е. сравнительно поздно, и население могло появиться здесь только с юга или юго-востока. Иначе говоря, и в землях Прибалтики индо-европейцы или арийцы, — элемент пришлый. Значит прародина их где-то в пространстве средней, южной Европы и Малой Азии. Это единственное непротиворечивое допущение.

Одно время, когда связь индусов и европейцев была только установлена, зная древность Индии, роль индусов переоценивали: в Индии видели родоначальницу арий-

цев. Считали, что арийцы распространялись с востока на запад, но это оказалось неверным. Неверным было бы считать, что они распространялись и с запада на восток. Процесс был сложнее: арийцы распространялись во все стороны, но прогресс их в разных направлениях был различным, ибо они наталкивались на ряд самых разнообразных препятствий на разных путях своего развития.

Одно можно заметить: они распространялись быстрее в областях, пригодных для земледелия, они отразили это даже в своем имени – «арийцы»: оно связано с корнем «орати» (пахать) и недаром пращур славян Орь «Влесовой книги» и некоторых старинных апокрифических сказаний, носит имя, безусловно связанное с глаголом «орати».

Замечательно, что две наиболее удаленные странственно ветви арийцев: славяне и балты с одной стороны и индийцы с другой оказываются в филологическом отношении наиболее близкими. Многозначительно и то, что славяне и индусы в древних своих религиях чрезвычайно близки, даже такое слово, как «бог», почти одно и то же: у индусов – «бга». Мы не будем рассматривать сходства в представлениях о рае, душе, загробной жизни и т. д., сходства местами поразительные, в особенности, если принять данные «Влесовой книги».

Однако, нам кажется, что такая близость этих двух ветвей арийцев, объясняется не только родством, не близостью земель, на которых происходили этнические и лингвистические процессы у славян и индусов, но и тем, что обе ветви оказались, более чем другие, изолированными от чужих влияний.

Индусы, достигнув Индии и овладев ею, оказались как бы в мешке: с трех сторон их окружал огромный Индийский океан, с четвертой громада – Гималаев. Только с запада и востока имелись сравнительно узкие проходы, через которые могли проникать иноземные влияния. Здесь индусы легко сохранили первобытную религию прародины, не остановившись, конечно, в своем многотысячелетнем развитии.

О славянах мы не можем говорить столь конкретно

и точно, но то обстоятельство, что они сравнительно поздно вошли в сферу непосредственного влияния Греции и Рима, говорит за их изолированность. Высшие культуры древности: египетская, ассирийская, вавилонская и т. д. не оказали на них особенного влияния и тем дали возможность лучше сохранить религию прародины арийцев. Повторилось то, что мы имеем с древней Русью или Скандинавией: поморы Белого моря сохранили гораздо лучше традиции Киева, чем Украина; исландцы сберегли больше исторической традиции, чем скандинавы на материке.

В Малой Азии и близлежащих странах вечно кипел котел разных культур, в результате чего и, языки, и религии прогрессировали там быстрее, чем на окраинах.

Теоретически рассуждая, родину арийцев надо искать где-то в Малой Азии, учитывая, конечно, что это только приблизительное указание. Мы, плохо знаем или даже вовсе не знаем крупных геологических и климатических изменений в последние 5–10 тысяч лет в этих областях.

Такие области, как Эгеида, от которой остались, по-видимому, только отдельные острова, с такими замечательными культурами, как на Крите, могли играть большую роль в давних судьбах арийцев, – носители её уже были греки.

Далее имеется теория, подтвержденная многими фактами, что несколько тысячелетий тому назад огромная область к востоку от Каспийского моря имела значительно менее сухой климат и здесь развивались первичные цивилизации. Это подтверждается и тем, ныне прочно установленным фактом, что несколько тысяч лет тому назад область Сахары и северной Африки была совершенно иной: там текли реки, были леса и т. д. Фрески, открытые в пещерах в горах в Ахаггаре, в центре Сахары, доказывают это с полной несомненностью..

Одно можно сказать с полной уверенностью: славяне в глубинах Малой Азии никогда не жили: это видно из того, что в языке Армени очень мало общего со славянами. Живи славяне когда-то ближе к этой весьма древней культуре, лингвистика показала бы это немедленно.

Не только лексика, грамматика, фонетика и т.д. далеки от славянских, но даже самые элементарные

слова, как «есть» и «нет» в современном армянском языке отличаются коренным образом от славянских: есть – значит: «ка», нет – значит: «чка». Такое слово, как вода – «джур» также говорит об отдаленности этих ветвей арийцев. Если мы прислушаемся к слову «джур», мы уловим журчание воды. Очевидно армянское «джур», подобно баскскому «ур» явилось звукоподражательным и создано где-то в горной области, где потоков было много и журчание их было отмечено жителями их языком. «Вода» славян звучит совершенно иначе: что-то спокойное, неподвижное.

Так как Армения в ходе истории бывала и огромным государством, влияние ее несомненно проникало далеко вглубь Малой Азии. Если же у славян мы не можем найти армянских влияний, – значит славяне никогда близко к ним не жили. В связи с этим мы смело можем отбросить гипотезу о проходе славян через Кавказ с юга на север.

Еще меньше лингвистических данных мы имеем о связи славян со средней Азией, попытки некоторых выводить славян (осов, асов) чуть-ли не из Джунгарии являются образцами бесконтрольного мышления.

Если арийцы когда-то и сидели к востоку от Каспийского моря, – это было в столь незапамятные времена, когда славянство еще не выделилось, как самостоятельная ветвь арийцев.

Указания «Влесовой книги» о Семиречьи, Двуречьи нельзя понимать буквально, как Семиречье или Двуречье современных географических представлений. Если Тигр и Евфрат образуют «Двуречье», то и Сава и Драва, Днестр и Буг и т. д. тоже образуют «двуречья». Только тщательный анализ еще неопубликованной целиком и вовсе неизученной «Влесовой книги» может дать основания для серьезных выводов, но до этого еще очень далеко.

Как известно, арийцы делятся на две языковых группы: 1) одни произносят слово «сто» (в многочисленных вариантах этого корня) – «сатем», это так называемая «сатем» – группа, 2) другие произносят это

слово, как «кентум» или «центум», – это – «кентум» – группа. О фонетических особенностях обеих групп здесь не место распространяться, для наших целей только важно знать о существовании такого деления, которое несомненно отражает историю развития этих языковых групп.

К «кентум»–группе относятся: греческий, итальянский, венетский, кельтский, германский, иллирийский, тохарский (из средней Азии!) и хеттский языки, понимая под каждым целую группу языков и наречий.

К «сатем»–группе относятся: индийский, славянский, балтийский, армянский, фракийский, албанский, и иранский языки, вероятно сюда же относится и язык пеласгов.

В этой схеме показано место и нескольких вымерших языков: иллирийского, фракийского, пелазского и т.д., однако вопрос о них недостаточно ясен и заслуживает особого рассмотрения.

Есть много оснований полагать, что славянство тесно связано с Балканами из тьмы веков: прав или неправ Нестор, а он заявляет, что славяне были в Иллирии «первее». Этого показания мы не имеем права игнорировать, тем более, что уже схема показывает, что «сатем»–группа имеет Балканы по своей середине. Правы или неправы исторические легенды южны славян, а и они выводят славян из района Савы и Дравы, а, как известно, «нет дыму без огня».

Совершенно очевидна также связь юго–западных славян с кельтами. Близость их была настолько велика, что некоторые древние писатели отождествляли их. Не развивая здесь деталей, отметим, что у кельтов до сих пор уцелели, как и у славян, некоторые архаические черты праарийского языка, например, употребление двойственного числа, уцелевшего в виде рудимента у украинцев.

Есть и другая особенность, по–настоящему уже роднящая эти языки, – это двойственность формулы обладания: в обоих языках можно сказать 1) «я имею» и 2) «у меня есть», последняя форма совершенно отсутствует у других европейских языков. Имеются данные,

говорящие о близости древних верований, обычаев, песен и т. д., но эта область требует особого исследования.

В поисках прародины славян обратим свои взоры на Балканы. Культура древней Греции так тесно связана в наших представлениях с Балканами, что мы забываем, что греки, эллины древности, не являются автохтонным населением Балкан, они только очень давние пришельцы. Такие, казалось бы чисто греческие названия: как Афины, Фивы, Коринф, Ларисса, Микены, Олимп, Парнасе и т. д., – все они названия не греческие, а принадлежат народам, жившим в Греции еще до прибытия туда греков. Греки появились в Греции приблизительно за 2000 лет до нашей эры, до них там жили: пеласги, тирсены, лелеги, карийцы и другие народы.

С севера к Греции примыкали в западной части так называемые «иллирийцы», а в восточной геты или фракийцы. При таком представлении получается, что западные славяне были совершенно изолированы от своих ирано-индийских сородичей, конечно это не так. Новейшие данные языковедения (мы будем ссылаться на Hans Krahe, 1954, *Sprache und Vorzeit*. Heidelberg) говорят, что греки появились в современной Греции в сущности уже в исторические времена.

Отметим, кстати, особенность филологического метода: исследовав все возможности появления греков откуда-то, филологи приходят к выводу, что греки появились неизвестно откуда. Предположение, что они появились с Крита или островов потонувшей Эгеиды, ими отрицается, однако, ни геологические, ни иные обстоятельства, связанные с этим вопросом, ими не обсуждаются, и вопрос остается повисшим в воздухе.

Между тем именно это обстоятельство должно было быть отправной точкой для филологических построений, ибо именно на «камнях преткновения» и испытывается верность той или иной теории. Если филологических данных не хватает, следует прибегнуть к помощи других наук и выставить хоть какую-нибудь гипотезу, ведь не бояться они выставят десятки, почти диких гипотез, не считаясь вовсе с логикой. Причина в том, что косность

лежит в основе филологического метода, филология слишком «горда», чтобы попросить помощи у других наук.

Незнание – вещь простительная и настоящий ученый откровенно в этом признается, но оставаться совершенно без даже рабочей гипотезы – невозможно, это признание своей несостоятельности, либо топтания на месте. Для греков вообще не находится места на земле. Что-то, а уж Греция в течении веков приковывала внимание всех, была в передовой линии европейской культуры. Оказывается, что откуда эта культура – филологи не только не знают, но даже не осмеливаются предполагать, а вот вывести славян из Джунгарии они могут! Поистине картина достойная удивления.

Другой пример, возможно, лучше пояснит нашу мысль. Анализ языков приводит филологов к выводу, что «италики» имели своим центром область где-то к северу от Альп в стыке с германцами, кельтами и славянами.

Мы знаем, однако, что каждый народ оставляет следы своего пребывания в топонимике (и это особо отмечается в филологии), филология утверждает, что несмотря на все поиски следов «италиков» к северу от Альп не найдено. Столь определенный результат, казалось бы должен был заставить филологов задуматься: всё ли верно в их предпосылках о существовании «италиков» к северу от Альп? Отброшена ли эта несостоятельная гипотеза? Нет, она продолжает существовать, потому, что не находится никого кто подумал бы, что пора это сделать.

Еще пример: филологи заметили, что в области балтийских языков имеется значительное число географических названий, которые имеют большое сходство с именами из областей, занятых когда-то «иллириками». Многочисленные примеры дела нам не объясняют и мы их опускаем.

Предполагают, что упомянутые имена в Прибалтике остались там, как следы пребывания «иллириков», которые, подобно германцам, кельтам и славянам, двигались от Прибалтики к Средиземноморью ещё в самом начале писанной истории. Бросается в глаза и здесь голая

теоретизация: принимается теория о движении народов с севера на юг, совершенно забывая, что древняя культура Европы развивалась, наоборот, с юга на север.

Рим служит этому лучшим примером. И это понятно: именно на юге, в странах с благоприятным климатом, со Средиземным морем, позволявшим свободный доступ народам к его разным берегам, и развивались древние культуры, и именно здесь создались предпосылки к перенаселенности, наконец, образовались культуры, которые были в состоянии покорить себе более отсталые северные культуры.

Несомненно, что мы находим и движение северных народов на юг (главным образом после начала нашей эры), но это движение было **позднего характера**, когда языковые различия индо-европейских народов уже давно определились и в Риме, и в Афинах уже говорили по-латыни и по-гречески.

Нельзя забывать и другого: былого обледенения северной и отчасти средней Европы. Когда ледники стали отступать, за ними стало продвигаться на север, естественно, и первобытное население Европы. По всей вероятности это не были индо-европейцы, а тот этнический субстрат, на котором они впоследствии развились. Весьма возможно, что имена северных рек и озер в России отражают в значительной степени язык этого этнического субстрата.

Нахождение иллирийских названий (допустим, что это предположение верно) следует объяснять не тем, что там когда-то жили «иллирики», которые ушли из Прибалтики, а тем, что эти «иллирики» живут тут и по сей день. Сумма наших знаний (мы не имеем здесь возможности распространяться) говорит в пользу того, что эти «иллирики» были протославянами или протобалтами.

В самом деле: об иллириках говорят немало, но оказывается, что от них не осталось ни этнически, ни филологически почти ничего. Мог ли исчезнуть нацело и бесследно несомненно большой народ, живший к тому же в гористых областях? И это было не в незапамятные

времена, а уже в начале нашей эры. От языка иллирийцев остались, говорят, всего отдельные географические и собственные имена и ни одной фразы.

Если мы ознакомимся с методом выявления якобы иллирийских названий, мы увидим, что выводы строятся в значительной степени на песке, трудно даже поверить, чтобы мог существовать подобный метод.

Иллирийские названия находят следующим образом: все географические названия из области Иллирии, имеющие явно греческое, римское, славянское и т. д. происхождение, отбрасываются, иначе говоря сотни, если не тысячи названий, остается несколько десятков названий, происхождение которых неясно, – их-то и принимают за иллирийские, не правда ли удивительно глубокий и ученый подход?!

Во-первых, такие загадочные слова могут быть словами известных народов, но в течении веков и в устах разных народов настолько измененные, что их трудно узнать с полной уверенностью.

Во-вторых, эти слова могут принадлежать разным народам в свое время жившим в Иллирии: например, гуннам, аварам, аланам, гетам и т. д., которые также исчезли, как и иллирийцы.

В третьих, есть ли в этих словах хоть малейшая «иллирийская» специфичность, позволяющая отличить их от неиллирийских? Ничего этого нет.

Далее, учитывая совершенно ничтожный процент «иллирийских» имен, как можно допустить, что **исчезли в массе все коренные названия**, а вторичные и третичные сохранились сотнями?

Тут же рядом мы имеем пример Греции, в которой сохранилось множество имен догреческого населения, а ведь стереться пеласгические названия имели гораздо больше оснований, ибо в Греции была культура, намного превышавшая местную, наконец, грецизация началась чуть ли не за 2000 лет до нашей эры!

Почему пеласгические или догреческие названия как то: Спарта, Афины, Фивы и т. д. уцелели при наличии высокой греческой культуры, а иллирийские тут же рядом были уничтожены в области до сих пор еще культурно отсталой и никогда не бывшей аренной разви-

тия высоких культур? Почему филологи с этим вовсе не считаются? Ведь здесь не только аналогия, сравнение, здесь настоящая близость, ибо разграничить пеласгическое название от иллирийского мы не в состоянии.

Далее, совершенно одинаковые названия встречаются у разных народов очень часто: на Борнео есть местность – «Таракан», в Австралии – «Корова», совершенно очевидно, что эти названия ничего общего со славянскими корнями не имеют.

Во-вторых, одинаковые названия рек, городов и т. д. древнего «орбис террарум» вовсе не дают основания считать, что один и тот же народ жил там, где встречаются одинаковые названия. В Австралии, например, можно найти имена: Балаклава, Инкерман и т. д., все они являются отзвуками Крымской войны, но не значат, что крымчаки жили когда-то в Австралии. В Соединенных Штатах мы найдем названия: Москва, Киев, Одесса – отзвуки эмиграции из России, но это даже не значит ещё, что имена эти принесены русскими, часто они давались переселенцами иных национальностей, например, евреями и т. д.

Нет ничего удивительного, что группа рабов Рима или Греции при основании нового поселения приносила названия своей родины или метрополии, но это не значило, что данная местность заселена тем народом, к которому принадлежали рабы, изгнанники, воины и т. д. Всех причудливостей топонимических названий не перечесть.

В России имеется множество деревень с чужими татарскими, литовскими и т. д. названиями, они объясняются очень просто: на службу к русскому князю или царю поступали татарский или литовский вельможи, полученные ими деревни, естественно, назывались именем их владельца (напр. Тарханове), но это не значило, что эти деревни основаны татарами или литовцами или что эти народы жили когда-то в данных деревнях.

Те же самые причины обуславливали пестроту названий и в древности: какой-нибудь наместник Рима из Колхиды перебрасывался Римом в Сицилию или

Испанию; новое его имя там получало, как это бывает, тоже название, что и в Колхиде, но это не значит, что в Сицилии или Испании жили колхи.

Отец моего знакомого имел на Волыни имя «Веники», ныне мой знакомый в Австралии называет там так свою усадьбу. Тысячи подобных примеров показывают, что к отдельным, изолированным географическим названиям надо подходить с величайшей осторожностью. Только значительное число их, сконцентрированное в определенном месте, с присущими некоторыми специфическими чертами, может дать основание для историческо-философских выводов.

В другом месте мы уже обращали внимание, что в области нижнего Дуная в древности имелись десятки названий с окончанием на «дава»: Клепидава, Русидава, Суцидава и т. д. В этом случае ясно, что мы имеем дело с остатками какого-то языка, имевшего слово «дава» и означавшего вероятно: поселение, стойбище и т. д.

Так называемые «иллирийские» слова количественно совершенно незначительные, не обладают никакими специфическими чертами для их узнавания и, что замечательно, очень близкими со славянскими. В пример берется литовское слово «лугас», сравнивается со славянским «лужа» и с «Лугеон» в области иллирийских яподов (Страбон, 7, 314). Мы добавим от себя, что в описании похода Александра Македонского на трибаллов, мы находим указание (Арриан, 1, 2), что Александр достиг реки Лугинон («Лугинон потамон»), находившейся в трех дневных переходах от Дуная в направлении гор Гема, т. е. Балкан. Здесь несомненно тот же корень «луг», что по славянски означает «Луговая река», т. е. «река в низких берегах».

Что специфически «иллирийского» нашли в нем филологи? На деле мы находим балто-славянский корень «луг» для обозначения ровной, влажной местности у реки. Вывод можно сделать только один: что славяне жили еще до Страбона и Александра Македонского к югу от Дуная.

Мы не можем останавливаться на рассмотрении многих, подобных же примеров, ибо не пишем филологический трактат. Отметим, что личные имена, например

Грaб(oc)(он), Вeсeлeя и т. д. oтрaжaют яcнo cлaвянcкoe пpoиcxoждeниe. Чтo «иллирийcкoгo» нaшли филологи в имени дeвушки – «Вeсeлeя»? Вeдь cлaвянcтвo этoгo имени нe пoдлeжит никaкoму cомнeнию, рaзвe чтo кaкoй–нибудь тyпицa–филолог нe дoгaдaeтcя cпрaвитьcя в cлoвaрe, eсли он нacтoлькo нe пoдгoтoвлeн тeхничecки к cвoeй cпeциaльнocти, чтo нe знaeт ни oднoгo cлaвянcкoгo языкa.

Нa oснoвaнии вceгo этoгo мы выcтaвляeм cлeдующee пoлoжeниe: никaкoгo ocoбoгo плeмeни «иллирийцeв» c oтдeльным, cвoeoбрaзным языкoм нe былo, cущecтвoвaли иллирийцы–cлaвянe. Никaкoгo пeрeдвигeния «иллири–кoв» из Прибaлтики к Адриaтикe нe былo. Рoдcтвo имен тaм и тaм являeтcя рeзультaтoм тoгo, чтo в нaзвaнных мecтaх жил нaрoд oднoгo и тoгo жe кoрня. Никaкoгo бecслeднoгo иcчeзнoвeния иллирийcкoгo нaрoдa c eгo языкoм нe былo – этo учeнaя фикция, врoдe флoгиcтoнa в физикe. В Иллирии жили иcпoкoн вeкoв cлaвянe, кaк этo утвeрдaeт и пeрвый рyccкий лeтoпиceц. Кoнeчнo, они мeшaлиcь c coceдями и пришeльцaми, нo кoрeнь их oстaвaлcя cлaвянcкий, cлaвянe живyт здeсь и пoнынe.

Пpинимaя тaкoe пoлoжeниe, мы избaвляeмcя oт рядa нeлeпocтeй, c кoтoрым cвязaнo пpeдпoлoжeниe o cущecтвoвaнии иллирийцeв, кaк кoрня нecлaвянcкoгo.

Этo пpoмeжyтoчнoe пoлoжeниe cлaвян–иллирийцeв мeждy Римoм и Грeциeй пpeкpacнo иллюcтpиpyeтcя лингвистичecкoй близocтью их к oбoим: в лaтинcкoм «semen», «agare» нeльзя нe знaть cлaвянcких: «ceмя», «opати» и вмecтe c тeм в грeчecкoм «пeнтe» нeльзя нe знaть cтapo–cлaвянcкoгo «пeнт»; или нoвoгo «пять».

К cпeциaльнoмy рaccмoтpeнию вoпpocа oб иллири–кaх мы eщe нaдeeмcя вeрнyтьcя. Здeсь oн был зaтpонyт, кaк пpимep, в кaкoй cтeпeни мы мoжeм дoвepять иcтopичecким вывoдaм нa oснoвaнии филологии. Мы пpизнaeм, чтo филология мoжeт пoмoчь иcтopии, и дoвoльнo cущecтвeннo, нo пpи ycлoвии пoлнoй пeрecтpойки нaучнoгo мeтoдa, – рeшaя ocoбыe зaдaчи, филология дoлжнa видeть и знaть, чтo дeлaeтcя и в дpyгих нaукaх, кaкoвы пpимeняeмыe тaм мeтoды и кaкoвы их oснoвныe вывoды.

О ПРАРОДИНЕ СЛАВЯН НА ОСНОВАНИИ ИЗУЧЕНИЯ НАЗВАНИЙ РАСТЕНИЙ

Изучающий историю славян несомненно натолкнется на аргумент, что славяне происходят из Полесья. Насколько ошибочен этот аргумент мы увидим из последующего, отметим здесь только, что историки прибегали к доказательствам совершенно побочным, а главное необоснованным в достаточной степени.

В 1908 году польский ботаник Rostafinsky указал, что балто–славя, т. е. летты, литовцы, пруссаки и славяне не имеют своих слов для обозначения бука (*Fagus sylvatica*), пихты (*Larix europaea*) и тисса (*Taxus baccata*), но имеют слово для обозначения граба (*Carpinus betulus*).

Отсюда сделали вывод, что их прародина была в области, где рос граб, но отсутствовали бук, тисе и пихта, т. е., в бассейне среднего Днепра. Иначе говоря, Полесье является прародиной славян.

Этот взгляд нашел отражение в 16–ти томной "The Cambridge Medieval History", второй том которой вышел в 1913 году и где на стр. 418–419 это положение взято в основу всех дальнейших рассуждений. Рассуждал так: предки кельтов, германцев и балто–славов перво–

начально имели имена для бука и тисса, значит они жили к северу от Карпат и западнее линии Кенигсберг–Одесса. Затем предки балто–славов пересекли зону бука и тисса и прошли в Полесье, где они вовсе потеряли имя бука, а имя тисса перенесли, якобы, на иву (*Salix carnea*,) и черную бузину (*Rhamnus frangula*). Предполагается при этом, что со времени за 2000 лет до нашей эры климат не изменился и распространение указанных растений осталось тем же.

В изложенном только что положении нагромождена куча грубейших ошибок. Прежде всего неверно самое основание, что в Полесьи были утрачены имена бука, тисса и пихты. Если мы обратимся к капитальной работе акад. Т. Лер–Сплавинского – «Польский язык». 1954, Москва, то на стр. 62–67 найдем анализ слов общеславянского периода. Из перечисления растений, названия которых общи всем славянам (дуб, бук, граб, явор, липа, тополь, тисе, ель и т. д.) видно, что имена, являющиеся предметом дискуссии, **являются основным фондом всех славянских языков.**

Если их не употребляют в Полесьи, то потому, что этих растений там нет, но это вовсе не значит, что они исчезли из словарного фонда каких–либо славян.

Во вторых, у нас нет решительно никаких данных, что «северно–европейцы» (предки кельтов, германцев и балто–славов) имели для бука и тисса именно те названия, которые им задним числом приписывают; этого никто не знает и вряд ли когда–нибудь узнает. Надо отличать точное знание от одних только–возможных предположений.

В–третьих, если предки упомянутых народов имели данные названия для бука и тисса, и эти слова были забыты в Полесьи, то это доказывает совершенно обратное тому, что пытаются доказать: если имена эти забыты в Полесьи, – значит забывшие происходят **не из Полесья**; они пришли откуда–то, но забыли эти имена. Вот если бы они были автохтонами Полесья, то они имели бы свои, совершенно особые названия для этих растений, ибо эти растения произрастали не за тысячи километров от Полесья, а у границы его, а отча–

сти и в нем самом. Вспомним, что целая область Прикарпаття называется Буковиной из-за необыкновенной типичности этого дерева для области.

В четвертых, распространение указанных древесных пород в Европе выходит далеко за пределы кельтов, германцев и балто-славов, – следовательно надо принять во внимание и названия этих пород на языках других народов, ибо если углубляться в древность за 2000 лет до нашей эры, то надо соответственным образом углубиться и в филологическую сторону вопроса.

Надо рассмотреть вопрос с точки зрения общего языкознания, а не только какой-то его части. Выдергивание из проблемы только одной ее части не может дать ее полного решения. Ведь бука и тисса на Кавказе и других местах целые леса, а как их называют там, об этом филологствующие ботаники и историки не подумали. Может быть названия идут оттуда.

В пятых, если речь идет о Полесьи, т. е., грубо беря, о треугольнике: Брест Литовск – Могилев–на Днестре – Киев, то только литовцы могут претендовать, что это их касается главным образом, – пруссаки и летты в этом треугольнике никогда не жили. Поэтому, если в языке исчезнувших вовсе пруссаков или ныне еще живущих леттов нет упомянутых слов, значит объяснение сути этого лежит в совсем другом.

В шестых, так как отмечено, что указанные слова в действительности сохранились, но перенесены на другие растения, – значит в этом вопросе ясности нет и нет основания для далеко идущих выводов.

В седьмых, самое утверждение, что слова забыты и еще в их верном понимании – ошибочно. В «Слове о полку Игореве», написанном в 1187 г., в произведении для народа, где всё должно быть понятно, говорится о «тиссовой кровати». Ясно, что слово «тисе» не выдуманно автором «Слова», а идет из тьмы веков; необыкновенно же крепкая и красивая древесина тисса употреблялась для дорогой мебели и была вполне понятна для кровати князя Светослава 3-го.

Если народ не знает бука в Полесьи, то это не значит, что он не знает его там, где он растет и растет во множестве на Карпатах, т. е., в самом незначительном

расстоянии от Брест–Литовска, Наконец напомним, что распространение бука и тисса в древности было гораздо шире, что доказано анализом углей костров древнего человека в Бессарабии и т. д.

Беря весь вопрос в целом, можно сказать, что ни Ростафинский, ни другие авторы в этом вопросе совершенно не разобрались, выводы их ошибочны и этот аргумент совершенно негоден в данном вопросе.

Чтобы подкрепить рассмотренное выше положение, часто употребляют еще одно вспомогательное «доказательство». Оказывается, что в упомянутом треугольнике или в общем в этой области, огромное количество географических названий являются славянскими, тогда как в других местах Европы явно преобладают (хотя бы в названиях рек) корни какого–то праязыка. Отсюда делали скороспелое заключение, что славяне здесь были искони, если даже реки этой области носят славянские имена.

И здесь следует вывести совершенно иное заключение: на этой площади славяне были только первопоселенцами, но их родина была вовсе не тут. Славяне явились сюда не в глубочайшей древности, а сравнительно поздно, но Полесье никем не было населено, ибо издревле было мало пригодно для поселения человека. Значит не от кого было заимствовать названия рек, а пришлось изобрести свои.

Пейскер, автор разбираемой статьи, сам отмечает, что даже теперь «легче добраться из Ладожского озера до Чёрного моря, чем из многих деревень Полесья в другие».

За 2000 лет до нашей эры Полесье представляло собой почти необитаемую человеком область, ибо это было сплошное море болот, озер, трясин, заросших водяными растениями, мелким кустарником, порой лесом. Если теперь, после тысячелетий вырубки лесов, дренажей почвы, изменений климата в сторону большей сухости и т. д. мы местами имеем только островки пригодной для жилья человека земли, – можно себе представить, чем было Полесье за 4000 лет до нашего

времени! Это было царство бобров, а не людей. Сюда изредка могла заглядывать еще нога охотника, но не земледельца.

Полесье было «белым пятном», в которое медленно, веками, исподволь проникали со всех сторон прежде всего охотники на бобров, выдр, лосей и т. д. На более возвышенных местах они оседали и начиналось развитие скотоводства и земледелия, начиналась вырубка лесов, осушение болот и постепенное, очень медленное освоение области человеком.

Если еще и теперь население Полесья чрезвычайно редко и непропорционально ничтожно по отношению к своей площади, – что же говорить об эпохе за 4000 лет!

Ни Пейскер, ни соавторы в "Medieval History", ни вообще историки этого не понимают. С каким-то отчаянием читаешь рассуждения Пейскера, что славяне заполнили «бесчисленными миллионами» Европу, опираясь на Полесье, как на свою прародину.

Пейскер знает всё: что Полесье было почти непригодно для жилья человека, что оно крайне бедно буквально всем, даже здоровой питьевой водой, что население его незначительно даже теперь (одно из самых низких в Европе), что оно изнурено болезнями, включая и специфические полесские, напр., «зоб», «колтун» и т. д., и находится в явно дегенеративном состоянии, он приводит даже цифру среднего роста новобранцев: всего 5 футов 4 дюйма и... из Полесья он делает страну, наводняющую Европу своими миллионами!

Где разум у человека? Как могли напечатать подобную мюнхгаузовщину в серьезном научном труде? Как могли поверить подобной логике? Правда, Prof. F. Dvornik в книге своей: "The Slavs, their early History and Civilization", 1956, Boston говорит о теории Пейскера (стр. 5): «странно, что подобная фантастическая история могла быть напечатана в английском стандартном труде по средневековой истории», но, ведь это высказано только в 1956 году и только одним авторитетным ученым, а остальные хранят глубокое молчание и вся историческая литература до сих пор насыщена глупостями Пейскера. Пример с теорией Пейскера прекрасно показывает, как теоретически отстала история от уровня

современной науки, как можно безнаказанно печатать в стандартных научных трудах полные нелепости и какие сказки могут распространять под флагом свободы научной мысли.

Полесье, возможно, было отчасти заселено еще в палеолите, но как заселено, – в этом вопрос. Отдельные стоянки были расположены на огромных расстояниях друг от друга и население было кочевым или полукочевым, ибо его единственным занятием было рыболовство и охота.

Настоящее заселение Полесья началось с появлением скотоводов и земледельцев и с постепенным изменением самого облика страны. Этот процесс заселения совершили славянами и литовцами, сравнительно весьма недавно, когда на более удобных землях стало тесно, а Полесье представляло собой никем не занятые земли.

Отсюда понятно и то, что Полесье играло весьма незначительную роль в истории славян.

Прародину славян следует искать только на землях богатых, особенно пригодных для земледелия, только здесь могли создаться те миллионы славян, наличие которых в древности установлено неопровержимыми фактами. Таким образом Полесье должно быть совершенно исключено из обсуждения о прародине славян раз и навсегда. Славяне зародились и развились несомненно в областях западнее и южнее; только впоследствии они подошли к почти необитаемому Полесью и освоили его, дав славянские названия многим его географическим пунктам, но это было уже в почти исторические времена или в исторические времена.

Однако, к славянским названиям надо относиться с большой осторожностью.

Дело в том, что за последние столетия многие первоначальные названия претерпели совершенно необоснованную руссификацию. Так например река Велия или Вилия (сходных названий можно найти несколько на территории Европы) превращена в реку Великую и потому только, что «Велия» будет переводиться так с церковно-славянского на русский. Между тем название это вовсе неславянское.

Река Семь (в летописях встречаем выражение: «и

по Семи») превратилась в Сейм. Река Северский Донец почему-то стала Северным Донцом, хотя название происходит оттого, что река вытекала из области племени «севера». Река Юга, так называвшаяся еще в начале 18 века, стала Югом. Особенно часто славянизируют названия, перенося ударение не на те слоги. Например, многие усмотрели в названии Десны, что она, мол, означала по старо-славянски «Правая», т. е. правый приток Днепра, на самом деле местное население называет ее не «Десна», а «Десна», в полной аналогии с родственными названиями вроде: Тосна, Шексна, Сосна и т. д., которые все являются названиями какого-то праязыка, но во всяком случае не славянского.

Само собою разумеется, что настоящее название реки не «Сестра», а – Сестра», не «Сосна», а «Сосна», что доказывается названием «Быстрая Сосна», сосна же не может быть «быстрой». Такое переосмысливание названий бывает нередко, вместе с тем оно бывает вовсе ошибочным. Мы упоминаем об этом потому, что многие географические названия в области Полесья и кругом его склонны превращать и понимать, как славянские, на деле же они неизвестных корней. В общем же с применением филологии к истории надо быть крайне осторожным, чтобы не наделать непоправимых ошибок. Ошибки надо не только исправлять, но и учиться их не делать.

О СЛАВЯНСКИХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЯХ В ГРЕЦИИ

В чрезвычайно трудном и запутанном вопросе о первичном населении Греции, вернее юга Балканского полуострова, географические названия, отражающие историю страны, т. е. топонимика, могут дать чрезвычайно интересные результаты. Чтобы верно оценить их, надо верно понять их происхождение.

Ниже мы увидим, что в современной Греции имеется огромное количество славянских географических названий. Предполагают, что все они появились в Греции после 6-го века, т. е. после волн славян, докатившихся до самого Пелопоннеса.

Однако, и этим мы будем заниматься ниже, возможно предположить, что они являются гораздо более древними, уходя в века до нашей эры. Достаточно принять во внимание хотя бы то, что Полибий (201–120 гг. до н. э.) (V, 97) уже упоминает местность на реке Аксиос под названием Билазора, в славянстве которой сомневаться трудно.

Таким образом имеется предположение, что славянские географические названия **частично** идут от славян, жителей страны еще до нашей эры. С другой сто-

роны, имеются данные, говорящие определенно в пользу того, что волны славян были и в первые века нашей эры надолго до 6-го века.

Если это так, скажут нам, то почему в классической греческой литературе (включая историю конечно) так мало славянских географических названий, а преобладают явно греческие.

Объяснить это довольно легко: во-первых, огромное количество названий, даже таких, как Афины, Спарта и т. д., вовсе не греческие, мы только думаем так, ибо вокруг них совершались события в древней Греции. На самом деле такие названия уже были, когда первые греки прибыли в страну, которая затем получила название Греции. Это, конечно, не значит, что такие имена славянские, но это значительно уменьшает число названий, которые обычно принимаются за греческие,

Во вторых, и это самое главное, основные источники древней Греции дошли до нас только из той эпохи, когда Греция уже была большим, культурным, доминирующим государством во всем Средиземноморьи, включая и Чёрное море. Мы застаем Грецию на поле писанной истории после весьма долгой истории не писанной, именно в момент, когда она уже поднялась до стадии широкой письменности, т. е., не менее, чем за 500 лет до нашей эры.

Это случилось уже тогда, когда Греция заняла среди соседних народов доминирующее положение и подавляла всех соседей на Балканах своим влиянием. Мы застаем (см. данные Фукидида и др.) Балканский полуостров уже значительно грецизированным: целые города и области еще говорили на своих родных языках, чуждых греческому, но многие уже знали и греческий, служивший для них общим языком, своего рода «лингва франка».

Влияние греков сказывалось прежде всего на названиях. Если мы обратимся к названиям варварских племен, мы заметим, что они не собственные, варварские, а греческие прозвища, ибо переводимы на греческий язык, например, аподоты, амфилохи и т. д. Так как греки были связующим звеном между варварскими

народами, то естественно их, греческие прозвища и были в общем употреблении, а не варварские, которые не были закреплены письменностью.

В древности племена очень часто называли также по их главному городу, греки же давали свои названия этим городам, отсюда и племена варваров получали греческие названия, но это не значило, что варварские племена не имели собственных имен, просто история, которая прошла через греческие руки, их не сохранила.

До нас дошла терминология доминирующего культурного народа. Наконец, греки, даже при желании, не могли употреблять чужих названий просто из-за недостатка букв в своем алфавите для передачи чужих звуков. Сколько можно судить, греки часто прибегали к переводу названий на свой язык, так например, вместо Главиница они употребляли Кефалоница, что означает одно и то же.

Это не значит, что не было чужих географических названий, они всё время существовали, но они были вытеснены в греческой письменности греческими. Можно быть уверенным, что и до ныне в отношении некоторых географических названий существует двойственность, т. е., употребляют и древнее, неизвестного происхождения название, и вместе с тем новое, греческое. Переименования существуют и до сих пор, например, Кенигсберг сейчас называют Калининградом, но нет сомнения, что еще столетия будет существовать древнее название его – Кролевец.

Не следует также упускать из виду, что большинство мелких географических названий не могли войти в историю именно потому, что ничего особенного в истории с ними не связано. Крупные географические пункты были грецизированы, а мелкие сохраняли свои первобытные названия и нет никакого сомнения, что анализ названий будет иной, если исследование будет произведено не по картам, а на месте: выявятся сотни названий ручейков, холмов, лесков, урочищ, полянок и т. д.

Эти мелкие названия часто идут из глубочайшей старины, но благодаря своей незначительности, вовсе уходят из поля зрения историка и даже географа. Каждая ложбинка, каждая долинка имеет у местного

населения название, но такие названия имеют только местное употребление; однако, случись какое-нибудь важное событие, как название попадет в письменность и будет закреплено.

Славянскими географическими названиями интересовались многие. Первым ученым, поставившим вопрос и сделавшим много, был Фалльмерайер (Fallmerayer, J. Ph— 1835. *Welchen Einfluss hatte die Besetzung Griechenlands durch die Slaven auf das Schicksal der Stadt Athen und der Landschaft Attika*. Stuttgart; 1835. *Die Entstehung der heutigen Griechen*, Stuttgart; 1830–1836. *Geschichte der Halbinsel Morea, I–II*, Stuttgart–Tuebingen; 1877. *Fragmente aus dem Orient*, 2. Aufl. hgb. G. M. Thomas, Stuttgart,).

Он указал, что в Пелопоннесе до сих пор имеются такие названия, как: Черница, Хлумци, Врана, Горица, Кривица, Милица, Малево, Кастанница, Планица, Кацико-во, Драголибос и многие другие подобные.

Фалльмерайер же выдвинул интересную теорию, представляющую высокий теоретический интерес не только в этом частном случае, т. е., о греках, но и вообще, — он указывал на то, что славяне пришельцы в сущности вовсе вытеснили этнически древних греков, современные греки — это только грецизированные славяне. Более высокая культура подавила более низкую, но носителями ее явились пришельцы.

Это явление, при котором язык народа на данной площади остается в основном тем же, но народ изменяется, мы предложили бы назвать «субституцией нации». Рассмотрение этого в высшей степени интересного и важного вопроса мы вынуждены пока отложить.

Мы пропустим далее изложение работ и достижений последующих исследователей, так как это не имеет прямого отношения к нашей задаче, а перейдем к работе Max Vasmer'a: 1941. *Die Slaven in Griechenland*. *Abhandlungen d. Preuss. Akad. d. Wissensch.* N12, 1–350, которая суммирует результаты всех работ.

Ознакомимся прежде всего с количественной стороной дела, — Фасмер дает следующие цифры для славянских названий.

1. **Эпир.**
Область Янины – 334; область Арты – 44; область Превезы – 34, итого по Эпиру 412 названий.
2. **Акарнания** – Этолия – 98 названий.
3. **Ионические острова:** Керкира – 11; Левкадия – 4; Кефалления – 3; Итака – 1; Закинф – 2, итого 21.
4. **Эвритания** – 48.
5. **Фессалия:** Область Трикалы и Кардицы – 122; область Лариссы – 38; область Фтиотиды – 55; область Магнесии – 15. Итого – 230 названий.
6. **Эвбея** – 19. 7. **Андрос** – 1; 8. **Тенедос** – 1; 9. **Скирос** – 1; 10. **Фоки да** – 45; 11. **Бэотия** – 22; 12. **Аттика** – 18; 13. **Эгина** – 1; 14. **Коринф** – 24; 15. **Аргос** – 18 (+ остр. Гидра 2) – 20; 16. **Ахайя** – 95; 17. **Элида** – 34; 18. **Трифилия** – 42; 19. **Аркадия** – 94; 20. **Мессения** – 41; 21. **Лакония** – 81; 22. **Крит** – 17; 23. **Македония:** область Козани – 116; область Флорины – 165; область Пеллы – 94; область Феесалоники и Халкидики – 152; область Серреса, Нигриты и Демир-Гиссара – 111; область Драмы и Каваллы – 92. Итого – 630 названий. 24. **Фракийские острова;** – Тазос – 1; Самофракия – 2. Итого – 3. 25. **Фракия:** область Ксанте – 9; область Марицы – И; область Адрианополя – 10; область Саранды – 5; область Райдестос – 11; область Галлиполи – 4. Итого – 50.

Всего по всей Греции 1938 славянских географических названий. Нет никакого сомнения, что на самом деле их гораздо больше потому, что: 1) многие названия за века господства греков, турок и т. д. настолько изменены в фонетическом отношении, что славянство их доказать нельзя, 2) большинство мелких названий ручьев, речек, холмов, урочищ, небольших вершин, мелких поселений и т. д. в атласы и списки не попали, а потому в счет не вошли.

Действительная цифра настолько велика, что славянское влияние это не легкий, так сказать, налет, это крупный, основной слой в толще географических названий.

Обращает на себя внимание также и то, что славянские названия не сгущаются по направлению к современным славянским государствам, а отлично представлены

даже в Пелопоннесе (449 названий, т. е. почти 1/4 всех названий), что, принимая во внимание его размеры и отдаленность, скорее говорит о том, что славянские названия более сохранились здесь, чем в других частях современной Греции.

Итак, мы стоим перед дилеммой: 1) либо эти названия появились только с 6-го века, либо, 2) некоторая часть их существовала в Греции издревле.

Доказательство исконности славянских названий наталкивается на огромные трудности: во-первых, никаких атласов или списков географических названий древности нет, мы имеем только десятки названий, а нам нужны сотни и тысячи их; во-вторых, все названия дошли до нас через греческие или римские руки, т.е., первоначальные названия дошли до нас в греческих или римских вариантах, либо в столь искаженной форме, что доказать их славянство невозможно.

Перед нами два пути: либо доказать, что славяне наводняли Грецию еще до 6-го века, либо найти в древних источниках некоторые славянские названия местностей. Количество их не столь важно, если будет найден хотя бы десяток явных славянских названий задолго до 6-го века, присутствие славян уже будет доказано.

Прежде, чем перейти к изложению инвазий народов на Балканы до 6-го века, следует ознакомиться с некоторыми важными моментами. Во-первых, не всякая инвазия приводила к изменению географических названий. Совершенно очевидно и бесспорно, что захват той или иной области Греции во время войны к перемене географических названий не приводил, — как только волна пришельцев откатывалась, всё восстанавливалось. Перемену названий могли приносить только **волны новых поселенцев**, оседавших окончательно в данной местности.

Во-вторых, не всякая даже большая инвазия (с переселением) могла приводить к изменению географических названий; если пришельцы сливались с местным населением, то несомненно местные названия уцелевали, только тогда появлялись новые, когда пришельцы приходили на почти пустые места и традиция была прервана. Переименование могло коснуться только весьма немно-

гих центральных пунктов, где сосредоточивалась сила прищельцев, переименовывать же незначительные пункты просто не имело смысла.

В-третьих, не всякая инвазия достигла Пелопоннеса, бывшего весьма изолированным полуостровом, а между тем именно в Пелопоннесе количество славянских названий не меньше, чем в других частях Греции.

В четвертых, и это особенно важно, исторически засвидетельствованные инвазии и переселения касались не только славян, мы знаем о нашествиях гуннов, готов, аваров и т. д., — почему же именно славянские названия уцелели, а названия других племен погибли?

В пятых, если славяне, явившись с 6-го века, смогли навязать основному населению Греции столько географических названий, то почему греки в позднейшую эпоху своего господства вновь не эллинизировали эти названия? С 6-го и до 15-го веков времени для этого было вполне достаточно. Если славяне сумели навязать тысячи названий, почему этого не смогли сделать греки, будучи хозяевами страны?

На все эти вопросы может быть один удовлетворительный ответ: потому что славянские названия — это древние названия и все волны других народов только повторяли исконные названия, ибо зачем было изобретать новые названия, если уже существовали старые?

Мы начнем с данных Прокопия из Кесарии, византийского историка 6-го века, описавшего войну с готами, события участником которых он был сам, ибо служил у Велизария, начальника византийских войск в Италии. Цитировать мы будем по книге — «Война с готами», изд. Акад. Наук. Москва. 1950. Начнем с главного отрывка (3, 14, 22–30): «Эти племена, славяне и анты, не управляются одним человеком, но издревле живут в народоправстве (демократии), и поэтому у них счастье и несчастье в жизни считается делом общим (глубокая основная черта всех славян, дожившая и до сего дня. С. Л.). И во всем остальном у обоих этих варварских племен вся жизнь и законы одинаковы.

Они считают, что один только бог, творец молний, является владыкой над всеми, и ему приносят в жертву быков и совершают другие священные обряды (речь, конечно, идет о Перуне; отметим, что подчеркивается монотеизм и что о человеческих жертвоприношениях нет ни слова, С. Л.). Судьбы они не знают и вообще не признают, что она по отношению к людям имеет какую-либо силу (замечательно схваченная основная черта славянского духа, С. Л.), и когда им вот-вот грозит смерть, охваченным ли болезнью, или на войне, попавшим в опасное положение, то они дают обещание, если спасутся, тотчас же принести богу жертву за свою душу; избегнув смерти, они приносят в жертву то, что обещали, и думают, что спасение ими куплено ценой этой жертвы. Они почитают реки, и нимф, и всякие другие божества, приносят жертвы всем им и при помощи этих жертв производят гадания.

Живут они в жалких хижинах, на большом расстоянии друг от друга, и все они часто меняют места жительства (очень важное указание о быте древних славян, С. Л.). Вступая в битву, большинство из них идет на врагов со щитами и дротиками в руках, панцирей же они никогда не надевают (опять-таки весьма важное указание, С. Л.); иные не носят ни рубашек (хитонов), ни плащей, а одни только штаны, подтянутые широким поясом на бедрах, и в таком виде идут на сражение с врагами.

У тех и других один и тот же язык, достаточно варварский (исключительно важное указание, что анты были славянами, С. Л.). И по внешнему виду они не отличаются друг от друга. Они очень высокого роста и огромной силы. Цвет кожи и волос у них очень белый или золотистый и не совсем черный, но все они темно-красные (здесь явное противоречие второй части фразы по отношению к первой: если «цвет кожи и волос у них очень белый или золотистый, то сопоставление «и не совсем черный» совершенно неуместно, равно как и замечание, что: «все они тёмнокрасные»; здесь несомненно ошибка переводчика; вероятно слова, употребленные

Прокопием, **теперь** имеют иное значение; во всяком случае ни филологи, ни историки не попытались специально исследовать это место, С. Л.).

Образ жизни у них, как у массагетов, грубый, без всяких удобств (совершенно ясно, что, сравнивая, Прокопий знал образ жизни массагетов, и что массагеты вовсе не были в это время племенем центральной Азии, как нас в этом некоторые стараются убедить, С. Л.), вечно они покрыты грязью, но по существу они не плохие и совсем не злобные, но во всей чистоте сохраняют гуннские нравы (исключительно важное замечание. Прокопий включает славян и антов в понятие «гунны»; если бы он хотел высказаться о них общими фразами, он употребил бы слово «варварский», но, употребляя слово «гуннский», он более узко сближает славян и антов с гуннами, следовательно нет ничего удивительного, если в событиях с гуннами будут включены и славяне, С. Л.).

И некогда даже имя у славян и антов было одно и то же. В древности оба эти племени называли спорами («рассеянными»), думаю потому, что они жили, занимая страну «спораден», «рассеянно», отдельными поселками. Поэтому—то им и земли надо занимать много. Они живут, занимая большую часть берега Истра, по ту сторону реки».

И это замечание крайне важно: славяне и анты уже во времена Прокопия сидели широким фронтом на северном берегу Дуная. Перейдем теперь к более мелким замечаниям Прокопия о славянах.

В книге 1-й (1,27,2) мы находим: «...прибыли Мартин и Валериан, приведя с собой 1600 всадников. Большинство из них были гунны, славяне и анты, которые имеют свои жилища по ту сторону реки Дуная недалеко от его берега».

Обращает на себя внимание совместное упоминание гуннов, славян и антов; повидимому и указание на местонахождение племен также включает и гуннов. Интересно, что в середине 6-го века эти племена уже знали воочию, что такое Италия и Рим.

В книге 2-й (2, 15,2) мы находим: «Когда эрулы были побеждены в бою с лангобардами и должны были

уйти, покинув места жительства отцов, то один из них (sic), как я выше рассказывал (гл. 14, §28) поселился в странах Иллирии, остальные же не пожелали нигде переходить через реку Истр, но обосновались на самом краю обитаемой земли. Предводительствуемые многими вождями царской крови, они прежде всего последовательно прошли через **все славянские племена**, а затем пройдя через огромную пустынную область, достигли страны так называемых варнов. После них они прошли через племена данов...»

Этот отрывок представляет исключительный интерес, он показывает, что славянских племен к северу от Дуная было много и они находились **в западном** его участке, по пути от Дуная к Дании. Замечательно совершенно точное указание варнов и данов. То обстоятельство, что эрулы прошли так далеко на север доказывает убедительнейшим образом, что вытесненные (не все!) из Паннонии лангобардами, эрулы вернулись в свои старые места, ибо не могли они направляться куда глаза глядят, бессмысленно, да еще в такую даль.

В той же книге (2,26,18) находим указание, что отряды славян служили в римских войсках.

В книге 3-й (3, 13, 24–25) находим: «Случилось, что незадолго перед тем (т. е. ок. 545 г., С. Л.) большой отряд славян, перейдя реку Истр, стал грабить римляне места и забрал в рабство большое число римлян». Из этого видно, что около 545 г. славяне только нападали с целью грабежа на области к югу от Дуная.

Еще более интересные сведения мы находим в §14 (1–6): «На четвертый год своей единодержавной власти (т. е., в 530 г., С. Л.) император, назначив этого Хильбудия начальником Фракии, поставил его для охраны реки Истр, приказав ему следить за тем, чтобы жившие там варвары не переходили реку. Дело в том, что жившие по Истру варвары, гунны, анты и славяне (опять все три племени упомянуты вместе, С. Л.), часто совершая такие переходы, наносили римлянам непоправимый вред... Спустя три года (т. е. в 533 г., С. Л.) после своего прибытия Хильбудий по обычаю перешел реку с небольшим отрядом, славяне же выступили против него все поголовно. Битва была жестокая, пало много

римлян, в том числе и их начальник Хильбудий. После этого река навсегда стала доступной для переходов варваров по их желанию и римская область совершенно открытой для их вторжения».

Совершенно очевидно, что выражение «навсегда стала доступной» – выражение довольно относительное: Прокопий кончил «Историю войн Юстиниана» в 550 году, последний труд его жизни («Тайная история») вышел в 560 году.

Таким образом свидетельство Прокопия относится к очень краткому промежутку времени: от 533 г. до 550-го. И в дальнейшем Дунай служил долго границей. Заметим, что все эти данные говорят только о набегах, но ни слова о переселениях.

В той же книге (3, 14, 7) мы читаем: «Спустя некоторое время анты и славяне рассорились между собой и вступили в войну» и несколько ниже (§14,11): «около этого времени анты сделали набег на Фракийскую область и многих из бывших там римлян ограбили и обратили в рабство. Гоня их перед собою, они вернулись с ними на родину».

Далее (§29,1) мы находим: «Приблизительно в это время (т. е. около 547 г., С. Л.) войско славян, перейдя реку Истр, произвело ужасающее опустошение всей Иллирии вплоть до Эпидамна (из этого видно, что нападали славяне западного сектора, очевидно из района Савы и Дравы, С. Л.), убивая и обращая в рабство всех попадавшихся навстречу, не разбирая пола и возраста и грабя ценности. Даже многие укрепления, бывшие тут, и в. прежнее время казавшиеся сильными, так как их никто не защищал, славянам удалось взять; они разбрелись по всем окрестным местам, совершенно свободно производя опустошения. Начальники Иллирии с пятнадцатитысячным войском следовали за ними, но подойти к неприятелю близко они нигде не решались».

В §35, 17–22 мы находим указание, что большой отряд славян участвовал в неурядицах среди лангобардов, в которые были втянуты и гепиды.

Параграф 38-й почти целиком посвящен славянам. «Около этого же времени (т. е. около 550 г., С. Л.) войско славян, собравшись не больше чем в 3000 чело–

век, перешло через реку Истр, не встретив ни с чьей стороны противодействия, и затем без большого труда, перейдя реку Гевр (т. е. Марицу, С. Л.), разделилось на две части. В одной части было 1800 человек, вторая включала всех остальных».¹

В происшедших стычках римляне были разбиты.

«После этого они стали безбоязненно грабить и все эти местности и во Фракии и в Иллирии, и много крепостей и тот и—другой отряд славян взял осадой; прежде же славяне никогда не дерзали подходить к стенам или спускаться • на равнину (для открытого боя), так как эти варвары никогда даже не пробовали проходить по земле римлян. Даже через реку Истр, повидимому, за всё время они перешли только один раз, как я выше об этом рассказывал (здесь Прокопий противоречит самому себе: выше было сказано, что имп. Юстиниан назначил в—530 г. начальником Хильбудия именно потому, что славяне беспокоили римлян постоянными переходами через Истр; противоречие возможно объяснить тем, что Прокопий говорит о разных секторах Истра, С. Л.).

«Эти славяне, опустошив подряд всю страну вплоть до моря, взяли также приступом и приморский город, по имени Топер, хотя в нем стоял военный гарнизон. Этот город был первым на фракийском побережье и от Византии отстоял на 12 дней пути....»

«До 15.000 мужчин они тотчас же убили и ценности разграбили, детей же и женщин обратили в рабство. Вначале они не щадили ни возраста, ни пола; оба эти отряда с того самого момента, как ворвались в область римлян, убивали —всех, не разбирая лет, так что вся земля Иллирии и Фракии была покрыта непогребенными телами (далее идет описание зверств). Так сначала славяне уничтожали всех встречающихся им жителей. Теперь же они и варвары из другого отряда, как—бы упившись морем крови, стали некоторых из попадавшихся им брать в плен, и поэтому все уходили домой, уводя с собой бесчисленные десятки тысяч пленных».

Сообщение Прокопия в одном отношении безусловно тенденциозно: убийств ради убийств не было: это ничем не оправдано, а что варвары мстили за безобразия, производимые римлянами, то в этом было достаточно основания. Одно несомненно: это был набег славян с

уводом пленных, во всяком случае не переселение, все варвары возвратились домой.

В §40,1–4 мы находим: «Пока Герман собирал свое войско в Сардики, городе Иллирии,... огромная толпа славян, какой раньше никогда не бывало, явилась на римскую территорию. Перейдя реку Истр, они подошли к городу Наису... Славяне твердо заявили, что явились сюда, чтобы осадить и взять Фессалонику и города вокруг ее. Когда об этом услышал император, он пришел в большое беспокойство и тотчас приказал Германи отложить поход на Италию и защищать Фессалонику и другие города и отразить, поскольку он может, нашествие славян».

Славяне, извещенные, что Герман намерен их отразить, уклонились от боя «и, пройдя по горам через всю Иллирию, оказались в Далмации». Отсюда видно, что нападавшие, очевидно уходившие домой, отступая попали в Далмацию, т. е. жили в западной части дунайского сектора. Запомним, что это было уже в 551 году.

Далее мы находим (30–45): «В то время (т. е. зимой 551 г., С. Л.) славяне, которые перед тем оказались в пределах владений императора, и другие, немного позднее перешедшие через Истр и соединившиеся с прежними, получили полную возможность беспрепятственно вторгаться в пределы империи» (должно быть побуждаемые готами, с которыми Юстиниан вел большую борьбу в Италии, С. Л.).

«Разделившись на три части, эти варвары причиняли всей Европе (дело идет о провинции Европа около Царьграда, С. Л.) неслыханные бедствия, грабя' эти местности не просто случайными набегами (заметим это выражение самого Прокопия, С. Л.), но **зимую** здесь, как-бы в собственной земле, не боясь неприятеля». Император послал против славян войско.

«Это войско захватило часть варваров около Адрианополя, который лежит посреди Фракии, на расстоянии пяти дней пути от Византии. Дальше уже варвары двинуться не могли; ведь они имели с собой бесчисленную добычу из людей, всякого скота и ценностей».

В происшедшем бою «римляне были разбиты на голову». «(Славяне) получили возможность ограбить

местность, так называемую Астику, с древнейших времен не подвергавшуюся разграблению, и поэтому им удалось получить отсюда большую добычу. Таким образом, опустошив большую область, варвары подошли к «Длинным стенам», которые отстоят от Византии немного больше одного дня пути».

Немного позже римлянам удалось разбить одну часть славян, «остальные варвары со всей другой добычей возвратились домой».

Последнее упоминание о славянах мы находим в книге 4-й (4, §25,1-6): «В это время (т. е. в 552 г., С. Л.), громадная толпа славян нахлынула на Иллирию и произвела там неописуемые ужасы... Во время этого грабительского вторжения, оставаясь в пределах империй долгое время... они взяли в плен и обратили в рабство бесчисленное количество людей и ограбили всё, что возможно; так как никто не выступал против них, они со всей добычей ушли домой... Даже при переправе через Истр римляне не могли устроить против них засады или каким-либо другим способом нанести им удар, так как их приняли к себе гепиды, продавшись им за деньги, и переправив их, взяв за это крупную плату: плата была – золотой статер с головы».

Из этого вытекает, что славяне не жили непосредственно на Дунае, на самом Дунае жили гепиды, – об этом есть указания и в других источниках. Таковы высказывания Прокопия о славянах. Из них бесспорно вытекает, что славяне по крайней мере до 552-го года не жили на южном берегу Дуная, они только делали набеги и всегда возвращались домой, если даже они оставались на зиму, это уже было исключением. Поэтому говорить о заселении славянами южного берега Дуная в это время совершенно не приходится.

Так как об антах Прокопий говорит особо, рассмотрим теперь и эти данные. В книге 3-й (3, §22, 3) мы находим указание, что 300 антов принимали участие в боях в Италии на стороне римлян; В той же книге, §40, 5-6 мы находим следующее: «Когда Юстиниан, дядя Германа,

вступил на престол (это было в 527-г., С, Л.), анты, ближайшие соседи славян, перейдя Истр, с большим войском вторглись в пределы римлян... Герман вступил в бой с войском неприятелей, и, нанеся им сильное поражение, почти всех их перебил».

Интересно привести суммарное сообщение Прокопия, относящееся к 550 г. (Anecdota, 18, 20–21): «...И Иллирия, и вся Фракия полностью, охватывая всё пространство от Ионического залива до окрестностей Византия, включая Грецию и Фракийский Херсонес, были фактически ежегодно наводняемы гуннами, славянами и антами с момента вступления Юстиниана на престол. Они причинили ужасные опустошения среди населения этой области. В каждое нападение, я полагаю, более чем 200.000 римлян было убиваемо или уведимо в рабство, так что настоящая «скифская пустыня» начала существовать повсюду в этой стране».

Мы видим таким образом, что к середине 6-го века в области к югу от Дуная существовали все предпосылки для широкой колонизации, но о самой колонизации нет ни малейшего намека.

Отметим, что имп. Юстиниану удалось в конце концов помириться с антами, но со славянами мир не удалось наладить; согласно Вернадскому, (ссылка на «Историю Византии» Кулаковского, 2,220–221) они напали на Фракию в продолжение 5 лет, с 547 по 551 г.

Постоянные грабежи заставили Юстиниана построить по Дунаю линию из 80 крепостей, чтобы препятствовать переходу варваров через Дунай, об этом мы находим много данных в сочинении Прокопия – «О постройках» (Периктизматон), написанном им в 560 году. Из этого ясно, что страна к югу от Дуная находилась в руках Византии, если она могла сооружать целую систему пограничных крепостей.

Следует упомянуть еще об одной интересной подробности. Прокопий (3,14,32) сообщает, что имп. Юстиниан послал послов к антам, предлагая им «носе литься в древнем городе, по имени Туррис, расположенном у самого берега реки Истр. Этот город построил римский император Траяна, но он уже издавна был покинут, так как местные варвары его постоянно грабили.

Император Юстиниан соглашался одарить их этим городом и окружающей его областью, так как она искони принадлежала римлянам, обещая, что будет жить с ними, всячески стараясь сохранить мир, и даст им много денег с тем только, чтобы на будущее время они клятвенно обещали соблюдать с ним мир и всегда бы выступали против гуннов, когда те захотят сделать набег на Римскую империю».

Анты, повидимому, согласились с этим, и признали имп. Юстиниана своим императором, ибо к его официальному титулу было добавлено и "anticus", т. е. имп. антов (Codex Justinianus, ed. Krueger, p. 3). Анты, должно быть честно выполняли свои условия, ибо мы знаем, что в 551 г. группа гуннов-кутригуров силой прорвалась через барьер антов и сделала набег на Фракию (Кулаковский, Ист. Виз. 2, 225).

Прокопий ясно говорит о городе Туррисе, «расположенном у самого берега Истра». Бромберг (Byzantion, 12, 1937, 151–180; 449–475; 13, 1938, 9–71), а также Брун (Зап. Новорос. ун-та 28, 1879, 243) видят в Туррисе – Тирас, т. е. Аккерман, ныне Белгород Днестровский. С этим соглашается и Вернадский (Ancient Russia, 172).

Приходится удивляться способу мышления этих авторов. Сказано ясно, что Туррис был построен Траяном, а основание Тираса уходит вглубь веков до нашей эры. Область Тираса не принадлежала издревле Риму. Никогда Тирас не покидался из-за нападения варваров. Наконец Тирас расположен на Днестре, который не был границей ни Византии, ни Рима. Оборонная линия, где было построено 80 крепостей лежала на Дунае, именно эту линию предлагал Юстиниан антам, чтобы они ее частично защищали.

Все три упомянутые автора не потрудились взглянуть на карту, которая показала бы им, что Тирас лежит не на Днестре, а на Днестровском лимане, длиной в несколько десятков километров и представляющем непреодолимую преграду для кочевников, **город лежал совсем в стороне** от путей на юг, а потому не мог по своему местоположению играть роль преграды для • гуннов.

Достаточно было одного легкого совпадения в зву-

чанин (Туррис, Тирас) и эти исследователи идентифицировали два, совершенно различных города, не обращая внимания на все противополоказания тут же рядом.

Беда не в том, что это случайная ошибка, небрежность, это типическая ошибка большинства историков, таких ошибок тысячи; в результате мы имеем искаленную историю, ошибки которой не исправляются, а переписываются из поколения в поколение.

Последуем далее: зимой то-ли 558, то-ли 559 года (точно не установлено) огромная орда болгар и славян под руководством хана Забергана перешла через Дунай, ограбила Фракию и Македонию и появилась у перешейка Фракийского Херсонеса, т. е. полуострова (Агафий, 5, 12–15; Феофан, 233–234; Кулаковский, 2, 225–227). Сам Заберган с основной массой нападающих приблизился к самому Царьграду.

С величайшим трудом Велизарии удалось оттеснить врагов. В этом успехе скорее можно видеть не военный успех Велизария, а действие богатого выкупа, а также того, что на гуннов стали насаждать авары и было уже не до нападений на Византию.

С появлением авар новый важный политический фактор всплывает на Балканах и начинается особый период. Этот период (с 558 по 650 год) Вернадский считает периодом анто-славянской колонизации Балкан. Насколько он прав, увидим ниже, во всяком случае до 558 г. о славянском переселении на Балканы не может быть и речи, – мы видели, что все их набеги были весьма кратковременными, большей частью зимой (когда Дунай замерзал) и всегда оканчивались тем, что славяне немедленно возвращались с добычей домой.

Согласно Вернадскому, стр. 181, авары проникли – в Добруджу только в 562 г., установив общую границу с Византией. Император Юстиниан умер в 565 г., его наследником стал его племянник Юстин 2-й (565–578). При нем была война из-за Сирмиума (с аварами), т. е. из-за пограничного пункта, но никаких серьезных последствий или передвижений не вызвала.

Так как Юстин 2-й с 574 г. совершенно сошел с ума, Тиберий 2-й стал сорегентом с 574 г., а затем и императором (578–582). В 581 г. Сирмиум был взят аварами, и за мир Византия обещала уплачивать ежегодно 80.000 золотых монет. В 582 г. Тиберий 2-й умер, императором стал Маврикий (582–602).

В изложении событий этого периода мы нарочно будем придерживаться Вернадского (Ancient Russia.), чтобы показать, что действительность была далеко не такой, как он это утверждает.

В 583 г. авары потребовали такого высокого выкупа, что Маврикий отказался платить; в результате авары наводнили Иллирию и, пересекши Балканский полуостров, вышли к городу Анхиалу на Чёрном море. С этого времени началась непрерывная война с аварами до конца царствования Маврикия. Аварские набеги чередовались с набегами славян, которые повидимому были к этому подстрекаемы аварами. В 590 г. Маврикий был вынужден заключить унизительное перемирие с аварами. В 591 г. он заключил, наконец, мир с Персией и у него оказались развязанными руки. Прежде всего он отбросил славян за Дунай и стал готовить кампанию против них и по ту сторону Дуная. В 592 г. в Доростол (ныне Силистрия) был послан способный военачальник Приск с сильным отрядом.

Авары увидели в этом нарушение мира, ибо славяне их вассалы. Приск ответил, что он ничего не имеет против авар, а только хочет наказать славян за их набеги. Авары пока что замолчали.

Приск удачно напал на славян. Авары запротестовали; т. к. область славян они считали своей. Приск предложил кагану аваров поделить добычу, что и было принято каганом.

Маврикий остался недоволен действиями Приска, отстранил его от командования, а командиром назначил своего брата Петра. Славяне тем временем собрали новые силы, перешли Дунай и напали на нижнюю Мезию. Только через несколько лет Петру удалось отбросить славян назад и он в 597 г. ударил по славянам уже на их земле. Нападение было неудачным и военачальником византийцев снова стал Приск.

Как мы видим, снова ни о каком поселении славян к югу от Дуная в это время не было и речи. В 597 г. положение византийцев ухудшилось, так как в войну вмешались и авары. Одна группа захватила Сингидунум (Белград), другая наводнила Фракию и Македонию до Салоник. В 598 г. группа авар ограбила Далмацию, а другая нижнюю Мезию и Добруджу. В 599 г. авары достигли Длинной стены под Царьградом. В 600-м году был заключен мир.

Было установлено, что Дунай будет границей между аварами и византийцами, но последние оставили за собой право переходить Дунай в случае необходимости наказать славян за их набеги. Приходится удивляться относительной ничтожности суммы после такого разгрома, тогда как перед тем византийцы платили по 80.000 золотых монет. Очевидно соотношение сил было не совсем таким, каким представляют их нам некоторые историки.

Что это было так, видно из того, что Маврикий вскорости послал сильный отряд во главе с Приском, который ударил по аварам около Виминациума (ныне Костолак), перешел Дунай и отбросил их к устью Тиссы, а затем нанес им и там вторичное поражение.

В 602 г., однако, византийская армия взбунтовалась, Маврикий был убит, императором стал Фока (602–610). Фока всё время откупался от аваров, но неудачи в войне с Персией привели к свержению Фоки, императором стал Гераклий (Ираклий) (610–641).

Целый ряд лет, до смерти аварского кагана Баяна († 617 г.) авары не беспокоили Гераклия, но его наследник немедленно напал на Византию и сделал попытку изменнически захватить Гераклия во время переговоров, затем, ограбив окрестности Царьграда, ушел, уводя тысячи пленных.

В 626 г. авары в союзе с Персией едва не захватили Царьград, но Гераклию удалось отбиться. После смерти Гераклия (641 г.) царствовали весьма кратковременно Константин 3-й и Гераклеон, после них взошел на престол Констанций 2-й (641–668).

На стр. 196 Вернадский замечает, что в результате слабости Византии в первой четверти 7-го века колони-

зация славян распространилась на большую часть Балканского полуострова. Мы видели, следуя Вернадскому же, что ни о какой колонизации до имп. Гераклеона не может быть и речи: славяне, награвив, сами уходили или бывали выбрасываемы за Дунай. Об оседании славян нет ни у одного автора ни слова.

Да, действительно, со времени имп. Гераклия скрывать присутствие славян на Балканах уже нельзя, но объясняется всё совсем иначе, чем это думают историки. Они допустили ряд крупных ошибок.

Во-первых, спутали племя «склавинов» со всеми славянами, это типичная ошибка логики: «pars pro toto», т. е. часть принята за всё целое. Когда «склавины» в первый раз перешли Дунай, это вовсе не означает, что славянство впервые очутилось на южном берегу Дуная. Это совершенно неверно: сам Вернадский утверждает, что славяне и анты уже при имп. Анастасии (491–518) нападали на Фракию и Иллирию. Племен славян было много и переходили они Дунай гораздо раньше в Паннонии и среднем его течении. Переходили не только с целью грабежа, но и поселения. Поселялись они на землях Византии не только силой, но и с ее согласия (при имп. Гераклий); только дело в том, что назывались они не «склавины» (в которых никак нельзя не узнать славян), а своими частными, племенными названиями, т. е. сербами, хорватами, болгарами и т. д.

Во-вторых, сами византийцы и римляне переселяли на свои земли различные славянские племена после побед над ними не только десятками, но даже сотнями тысяч: карпы, певкины, бастарны, скирры и т. д. несомненно принадлежат к этим племенам. Беда только в том, что историки не узнали в них славян, а видели германцев, фракийцев и т. д., а между тем в истории имеется достаточно данных, чтобы понять истину (ниже мы попытаемся подробнее разобраться в этом).

В-третьих, события связанные со славянами во времена Маврикия и Гераклия, были не появлением новых, задунайских славян, а восстанием старых, смогших стряхнуть с себя иго греков и римлян в момент, когда руки тех были связаны войнами с более опасными врагами. Нападения задунайских «склавинов» только

способствовали процессу освобождения старых славянских племен к югу от Дуная. **Появление «склавинов» было не началом, а концом окончательной славянизации Балкан.**

В-четвертых, историки совершенно упустили из виду и другой процесс: во время постоянных войн с Византией племена к северу от Дуная уводили сотнями тысяч пленных, подданных Византии, среди них и множество славян; но эти пленные не только возвращались назад индивидуально, но и большими массами, совершенно организовано; это их появление было не вторжением новых масс славян, а возвратом их на старые, насиженные места; о чем они громогласно и заявляли.

Обратимся к так называемой легенде о св. Димитрии, в которой находится подробное описание осады Фёссалоники (Солуни) аварами в царствование имп. Маврикия, и которая разъясняет истинное положение вещей в то время.

Осада Солуни, длившаяся 2 года, началась с восстания окружающих племен, считавших этот город городом своих предков и пожелавших изгнать оттуда греков. Нападение началось 22 сентября. Все македонцы, фессалийцы и ахейцы (взгляните непременно на карту) образовали только небольшую часть осаждавших.

Во второй книге (см. Tougard, A—1874. *De l'histoire profane*, Paris), написанной, невидимому, другим автором, нападавшие народы названы славянами (§37, 118), т. е. употреблено общее этническое название. Бесчисленное количество их состояло из дрогубитов, сагудатов, велегезитов, вайюнитов, берзитов и др.

Об этих племенах мы знаем доподлинно, что это были славяне, главным образом с севера и востока от Солуни, тогда как македонцы, фессалийцы и ахейцы (§15, 96) были с запада от этого города.

Всё это были не пришельцы, а **восставшее местное население**, желавшее сбросить иго греков, центром сил которых была Солунь. Хотя силы нападавших были велики, взять такую крепость, как Фёссалоники, они не смогли из-за недостатка технических средств и военных знаний. Поэтому они обратились к аварскому кагану с просьбой помочь им. Тот послал им всех подчи-

ненных ему славян и болгар (заметьте кого!)—на помощь (§46, §47. 130). Ясно, что посланы были те, с которыми у восставших был и общий язык, и общие интересы.

Двухлетняя осада города не имела успеха, каган аваров разочаровался, заключил мир с Византией и отступил. Теперь во главе осаждавших стал Первунд, вождь ринхинов. Отсюда совершенно ясна второстепенная роль аваров. Не авары напали на Солунь, они только временно приняли участие в осаде. Орудовало местное население.

С этого момента легенда больше всего говорит о двух славянских племенах: ринхинах и стримонах (т. е. жителей р. Струмы). Мы опускаем здесь историю с Первундом (§67, 65, 66, 70–75). Из нее только следует, что всё восстание было делом местных славянских племен вокруг Фессалоник.

Значит к царствованию Маврикия (582–601) славяне уже прочно сидели на Балканах целыми племенами и вместе с тем мы видим, что по крайней мере до смерти Гераклия (641) **приходившие с севера славяне отбрасывались назад.**

Картина совершенно ясна: крупное объединение славянских племен, известное под именем «склавинов» и жившее на северном берегу Дуная, начиная по крайней мере с царствования Юстиниана (527–567), многократно нападало на Византию, но в ее пределах не поселялось.

Другие же славянские племена к югу от Дуная давно уже входили в состав Византийской империи, но фигурировали не под общим этническим именем славян, **которого тогда еще не существовало**, а под частными именами, обозначавшими либо реку, около Которой они жили, либо по главному их городу,— либо по имени вождя и так далее.

Проникли они на южный берег Дуная в разное время и по разным поводам. К рассмотрению этого мы и обратимся.

Смерть Атиллы (453 г.) немедленно вызвала распад гуннской державы. Немедленно восстали германские пле-

мена, затем гепиды, руги, герулы. Остроготы в восстании участия не приняли. Сын Аттилы, Эллак, пытался усмирить восставших, но был убит в сражении, а разбитые его орды отступили к востоку от Карпат (так описывает события Йордан, Гетика, 259–262). Сообщение Йордана, конечно, неверно: так далеко на восток гунны не отступали, Йордан противоречит самому себе, так как говорит, что орды двух остальных сыновей Аттилы именно Денгизика и Эрнака (или Ирника) делают своим главным местопребыванием Дакию и Бессарабию.

Однако, о судьбе орд Эллака к востоку от Карпат нет решительно никаких исторических данных, но гунны к западу от Карпат еще долго являются политическим фактором и именно в них мы имеем основание видеть остатки орд Эллака.

Аланы, сидевшие в Дакии и Бессарабии, вынуждены были перейти Дунай и поселиться в Добрудже. Кроме аланов, невидимому, и несколько групп гуннов также переправились на правый берег Дуная. По крайней мере Йордан (50, 265–266) сообщает, что скиры, садаги и некоторые аланы получили Малую Скифию, т. е. Добру джу и Нижнюю Мезию. Таким образом после Аттилы целый ряд племен, среди которых были несомненные славяне, поселились на южном берегу Дуная, из дальнейшего мы увидим почему.

Остроготы кочевали с 454 г. по 488-й на северном берегу Дуная. Йордан (50, 266) говорит также: «Савроматы, которых мы называем сарматами, получили Цемандер (неустановлено) и земли, занятые гуннами в Иллирии у города Кастрамартена (ныне Кула, у Видина, в прибрежной Дакии, С. Л.)... Руги и другие просили о разрешении осесть в Buzzi (?) и Аркадиополе. Эрнак, младший сын Аттилы, избрал местопребыванием для своих крайние части Малой Скифии. Его двоюродные братья Эментзур и Ультициндур овладели городами Утусом, Гискусом и Альмусом (т. е. на южном берегу Дуная, С. Л.), и много гуннов поспешили отовсюду сюда и подчинились, чтобы получить местожительство в Романьи (так называли Византию, С. Л.)».

В царствовании Маркиана (450–457) никаких особых войн или передвижений народов на Балканах не было. С 457 по 474 г. императором был бесс Леон I-й. В 468 г. сыновья Атиллы Денгизик и Эрнак послали послов в Царьград с требованием открыть для их купцов возможность торговли на дунайских рынках. Когда в этом было отказано, Денгизик перешел Дунай и вторгнулся во Фракию. Гунны были разбиты, Денгизик убит, а войско гуннов отошло за Дунай и перешло в ведение Эрнака, не принявшего участия в войне.

В результате войны 468–469 гг., по Вернадскому, Дакия и Бессарабия были освобождены гуннами, открывшими тем самым дорогу к славянской колонизации их. Это только личная, совершенно тенденциозная интерпретация событий. Из сказанного выше явствует, что война происходила на территории Византии и греки на северный берег Дуная не переходили. Не было абсолютно никаких причин гуннам покидать Дакию и Бессарабию. Был только неудачный налет на Византию, Денгизик в результате убит, а все гунны, объединены под властью Эрнака и всё.

В 473 г. восстали готы во Фракии под руководством Теодериха Триарова сына. Готы осадили и взяли Филиппы и Аркадиополь, таким образом путь прямо на Царьград был открыт. Император Леон вынужден был пойти на уступки.

Почти в это же время в другой группе остроготов совершались следующие события: Теодорих, Теодимиров сын, бывший заложником в Царьграде, достигнув 18-летнего возраста, был отпущен императором к своим (472 г.). Он тайком от отца собрал отряд около 6.000 человек, напал на вождя сарматов Бабая, разбил его, взял Сингидунум, бывший в руках сарматов, но не вернул его ромейцам, а взял его себе (Иордан, 50, 282).

Мы не имеем возможности излагать здесь события, упомянутые у Иордана (52, 270, 56, 284 и далее), скажем только, что в результате столкновений готы получили для поселения города: Церрус (Прилеп?), Пеллас, Эврупу, Медиану, Петину, Вереу и Сиум (все по-видимому в южной Фракии).

В 474 г. император Леон умер и на престол вступил Зенон

(474–491). Он натравил готов Теодориха Теодиминова, живших во Фракии, на готов Теодориха Триарова (Malchus, 264–265), Однако, оба Теодориха вскоре примирились и направились вместе против Царьграда. Всё это произошло во Фракии и в Македонии, напр, взятие гор. Стоби (на реке Вардар в Македонии), марш, на Гераклею (в Македонии) и т. д.

Все, эти события, равно и события царствования имп. Анастасия (491–518), не имели прямого отношения к переселению какого-то ни было народа с северного берега на южный берег Дуная, а потому мы их опускаем. Мы бегло просмотрели события со смерти Атиллы (453 г.) и до восшествия на престол Констанция 2-го (668 г.) и можем утверждать, что с появлением на горизонте «склавинов» нет данных, что они поселялись к югу от Дуная, они нападали и уходили с добычей назад.

Только сообщение Иоанна Эфесского можно понимать отчасти, как свидетельство противного. Он сообщает: «На третий год после смерти имп. Юстина (2-го, †578 г., С. Л.) и управления победоносного Тиберия выступил проклятый славянский народ, прошел всю Элладу, Фессадийские и Фракийские, провинции, взял многие, города и крепости, опустошил, сжег, — разграбил и овладел страной, и жил там совершенно свободно и без страха, как в своей собственной» (перев., из Шенфельдера, 1862, стр. 255).'

Менандр повторяет почти тоже самое.

То обстоятельство, что Иоанн Эфесский называет славян «проклятым» народом, показывает, что ужасы, им приписываемые, были направлены против греков. Именно их города, крепости и опорные пункты были уничтожены. Случилось это в 581 году, т. е. уже во время владычества авар, а как мы знаем из дальнейшего, только после того как иго авар было сброшено, славяне получили возможность распоряжаться своей судьбой самостоятельно и селиться там, где они хотели, а это случилось уже при Куврате, т. е. после 584 года.

Совсем иную картину мы видим в отношении славянских племен (не «склавинов!»), они после распада империи Атиллы оказались на южном берегу Дуная. И

не даром младший сын Аттилы Эрнак или Ирник оказался в Добрудже, тот самый Ирник, который считается в «списке славянских князей» одним из первых основателей династии Дуло, основной в государстве болгар, подчеркиваем: болгар–славян.

Это заставляет нас заглянуть несколько глубже, именно в период Аттилы, С 447 г., когда Византия вынуждена была платить Аттиле невероятную контрибуцию, границы гуннской империи передвинулись к югу от Дуная, именно Аттила занимал обе Дакии, верхнюю Мезию к югу до Дардании, так что владения его шли на восток до Ут'а, а города Ниш и Сердика (совр. София) принадлежали ему.

Вряд ли за промежуток в каких–нибудь 6 лет здесь могли произойти серьезные изменения в составе населения, но если мы примем во внимание распределение племен после смерти Аттилы, нам бросится в глаза то обстоятельство, что Византия дала свое согласие на жизнь к югу от Дуная ряду племен явно славянского происхождения, ругам, например. Но, главное, ее согласие несомненно было просто фиксированием совершившегося факта: эти племена там уже были, согласия их подчиниться теперь не Аттиле, а Византии было вполне достаточно, чтобы она дала свое согласие: налицо была обоюдная выгода, одни оставались на месте, где их захватила,; смерть Аттилы, другие приобретали подданных без борьбы и помех.

События этого периода с этой точки зрения никем еще подробно не изучались, но они заслуживают безусловного самого серьезного внимания, ибо наверное заключают в себе хотя бы частичную разгадку внезапного появления славян к югу от Дуная. Объяснение это бесспорно, нужны только дополнительные подробности для окончательного установления того, что некоторые славянские племена жили к югу от Дуная еще во времена Аттилы, т. е. в середине 5–го века.

Не следует, однако, забывать, что времена Аттилы еще далеко не крайний срок вглубь времен в отношении давности славян на Балканах. Полезно будет взглянуть очень бегло на историю Балкан еще со времен Александра Македонского. Мы здесь не имеем возможности

останавливаться подробно на предположении, которое вовсе не исключено, что сам Александр Македонский, как и его отец Филипп, были славянами.

В одном из очерков мы устанавливаем на основании абсолютно неопровержимых исторических свидетельств, что ни Александр, ни Филипп греками ни в коем случае не были. Они могли быть только «иллирийцами», «фракийцами» или славянами. Эту сторону вопроса мы пока оставляем в стороне. Мы сосредоточим наше внимание на том, что вообще славяне были на Балканах и до Аттилы. После смерти Александра Македонского империя его скоро распалась на ряд враждующих государств, каждое из которых, а в особенности Македония, всё более и более утрачивало свое значение и силу.

Пока распад империи Александра углублялся, Рим всё более и более укреплялся за счет былой империи. В 197 г. до нашей эры римский полководец Фламиниус разбил при Киноскефале в Фессалии македонского царя Филиппа и заставил его отдать весь флот, словом свел сразу Македонию **на второстепенное государство**, а также уплатить большую контрибуцию.

– В 168 г. до н. э. сын Филиппа Персей восстал, но был разбит Эмилием Павлом у Пидны в Македонии. В 148 г. македонцы восстали под руководством Лже-Филиппа и **Македония превратилась в римскую провинцию**. Мы особо подчеркиваем этот момент, ибо, попав в руки Рима, Македония тем самым приобрела защиту его от всех посторонних вторжений, а сам Рим находился в этот момент в периоде экспансии, а именно на север и восток Балканского полуострова.

В связи с подчинением Риму греческое влияние, конечно, совершенно упало, ибо было заменено римским. Однако, римляне не занимались колонизацией Македонии, они распределяли только здесь свои гарнизоны, как базы для дальнейших ударов по Балканам и черпали военную силу в местном населении.

Одновременно началось разграбление Греции Римом, статуи и всё ценное увозилось, население облагалось непомерными налогами. Рим вывозил не только материальные, но и духовные ценности: ученые греки могли подвизаться теперь только в Риме, но не в Афи-

нах. Греция совершенно обнищала. Естественно, что это отразилось и на Македонии: от Греции нечего было заимствовать, Рим ничего не давал, а только брал. Началось и одичание Македонии.

Это одичание вызвало несомненно возврат населения к своей собственной культуре, т. е. процесс дегрецизации. Этот процесс продолжался несколько веков, по крайней мере 450 лет, т. е. до Константина Великого, когда перенесение столицы в Византии обусловило новую волну грецизации. Однако, эта волна несомненно была более слабой первой, древней.

После захвата Македонии римляне направили свои удары на этетов (венетов), живших далее по Адриатическому побережью и на дарданов в верхней Македонии. Бррьба, эта была не всегда успешной для римлян, однако, римский полководец Вульзо (97 г.), Ц. Сенциус (91–81 гг.) Сулла (85 г.), Клавдий . (76 г.), наконец Скрибониус Курио добились подчинения дарданов. Далее римляне столкнулись с мезийцами.

Одновременно римляне направляли удары и на восток, – на фракийцев. Теренциус Варо (73 г.) захватил УсКудами (Адрианополи) и Кабиле и пробился до Дуная. Он взял также Каллатис, Партенополис (Добрич), Томи, Гиструс и Бурзайо. В 28 г. до нашей эры Лициний Красе добился покорения (конечно временного) всех народов к югу от Дуная.

К началу нашей эры мы застаем эту страну в состоянии еще неустойчивого равновесия. Овидий, попавший в ссылку в г. Томи, описывает свою суровую, полную опасностей жизнь в стране гетов (слово «готы» он не употребил ни разу!). Город находился в боевой готовности каждую минуту, стрелы неприятеля нередко залетали в город. Влияние Рима было еще настолько слабо, что Овидию не с кем было говорить по-латыни.

Таким образом ни о каких передвижениях народов с севера на юг в продолжение нескольких столетий до нашей эры не могло быть и речи, – Рим шел на север, покоряя все местные народы.

В 106 г. имп. Траян покорил за Дунаем Дакию, образовал из нее новую римскую провинцию, и стал поселять там римских колонистов. Вскоре, однако, нача–

лась обратная волна, постоянный напор варваров. Адриан (117–138) думал даже одно время об очищении Дакии. Впрочем до Марка Антония (161–180) римляне удерживали захваченные земли к северу от Дуная. Затем началась «маркоманская война», в результате которой Риму все же в основном удалось удержать свои позиции.

С этого момента Рим переходит исключительно к обороне и в общем шаг за шагом отступает. Однако Дунай еще долго остается границей сначала Римской а потом и Византийской империи.

С 232–238 гг. начались придунайские войны, в которых наступательную роль играли даки, карпы (несомненно славяне) и сарматы, а вообще Говоря «скифы». Ведущую роль «готов» в этих войнах выдумали досужие прогерманствующие историки, но имя «готов» мы действительно начинаем встречать в исторических источниках того времени.

В 238 или 239 г. первая скифская война кончилась, Рим в общем удержал свои позиции, но стал платить дань варварам.

Вторая скифская война началась в 242 г. вторжением алан и карпов. Они ворвались во Фракию, но Риму удалось отразить нападение. В 245 г. карпы захватили Дакию, но в 247 г. римлянам удалось вытеснить карпов и даже вторгнуться в их страну.

В 248 г. началась новая война, в состав «скифского» войска входило, по данным Йордана, 300.000 чел. После ряда крупных поражений Рим вынужден был заключить в 251 г. мир на весьма позорных условиях: «скифы» беспрепятственно пропускались назад через Дунай со всей добычей, а Рим выплачивал им ежегодную дань.

В 253 г. «скифы» прорвались до берегов Эгейского моря и осадили Солунь, город им взять не удалось, но они удалились с добычей.

Точно не установлено когда, невидимому около 260 г. (по другим источникам в 271 г.) Дакия была потеряна римлянами окончательно.

С 256 г. начались уже не сухопутные, а морские нападения скифов на Римскую империю, вернее Византию. В 267 г. скифы напали даже на Пелопоннес. В

результате ряда сражений скифам всё же удалось прорваться на родину, но уже сухопутным путем и сильно потрепанными.

В заключительный период скифских войн (270–290) римляне одерживают верх и скифы оказываются отброшенными за Дунай.

Таким образом к 4-му веку не можем найти следов какого-нибудь поселения на Балканах больших масс пришельцев. Несмотря на превратности судьбы Рим, а затем Византия еще твердо стояли на Дунае.

В 306 г. взошел на престол Константин Великий; в 313 г. был издан Миланский эдикт, провозгласивший христианскую церковь полноправной, а затем и государственной религией. Столица империи была перенесена в Византию. В 337 г. Константин Великий умер.

Последующие императоры царствовали короткие сроки каждый и крупных внешних войн при них на Балканах не было (об отношениях гетов («готов») с Византией мы будем говорить особо) отметим только, что эти войны были восстаниями подчиненных Византии гетов. Геты же (готы) вселились с разрешения имп. Валента в 376 году с северного берега Дуная на южный. Сначала они осели в прибрежной полосе Дуная, ибо император предполагал создать из них буфер против проникновения других варваров.

Обстоятельства, однако, сложились так, что геты («готы») распространились широко по Балканам, но после нескольких десятков лет пребывания снялись и пошли на запад, главным образом в Италию.

Таким образом со времен Александра Македонского и до конца 4-го века в Македонии не произошло никаких событий, которые мы могли бы рассматривать, как перемену населения.

Тоже самое мы видим, в сущности, и после появления «склавинов» из-за Дуная, а между тем уже в 7-м веке Балканский полуостров и даже Пелопоннес были полны славянами. Откуда они могли взяться?

Принимая во внимание все, имеющиеся в нашем распоряжении факты, мы можем высказать единственное вероятное предположение: славяне сидели на Балканах издревле под мелкими, частными племенными

названиями, к 7-му же веку, когда с севера проникли и «склавины», их крупно-племенное название было распространено и на местное славянское население, создалось самое понятие «славянство».

Этим-то и объясняется огромное количество славянских географических названий даже в современной Греции: они удержались преемственно вероятно не столетия, а почти 2.000 лет.

Высказывая такое вероятное предположение, мы открываем путь для переоценки и других фактов, позволяющих заглянуть в действительную картину прошлого, в котором массы людей не прилетали неизвестно откуда и не исчезали бесследно.

ХОРВАТСКИЕ, ЧЕШСКИЕ И ПОЛЬСКИЕ ПРЕДАНИЯ О ПРОИСХОЖДЕНИИ СЛАВЯНСКИХ ГОСУДАРСТВ

Польские и чешские хронисты 13–16 вв. записали народное предание о происхождении славянских государств, в нем говорится намеком и о происхождении Руси. Это предание настолько усвоено и вошло в жизнь, что еще в 1917 г. оно излагалось в официальном учебнике для низших школ в Югославии.

Это обстоятельство заставляет нас ознакомиться с преданием более подробно, тем более, что оно бытует и в частной жизни на Балканах. Вот что пишет Г. Янушевский (Начало истории русского народа по новейшим данным, стр. 38–39, 1934): «В Хорватии, например, и у богатых, и у бедных можно найти символическую заздравную чару под названием «Чех–Лех–Рус». Она состоит из трех чарок с общим основанием. Чарки так соединены между собой по дну, что нельзя выпить из одной, не выпивая одновременно из двух других. По объяснению хорватов, эта чара представляет двойной символ: символ братского родства русских, чехов и поляков между собой и с хорватским народом, а также символ постоянной памяти об этом со стороны хорва–

ЗАГАДКА МАКЕДОНЦЕВ

Македонцы – одна из древнейших групп славянства – представляют собой весьма трудную загадку, если мы обратимся к их происхождению.

Общепринято, что македонцы, как ветвь славян, появились на Балканах уже в 6-м веке и заполнили «Македонию». Иначе говоря, какое-то славянское племя или даже группа их (что вернее) пришло в Македонию и усвоило имя этой области, которая, кстати сказать, была известна еще Гомеру, т. е. значительно больше тысячи лет до этого.

Люди не принесли свое имя, а приняли на себя имя совсем другого народа, когда-то здесь жившего, но, конечно, не славянского. Отсюда, мол, и тысячи географических названий в Македонии: пришельцы дали свои славянские названия.

Допустим, что это так, но почему и в Греции и даже в Пелопоннесе (см. работу М. Vasmer'a) тоже полно славянских географических названий, а славян нет, – только греки.

Далее, если древние македонцы, которые в 323 году (год смерти Александра Македонского) владели почти

всем миром, уступили затем римлянам после долгой и упорной борьбы, – это не значит, что македонцы исчезли с лица земли.

Потеряв свою государственность, приняв римского наместника, македонцы несомненно остались македонцами, а не превратились в римлян. Они платили дань, подчинялись римским приказам и законам и т. д., но как народ уцелели наподобие многих других народов, также подчиненных Риму.

Далее владычество римлян продолжалось не более 300 лет, а затем Македония перешла во владения Византии, т. е. римское влияние сменилось греческим, т.е. вместо латинизации началась эллинизация, которая имела такой же характер, как и до этого: македонцы платили дань Византии, подчинялись ей, оставаясь, разумеется, сами собой. А в начале 6-го века стали появляться большие толпы славян, которые немного спустя и поселились на Балканах к югу от Дуная. Таким образом одно влияние сменялось другим и не было оснований для уничтожения македонского народа, как народа со своими обычаями, языком, бытом и т. д.

Отметим также весьма знаменательный факт: о борьбе пришельцев «славо-македонцев» с настоящими, древними, местными македонцами, наследниками Александра, – в истории **нет ни слова!** А между тем целый народ оказался совершенно и незаметно стерт с лица земли, как будто испарился. Были македонцы Александра – стали «славо-македонцы».

Исчез не только народ, но **исчез бесследно и его язык.** Нет македонских надписей греческими буквами, что было бы вполне естественно, принимая во внимание, что (согласно Юлию Цезарю) даже отдаленные галлы употребляли греческие буквы для своей письменности. Нет македонских надписей и латинскими буквами, как и надписей на собственном алфавите. Нет ни самого малого словаря македонского языка, нет фраз на нем, ни даже обрывков этого; мы знаем «македонский язык», но это славянский язык, а македонцы Александра по славянски не говорили.

Если бы всё совершалось в палеолите или неолите, то

это можно было бы объяснить пропажей исторических свидетельств, но ведь. Македония была отчасти ареной отчаянной борьбы между Цезарем и Помпеем недалеко от рубежа нашей эры. Мы, далее знаем все подробности о завоевании Македонии римлянами и дальнейшую их судьбу под византийцами, затем турками вплоть до настоящего времени.

Куда же делись македонцы Александра? Напомним: воинственный народ, в эпоху Филиппа 2-го завоевавший всю Грецию, а в эпоху Александра Македонского, его сына, овладевшего всем тогдашним культурным миром исчез. Ведь не иголка же в стоге сена!

Мы выставляем следующую рабочую гипотезу: македонцы Александра не были ни греками (за что говорят решительно все источники и самым категоричским образом), ни славянами (в пользу чего пока нет никаких заслуживающих внимания данных), но народом особого этнического корня, вероятно близкого «фракийцам» (действительно ли это так – в данном случае не существенно).

Македонцы жили в **горной части Македонии** и были горными пастухами, «славо-македонцы» жили в **долинах Македонии** и были земледельцами. Они были соседями, жили в одной и той же стране, но занимали разное местоположение в ней.

Государственность была создана македонцами, «славо-македонцы» оставались всё время в тени; они усилились только во время притока новых славян в 6-м веке, именно они дали тысячи основных славянских названий в Македонии. С 6-го века началась полная славянизация Македонии, приведшая к почти полному исчезновению настоящих македонцев.

Напомним, что сила державы Александра опиралась не только на македонцев собственно, но и греков, желавших посчитаться с персами, фракийцев, иллирийцев и на некоторые другие, более мелкие племена.

Как только умер Александр, империя распалась и о собственно Македонии история почти замолчала, ядро империи вернулось к разбитому корыту и вскоре и

самостоятельность Македонии перестала существовать, Верхушка государства – истинные македонцы -ушли почти в полную неизвестность, а «чёрный народ», т. е., «слагомакедонцы», если и существовал, то ничем особенным себя не проявил. Роль его была настолько незаметна, а сам он подавлен, что только в сентябре 1943 года язык и народ македонский были признаны самостоятельными, а не наречием или племенем болгар. Таким образом по нашим представлениям основным этническим субстратом в Македонии были еще до нашей эры славяне, т. е. «слагомакедонцы», занимавшие долины, но вошли в историю македонцы, народ неславянского корня, но жившие в Македонии в горах.

Изложив это наше положение, обратимся к историческим данным, которые теперь гораздо яснее будет понимать и оценивать. В основу возьмем речь Александра македонцам, безусловно переданную в существовавшем близко к тому, что говорил Александр. Его свидетельство является особо ценным, ибо оно касается истории македонцев, как ее понимал сам Александр. Это не догадка историка, а сообщение высокоавторитетного лица и притом о времени, весьма ему близком.

Вот что говорил он своим солдатам-македонцам (не грекам или другим!), когда они после долгих лет походов наконец решительно отказались идти дальше и потребовали возвращения домой:

«Я буду говорить о моем отце Филиппе, так как это мой долг сделать это. Филипп нашел вас племенем нищих бродяг, большинство из которых было одето в шкуры, пасущими немного овец на холмах и борющимися, достаточно слабо, чтобы удержать их от ваших соседей: фракийцев, трибаллов и иллирийцев.

Он дал вам возможность носить платье вместо шкур. **Он спустил вас с холмов в долины.** Он научил вас сражаться с равным успехом с врагом на ваших границах, пока вы не поняли, что ваша безопасность лежит не, как когда-то, в ваших горных укреплениях, но в вашей собственной доблести.

Он сделал вас жителями городов; он дал вам законы; он цивилизовал вас. **Он избавил вас от подчинения и**

рабства и сделал вас господами над дикими племенами, которые грабили и разоряли вас. Он присоединил большую часть Фракии и, захватив лучшие места на берегу, открыл вашу страну для торговли и дал возможность **работать в ваших рудниках**, не боясь нападения!

Фессалию, бывшую так долго вашим пугалом и вашим ужасом, он подчинил вашему управлению и, покорив фокейцев, он сделал узкий и трудный путь в Грецию широким и легким»... (далее Александр говорил о завоевании Филиппом Греции и о своих победах) (см. Арриан, кн. 7, §9).

Эти слова Александра Македонского выясняют очень многое, ценно каждое его слово, ибо он говорит о самом важном, опуская мелочи:

1. Александр отмечает, что македонцы освободились от притеснений соседей только при отце его Филиппе. Это он поднял их; с этого момента они вступили на страницы истории, как какая-то самостоятельная и независимая единица.

2. До Филиппа македонцы были бедными пастухами, пасшими своих овец на холмах и горах и оберегающими свой стада от нападений соседей. Именно, при нападении они загоняли скот (не слишком-то успешно) в свои горные укрепления, где враг их достать уже не мог. Но это была только постоянная оборона. Сами же они были в каком-то подчинении; фессалийцев он называет даже пугалом македонцев.

3. В долинах они не жили, они спустились в долины только когда окрепли под руководством Филиппа. Тогда же они стали и жить в городах (но кому принадлежали эти города в долинах – Александр, к сожалению не говорит). Несомненно эти города македонцам первоначально не принадлежали.

4. Очень интересно упоминание Александром работ македонцев в рудниках, очевидно они помимо скотоводства занимались в горах и горной промышленностью. Ясно, что продукты требовали сбыта, поэтому ясно почему Александр упомянул о выходе к морю и о более удобном пути в Грецию.

5. Соседями Александр называет: фракийцев, трибаллов и иллирийцев. Конечно, это не отдельные племена, а целые комплексы их. Весьма также возможно, что они были народами разных этнических корней. Что фракийцы не были славянами, вряд ли приходится сомневаться, что же касается трибаллов и в особенности иллирийцев. – дело неясно (см. дальше).

Однако, слово «соседи» вряд ли можно понимать в чисто географическом смысле; что, мол, здесь, в Македонии живут македонцы повсюду: на горах, на холмах, в лесах, в долинах, у моря и т. д., а далее то к северу, то к востоку и т. д. уже идут области соседней: иллирийцев, трибаллов, фракийцев, греков и т. д. Каждый, мол, народ занимает сплошную территорию.

В древности часто бывало не так. В одной и той же местности жили народы разных корней в зависимости от образа жизни: вдоль морского берега рыболовы, торговцы, разбойники-пираты, которые ярились сюда может быть за сотни километров и которые кроме моря и, всего с ним связанного, ничем не интересуются. В лесах на побережье жили охотники, в горных, но безлесных местах скотоводы, в долинах и на низменностях земледельцы, и все они могли быть разных корней, с разной историей появления здесь.

Так как **первоначально** (до Филиппа) македонцы были, горными жителями, то жители прилегающих долин были несомненно земледельцами, долины не могли оставаться пустыми, это противоречит нашим знаниям о людях.

Является вопрос: к какому же племени принадлежали земледельцы этих долин? Это были несомненно «соседи» (и притом самые близкие) македонцев. Значит это могли быть только либо фракийцы, либо трибаллы, либо иллирийцы, так как если бы они были каким-то другим племенем, то Александр непременно сказал бы об этом. Очевидно какое-то из этих трех племен и удерживало македонцев в их горных пастбищах до Филиппа.

Были ли это фракийцы? Весьма непохоже. Фракийей всегда называлась восточная половина южных Балкан. Фракийцы образовывали отдельную группу войск Александра, имевшую своего национального вождя (Ситалка), к ним,

очевидно из-за трудностей особого языка, Александр обращался с речью перед битвой при Иссе отдельно.

То, что фракийцы имели начальником фракийца, а не македонца или грека, говорит за то, что они нуждались в команде на языке, который они понимали.

Кстати отметим, что Арриан (кн. 2, §10) указывает, что битва при Иссе была особо ожесточенной вследствие «старой, расовой, вражды греков с македонцами» (против македонцев Александра выступили греки, наемники Дария), – указание совершенно ясное, что македонцы и греки были совсем разными народами.

Таким образом считать, что фракийцы могли жить в долинах Македонии, мы не имеем оснований.

В точно таком же положении находятся и трибаллы: это было придунайское племя, отделенное от македонцев горами, и далеко не достигавшее Эгейского моря.

Зато иллирийцы могут быть взяты под особое подозрение, что именно они жили в долинах Македонии до Филиппа. За это говорит прежде всего географическая близость и отсутствие естественных границ: где кончалась Иллирия и где начиналась Македония – неизвестно. Кроме того, мы знаем, что земледелие, т. е. долинное расположение, было всегда характернейшей чертой славян.

Одно только мы знаем положительно: обе страны прилегали своими западными частями к Адриатике, Иллирия севернее, Македония южнее, посередине их **теперь** находится Албания, которая с востока охватывается тем, что называлось Македония и Иллирия.

Что иллирийцы были славянами, сомневаться не приходится, хотя в истории господствуют иные взгляды.

На этом вопросе мы сейчас останавливаться не будем, так как исследованию этого вопроса нами посвящена особая статья. Отметим только, что еще в первой половине прошлого столетия славяне северо-восточного берега Адриатики считали себя иллирийцами.

В 1843 году Ян Коллар (Jan Kollar. Cestopis etc) опубликовал описание своего путешествия: в 1841 году в Приадриатические земли. Там, на стр. 51 мы находим трогательную картинку, рисующую этнику данного края:

пани София Русова спрашивает свою двухлетнюю дочку: «Ольга, мое дорогое дитя, кто ты, ты итальянка?» – «Ни сам! (не семь!) отвечает та. – «Немка?» – «Ни сам!» «Так кто же ты?» «Я сам иллирка!», отвечает та, бросаясь матери на шею.

Значит древнее племенно-географическое имя удержалось у ириадриатических славян, напр, хорватов, до наших времен. Иначе зачем же еще маленьким детям хорватов внушать, что они не хорваты, а иллирийцы!? Древняя терминология дотянула до наших дней.

Мы напомним, что часто названия древности основывались не на принципе языка, этничности, а на принципе географии: иллирийцы назывались иллирийцами потому, что жили в Иллирии и т. д., но это не означало, что в данной области обязательно живет одно племя или группа их одного корня. Очень часто в таких областях жили люди разных корней и разных языков.

В одних случаях область называлась по имени народа, занимавшего ее по преимуществу, в других она сама давала имя тем, кто там жил, без различия племен и их корней.

Так как иллирийцы – народ глубокой древности, бывший в подчинении Риму (не всегда конечно) еще за столетия до нашей эры, – возможность существования в Македонии славян еще в те времена неоспорима.

Напомним, что еще Плиний († 23 г.н.э.) считал Дирахиум (ныне Драч) «иллирийским городом».

Далее, еще в 168 году до и. э. иллирийский вождь Генциус, столицей которого была Скодра (ныне Скадар), был доставлен в Рим с семейством для триумфа.

Наконец в 229 г. до н. э. римляне победили Тевку, правительницу иллирийцев в Скодре.

Идя еще больше вглубь времен, мы видим македонского царя Филиппа 2-го, отца Александра Македонского, около 360 гг. до н. э. в борьбе с иллирийцами. Именно иллирийский вождь Бардилис, объединивший под своим руководством племена, жившие к западу от Лихнидского (Охридского) озера, организовал вместе с сыном своим Клятом ряд набегов на пограничные районы Македонии и даже пытался утвердиться в захваченных землях.

В 358 г. до н. э. Филипп лично выступил против Бардилиса и заставил того уйти из Македонии. Несколько позже Филипп вторгся в Иллирию, он опустошил область дарданов и соседних с ними племен и заставил их признать свое господство.

Вот этот-то момент, очевидно, и упоминал Александр в своей речи македонцам: началась экспансия македонцев за счет своих соседей. Филипп даже захватил западную часть Фракии и вероятно достиг и Адриатического, и Эгейского морей, во всяком случае открылась возможность торговли, о которой Александр и упомянул.

В 336 г. после смерти Филиппа сын Бардилиса Клит захватил пограничный городок Пелион. В связи со своими большими планами Александр, желая обеспечить свой тыл с севера, предпринял большой поход против северных и восточных соседей.

Македонская армия, перейдя через Балканы, спустилась в долину Дуная, где и нанесла жестокое поражение жившим там трибаллам. Затем удар был направлен на северо-восток, на гетов, которых Александр разгромил в устье Дуная около острова Певка, перейдя Дунай на северный берег вглубь на несколько километров.

Затем Александр обратил войска на запад против кельтских племен, которые и признали зависимость от него. После этого Александр напал на иллирийские племена, обратившись далее на запад. Пройдя через земли агриан, вождь которых Лангорий вступил с ним в союз, Александр продвинулся к Пелиону, занятому Клитом. На помощь Клиту подошел с сильным войском вождь другого иллирийского племени, но битвы не произошло: волнения в Греции заставили Александра прекратить этот поход и он отправился на усмирение греков. Затем последовали его знаменитые походы на Персию, Египет, Индию и т. д.

Естественно, что иллирийские племена были в полном распоряжении у Александра и постоянно составляли особую часть его армии; особенно выделялись агриане: нет кажется ни одной серьезной военной операции, в которой не упоминались бы они.

После смерти Александра (323 г.) иллирийцы восстановили свою независимость, их дальнейшую судьбу

мы рассматривать здесь не будем. Не будем мы рассматривать здесь и судеб Македонии после Александра, отметим только, что после долгой и ожесточенной борьбы, римский вождь Метелл окончательно разбил македонцев в 148 г. до н. э. и превратил Македонию в римскую провинцию.

Таким образом в 148 г. до н. э. Македония не только потеряла господство над соседними племенами, но и сама превратилась в римскую провинцию, навсегда уйдя со сцены истории, как самостоятельное государство.

Это случилось 175 лет после смерти Александра, что доказывает, что собственно македонцев было немного; после головокружительного взлета они вернулись к своему скромному прежнему существованию и не могли уже восстановить прежнего величия. Это могло случиться только с народом небольшим. Однако, и такой народ не мог исчезнуть бесследно.

Обратимся теперь к чрезвычайно важному факту: ни греческие, ни латинские авторы ни разу не упоминают до нашей эры, и как кажется и в первые века нашей эры албанцев.

Албания, как название, невидимому, появилась только в 6-м веке (если дальнейшие изыскания покажут, что она упоминалась и несколько раньше, — это сути дела не изменит).

Как мы знаем, Албания находится к северу и северо-западу от Македонии и населена народом, резко отличающимся, как от греков с юга, так и от македонцев, с севера же нависают хорваты или вообще южные славяне. Откуда появился и когда этот совершенно загадочный этнический остров?

Решение напрашивается само собой: Албания — это остаток коренных македонцев Филиппа и Александра. Разница только в том, что сейчас Албания представляет собой область, целиком заселенную албанцами, т. е. н в горах, и в долинах, но ведь с того времени прошло более 1300 лет и, естественно, процесс консолидации нации должен был прийти к своему логическому концу.

Македонцы Александра не исчезли, они только изменили свое имя. Имя Македонии удержалось за другими народами, которые были и основным субстратом (иллн-

рийцы) и затем пополнились с 6-го века значительными силами с приходом славян с северного берега Дуная.

Мы знаем со слов самого Александра, что его македонцы были горными, дикими пастухами, никакой собственной культуры у них не было и возможность создания такой они имели только при Филиппе и Александре, – срок бесспорно слишком малый, чтобы перейти из первобытного пастушеского существования к самостоятельной, и высокой культуре. В дальнейшем же они только и знали, что отбивались от наседавших врагов и через 175 лет совершенно утратили свою самостоятельность. Этим отсутствие особой «македонской» культуры, объясняется легко.

Однако, потеря государственности, уменьшение земель не значили, что народ исчез. Македонцы продолжали существовать, но уже в части Македонии, где они образовывали сплошной блок населения, все же остальные части «Великой Македонии» отпали и перенесли на себя имя македонцев. Так получилась современная «Славо-Македония».

Так как древние македонцы были совершенно чужды теперешним «славо-македонцам», то естественно, что они присвоили себе иное имя, другие народы стали называть их «албанцами».

В таком переименовании нет ничего удивительного, в истории их множество. Приведем только самый близкий по времени пример: еще в конце минувшего столетия славянский народ в Прикарпатьи называл себя «русинами», немцы называли их «рутенами», ныне большинство из них называет себя «украинцами».

Почему это случилось? Потому что они захотели отсепарироваться от «русских», которые также носили древнее название «русин». В случае же с македонцами дело еще проще: албанцы и славяне – совсем разные народы.

Таким образом всё получает свое логическое объяснение: на землях, называемых Македония, жили в древности два народа: один в горах, другой в долинах, оба естественно назывались «македонцами». Однако в ходе истории горные македонцы были оттеснены к Адриати-

ке и получили название «албанцев», а равнинные «македонцы» удержали за собой древнее имя. Эти македонцы были и есть славяне.

Иная судьба была у славянского субстрата в Фессалии, Греции и Пелопоннесе: в ходе истории они были стерты греками, но географические имена, данные славянами, сотнями еще уцелели до сих пор.

Таким образом во времена Александра Македонского на Балканах были такие основные комплексы народов: греки, македонцы, иллирийцы и фракийцы; в настоящее время существуют на их местах народы их же корней: греки, албанцы, хорваты – фракийцы же стерты в ходе истории и как народ, и как язык.

Совершенно естественно, что многие подробности указанного процесса еще не выяснены, но мы имеем во всяком случае правдоподобную рабочую гипотезу, которая избавляет нас от бесследного и необъяснимого исчезновения целого народа и его языка с Балкан.

КАК СОЗДАЛАСЬ БОЛГАРИЯ 679 ГОДА?

Мы уже указывали на стр. 92-110 нашей работы («Пересмотр основ истории славян»), что началом Болгарского государства совершенно ошибочно считают 679-й год, в котором князь болгар Аспарух заключил с Византией договор.

Мы привели достаточное количество совершенно бесспорных доказательств, что еще до появления Аспаруха к югу от Дуная жили в течение уже нескольких столетий болгары и имели своих собственных князей. Наконец сам Аспарух вошел в историю, как один из пяти сыновей Куврата, государя «Великой Болгарии», – значит и до Аспаруха существовало государство болгар и притом бывшее «Великим».

Полезно будет ознакомиться более подробно и, главное, критически с событиями эпохи 679 года, чтобы понять что же в действительности случилось в это время и почему 679-й год принят за основную точку истории болгарской хронологии.

Выясним себе официальные взгляды на историю Болгарии («История Сербии», повид. 1910 г.), как они изложены проф. А. Л. Погодиным. Хотя работа и довольно стара, но и новейшие истории в основном говорят тоже, что и Погодин, зато мы можем точно цитировать Погодина, не опасаясь упреков в недостаточно хорошо понятом болгарском оригинале, и с другой стороны воспользоваться-

ся тем, что А. Л. Погодин часто довольно ясно показывает некоторые свои сомнения в высказанном, тогда как последующие историки излагают так, как-будто всё ясно, как на ладони.

Погодин пишет (стр. 6): «...едва умер Куврат, как его царство распалось на 5 частей, во главе которых стали его сыновья. Один из них, Аспарух, не мог противиться хазарам и бежал вместе со своим племенем на запад. Перебравшись через Дон, Днепр и Днестр и миновав нынешнюю Бессарабию, орда Аспаруха спустилась к устьям Дуная и остановилась в безопасном месте, образуемом одним из островков дельты, куда не заходили византийские отряды, и где сообщение между берегами производилось с помощью легких лодочек».

Из этих строк видно, что орда Аспаруха была незначительна, если могла поместиться на «островке», и что она вынуждена была искать убежища где-то в малодоступном для византийской пограничной стражи уголке. .

«Это было уже испытанное место в передвижениях народов, продолжает Погодин, здесь побывали и готы и германские бастарны, и позже славяне. Но для всех этих племен стоянка в устье Дуная была лишь временной остановкой на пути к Византии, которая манила к себе варваров своей неописанной роскошью и величием. По стопам своих предшественников, варварских народов, тюрков, германцев и славян, намеревалась двинуться и орда Аспаруха, но раньше ей надо было завоевать, себе место для поселения, более удобное, . чем . маленький голый островок в устье Дуная».

Приведенные отрывки пестрят нелепостями: Погодин представляет себе, что дельта Дуная: была чем-то вроде постоянного двора для целого ряда племен в их нападениях на Византию. На деле мы имеем область (а не островок!), . которая издревле была заселена без какого бы то ни было отношения к Византии.

Другая нелепость: оказывается орда, которая не в состоянии была противиться хазарам, и занимавшая «маленький голый остров», прятаясь подальше от пограничной византийской стражи, – эта орда имела намерение...

захватить Византию! Как можно писать рядом такие несовместимые вещи, знает только Погодин и Ко.

Третья нелепость: по Погодину, кочевники поселились на «маленьком голом острове», сообщение с которым поддерживалось «легкими лодочками». Спрашивается: откуда Погодин узнал о «легких лодочках»? Укажите источник. Как могли кочевники стать лодочниками? А главное: где пасся скот: кони, коровы, овцы и т. д. на «голом острове»? Как мог прокормить островок целую орду?

«Каковы бы, впрочем, ни были намерения Аспаруха, говорит Погодин, связанного с Византией узами родовой дружбы (Господи, откуда же эта родовая дружба у варвара из Придонья с Византией? С. Л.), – в самом Цареграде отнеслись весьма недружелюбно к появлению нового варварского племени на северной границе империи. Константин Погонат предпринял поход на болгар, но, против ожидания, поход оказался неудачным».

Оказывается против небольшой орды, прятавшейся от страха в дебрях, выступил сам византийский император и византийская армия и флот бежали от орды, скрывавшейся на «маленьком голом острове»! Трудно понять, где помещается у историков способность к логическому мышлению. И нам преподносят подобную чушь, как достижение науки!

На деле всё было, конечно, иначе: болгарская орда представляла собой грозную силу, заставившую бежать армию византийского императора, самолично участвовавшего в походе.

На «островке» (вероятно подразумевается остров Певка, отнюдь не малый) находилась не вся орда, а ставка орды. Византийский император пошел войной не на неведомую варварскую орду, а на крупное государство, с которым Византии (увидим ниже) пришлось очень и очень считаться. Константин Погонат, узнав о смерти князя «Великой Болгарии» Куврата и распадении его государства на 5 частей, решил воспользоваться удобным случаем и покончить со старинным врагом, но предприятие оказалось неудачным: даже ослабленная Болгария дала Погонату по рукам;

Но слушаем дальше: «Вслед за бегущей византийской армией двинулась болгарская орда, которая должна была пробиваться чрез славянские племена Балканского полуострова. Она дошла до Варны и заняла побережье Дуная, причем центром новых болгарских владений сделался Преслав около Шумена или Шумлы (на запад от Варны)».

Слушаем теперь внимательно дальше, ибо Погодин говорит о том, о чем другие почему-то умалчивают: «Славяне покорились Аспаруху; вообще до вооруженного столкновения между славянами и болгарами дело не дошло» (значит никакого завоевания славян болгарами не было, С. Л.).

«По мнению историка болгар, Иречека, продолжает Погодин, это объясняется, по всей вероятности тем, что славяне ненавидели византийское владычество и рады были переменить его на болгарское. Трудно сказать, справедливо ли такое предположение: ведь, владычество византийцев было, в сущности номинальным, и даже в начале 9-го века некоторые славянские племена, с запада граничившие с болгарским царством, сохранили свою независимость.

К тому же тюркское иго было достаточно знакомо славянам, и они не раз пытались освободиться от него. Не более ли вероятно, что разрозненные славянские племена не были в состоянии противиться натиску маленького, но хорошо организованного народа, который обладал настолько сильным государственным чутьем (ну, и фразеология, прости, Господи! С. Л.), что объединил этих славян и, ассимилировавшись с ними, создал крепкое и долговечное государство».

Безпредметность мышления Погодина ужасающая: как мог «маленький» народ болгар, не только вытеснить Византию из славянских областей, но даже заставить платить дань?! Как мог энергичный народ с «государственным чутьем» ассимилироваться с народом без этого чутья? Наоборот, он должен был ассимилировать народ, ему подчиненный и с недостаточным «чутьем». Как видим, у Погодина концы с концами не сходятся.

Итак, даже для Погодина, объяснение Иречека, ко-

тому он почти во всем слепо следует, неприемлемо; неприемлемо, как мы увидим ниже, и погодинское объяснение.

Слушаем дальше: «На какие-то договорные отношения, существовавшие между победителями-болгарами и покоренными славянами, указывает один из византийских писателей, Феофан (да, ведь, только что было сказано, что до вооруженного столкновения между славянами и болгарами дело не дошло, почему же болгары называются «победителями»? Как можно так легко-мысленно бросаться словами?).

«По всей вероятности, договор касался, говорит Погодин, поселения одного из славянских племен на новом месте, в восточных проходах Балканских гор, и возложения на семь остальных славянских «родов», переселенных на запад, обязанности защищать страну от аваров. Это указывает уже на известную солидарность победителей с побежденными, на образование организации, в которой эти последние приняли добровольное участие: иначе славяне, поставленные между аvaraми и болгарами, легко могли перейти на сторону первых».

Из высказанного самим Погодиным ясно, что никакой войны между болгарами и славянами не было, не было поэтому ни победителей, ни побежденных. Болгары Аспаруха только вступили в договорные отношения с местными славянскими племенами, которые предпочитали этот шаг подчинению Византии или аvaraм. Почему это случилось не понимают ни Иречек, ни Погодин, ни другие историки, хотя материала в истории для этого предостаточно.

На самом деле никаких чудесных явлений в виде добровольчества славян в отношении пришельцев-болгар не было: и славяне, и болгары были своими славянскими племенами, откуда и происходило единство стремлений защищаться вместе и от византийцев, и от аваров. Ниже мы приведем свидетельство истории, что славяне и болгары говорили на одном и том же языке.

«Но одного народа, продолжает Погодин, болгары и славяне еще не составляли: современные писатели проводят строгое различие между ними и, напр. Феофан рассказывает, что болгарский князь «повел весь подчи-

ненный ему народ славян и болгар». А позже, в 762 году, в период продолжительных междоусобий между славянским и болгарским населением страны, одно из них противопоставляется другому, и византийцы стремятся вступить в сношения со славянами против болгар.

Тем не менее, процесс ассимиляции подвигался быстрыми шагами вперед: необходимость держаться вместе против завоевательных стремлений Византии, с одной стороны, и аваров с другой, заставляла немногочисленную орду болгар уживаться так или иначе со славянством Мизии».

Погодин, как и другие историки, не понимает, что различие между славянами и болгарями было только племенное: новгородцы и киевляне еще много столетий спустя как образовали единое государство продолжали называться своими племенными названиями, хоть и были «руссам» и еще шире «славянами».

Разве сейчас Чехословакия не является цельным славянским государством и разве вместе с тем не ясно, что отношения между чехами и словаками не всегда были прекрасны?

В том, что Феофан различал славян и болгар ничего удивительного нет, – племенные различия оставались еще долго, но зато ясно почему болгары ассимилировались со славянами так, что **в современном болгарском языке нет ни одного «старо-болгарского» слова**, что абсолютно необъяснимо, если мы примем положение, что это были два народа разных корней, – должно было что-то остаться в названиях посуды, орудий, мелочей быта, одежды, именах, прозвищах, названиях некоторых растений и животных и т. д., ибо болгары, обладавшие столь сильным «государственным чутьем» не могли не сделать своего, вклада в сокровищницу языка, – ничего этого нет.

Слилось два славянских племени, причем еще до Аспаруха не только пришельцы, но и местные жители назывались болгарями (см. стр. 92-110).

Создание аспаруховской Болгарии совершилось иначе, чем это описывают: после смерти Куврата произошёл распад его государства, на 5 частей в результате дележки между его 5-ю сыновьями. Сильная задунайская

группа славян, называвшаяся болгарами, поддержанная вероятно и подчиненными племенами кочевников, переселилась с северного берега Дуная на южный. Мы увидим ниже, что Аспарух явился не как чужой завоеватель, а как законный наследник того, что ему принадлежало по праву, он восстанавливал то, что когда-то было захвачено Византией.

Поэтому-то не произошло никаких боев, а наоборот, с помощью местного населения Аспарух окончательно разгромил Византию и Болгария с того времени стала самостоятельным государством без кризисов на многие столетия.

«К: 679 году, продолжает Погодин, относится мир Аспаруха с императором Византии, Константином Погоном, в силу которого Византия обязалась уплачивать известную ежегодную: дань болгарскому князю и таким образом признавала, что болгары по праву владеют занятой ими областью между Дунаем и Балканами. С этого времени начинается история Болгарии, как самостоятельного государства».

Вывод этот совершенно ошибочный: а разве, навязывая свою волю такой империи, как Византия, орда Аспаруха не была самостоятельной? Разве она не имела предыдущей истории? Разве мы не знаем, что государство болгар уже существовало на Балканах по крайней мере за 300 лет до этого? Наконец, Аспарух перешел Дунай в 680 году, почему не этот год принимается за начальный год Болгарии, а 679-й? Только потому, что разбитая Византия заключила именно, в этом году позорный для себя мир?

Историки, в том числе и А. Л. Погодин, не могут отрешиться от верноподданнической точки зрения: для них история – это история императорской Византии. Пишучи историю Болгарии, они не становятся на болгарскую точку зрения, т. е. на точку зрения объективную. Историю Болгарии можно понять, если учитывать не только внешние, но и внутренние факторы. В ходе истории всякое государство то расширяется, то уменьшается, то распадается, воссоединяется, вовсе исчезает и вновь возрождается, вспомним хотя бы современную Чехословакию.

Наконец, в истории государства мы видим постоянную смену центров его управления и, как следствие, поднятие значения или упадок его в отношении того племени, которое в данный момент имеет свой племенной центр государственным центром.

Аспаруховская Болгария – только одна из вех длинной истории Болгарии, но этого историки не поняли.

Мы намеренно привели длинные выписки из Погодина, чтобы наглядно показать, как подчас нелогично и легкомысленно делались весьма ответственные выводы; кроме того, мы избавляемся от упрека, что, мол, атаковали одно неудачное место, нет, мы атаковали всю концепцию.

Чтобы восстановить истинную историю Болгарии, обратимся прежде всего к первоисточникам и здравой логике.

Константин Багрянородный (стр. 46, edit. Bonn, III) указывает, что варвары, перешедшие Дунай в конце царствования Константина Погоната (668-685), назывались «оногундурами», а вовсе не «болгарами» (очевидно это было их частное, племенное, точное название). **Значит не пришельцы дали имя местным жителям, а последние пришельцам**, ибо имя болгар отмечено на Балканах уже в 4-м веке.

«Главные источники, писал А. Л. Погодин (стр. 9), которые рассказывают о возникновении первого славянского государства на Балканском полуострове, относятся ко времени гораздо более позднему, именно к началу 9-го века: это хронограф Феофан и патриарх Никифор. Рассказывают они почти одно и то же, и даже более того: почти в одних и тех же выражениях, хотя это сходство наблюдается не всегда (в подробностях, а особенно в собственных именах много отступлений), так что в науке установилось убеждение, высказанное такими авторитетными писателями, как В. Г. Васильевский и Крумбахер, что оба писателя восходят к одному общему древнейшему источнику».

Таким образом до нас дошел фактически только пересказ настоящего источника, следовательно мы должны быть

весьма осторожны в оценке данных Феофана и Никифора – всегда пересказ является искажением истины.

Желая сократить, а иногда и расширить изложение, пересказчик выбрасывает слова или выражения, либо вставляет их, и тем незаметно для самого себя часто совершенно изменяет смысл того или иного оригинального места. Ему только кажется, что смысл остался тот же, ибо он знает действительное содержание рассказываемого и не замечает, что в его версии появляются неточности, недомолвки, либо не совсем ясные или противоречивые места, т. е. основания для путаницы.

Патриарх Никифор (806-815) писал, что болгарский князь Кобрат (т. е. отец Аспаруха или Испериха) образовал свое государство из гуннов и болгар. Тоже самое подтверждает и Феофан († 817). Так как Кобрат определенно княжил в Болгарии и назывался болгарским князем, второй составной частью его государства были гунны.

Что местные болгары, т. е. к югу от Дуная, были славяне, видно из данных армянского историка Моисея Хоренского († 487). Его данные особенно важны потому, что он писал самое малое за 30 лет до первого, всеми признаваемого появления славян к югу от Дуная в 517 году.

Он писал следующее: «Фракийская земля представляет пять меньших областей и одну, большую, где обитает семь славянских племен».

Значит к концу 5-го века во Фракии уже обитало целых семь племен славян, которые, разумеется, явились там веками раньше, ибо Фракия не представляет собой области, пригодной для кочевников, а для оседлых земледельцев, что и подтверждается, как историческими, так и археологическими данными.

Что славянская основа болгарского народа была именно в той части Фракии, о которой говорит Моисей Хоренский, видно из того, что и Феофан, и Никифор, говоря о приходе болгар за Дунай, указывают, что между Дунаем и Балканами пришельцы нашли 7 славянских племен, т. е. тех самых, о которых говорит Моисей Хоренский.

Отметим, кстати, что последний упоминает в своей истории и о руссах, т. е. показывает существование руссов на юге уже в 5-м веке, - еще один тяжелый камень на шею норманизму.

Феофан в другом месте (стр. 217) говорит: «В это же время (т. е. в 531 году, С. Л.) болгары восстали в Мезии и Скифии». Значит они жили там, где и теперь, и назывались болгарами.

Жили они и в Паннонии, т. е. гораздо севернее и западнее. В 569 году (Pauli Historia Langobardorum, II, 26), когда лангобарды двинулись из Паннонии в Италию, они захватили с собой и часть болгар среди других племен ("Certum est multos secum ex autem mnc Albion diversis, quas vel alii reges vel ipse ceperant, gentibus ad Italiam adduxisse. Unde usque hodie eorum in quibus habitant vicos Gepidos, Vulgares, Sartmates, Pannonis. Suavos, Noricos sive alius huiusmodi nominibus appellamus"). Интересные данные мы находим в легенде о св. Димитрии (A. Tougard, 1874, De l'histoire profane, §110, p. 186). Речь идет приблизительно о том же времени, когда славяне (частное название племени, С. Л.) и авары явились в нижней Паннонии, а затем подвергли разграблению «всю Иллирию, именно её провинции, т. е. обе Паннонии, обе Дакии (Дарданию, Мезию, Превалу, Родопу и всю окрестность), а также Фракию до длинной стены». «В это время, добавляет рассказчик, и состоялось смешение аваров и других языческих племен с болгарами».

Что болгары даже при аварах играли большую роль и жили и на северном берегу Дуная, видно из хроники Фредегара, где под 631-632 годом он отмечает спор о наследовании трона между болгарами в Паннонии и аварами ("Ео anno in Abarorum cuinomento Chunnorum regnum in Pannia (Pannonia) surrexit viaemens intentio, eo quod de regnum certarint, mi deberetur ad succendendum: unus ex Abares et alius ex Bulgarie collecta multitudinem impugnarint»). Значит существовали цис – и трансдунайские болгары, причем трансдунайские – уже в первой половине 7-го века претендовали на равенство с аварами в выборе вождя.

Особенный интерес представляет указание Констан-

тина Багрянородного, что болгары были родичи сербов. Согласно Багрянородному, сербы явились в Далмацию во времена имп. Ираклия (610-641), когда уже болгары были под владичеством Византии (éd. Wopp, p. 153, 19). Отсюда ясно, что: 1) болгары были на Балканах задолго до 610 г. и 2) болгары были соседями Далмации.

Но самое интересное его указание (ibid. 154, 3), что болгары до царствования сербского короля Властимира относились дружелюбно к сербам: «как соседи и родственники они взаимно любили друг друга». Так как славянство сербов не подвергается сомнению, то ясно, что болгары были также славянами.

«Мир был нарушен, продолжает Багрянородный, болгарским королем Михаилом, который захотел ввести христианство и в Сербии; когда сербы увидели, что Михаил не имеет злых намерений, они проводили его до Расы, которая была границей между сербами и болгарами (ibid. p. 154, 5). Речь здесь идет о реке Расе или по современному Рашке, притоке Ибара, которая была границей между Далмацией с одной стороны и Мезии-Дардании с другой.

Тоже, что о сербах, Багрянородный в сущности говорит и о кроатах (ibid. p.150, 17), с той разницей, что во времена имп. Ираклия кроаты были подчинены болгарам.

Напомним теперь панегирик Эннодия (Monum. auct. antiq. VII, 205) Теодориху Великому, в нем он говорит, что болгары во Фракии и Иллирии до Теодориха делали всё, что хотели. Сопоставляя данные Эннодия с вышеприведенным, можно заключить, что с 5-го века и по крайней мере до начала 7-го болгары орудовали в Иллирии и Паннонии. Эти болгары были родственники сербов и, следовательно, были славянами.

Существовало две группы болгар: цисдунайская и трансдунайская; так как они разделялись на множество племен и, так как соседи их (а также историки в дальнейшем) называли по-разному, эти группы этнически не были верно поняты, а следствием этого явились такие дикие теории, что болгары были зырянами или даже самоедами.

Перейдем теперь к изложению первоисточников,

прежде всего патриарха Никифора, который сообщает об образовании государства болгар следующее (под 673 годом, т.е. во время царствования Константина 4-го Погоната (668-685):

«Теперь еще нужно сказать о так именуемых гуннах и болгарах, об их происхождении и устройстве. Около Майотидского озера по реке Кофина была расположена издревле известная великая Болгария и жили так называемые котраги, одноплеменные с ними»

Чтобы не упустить важных подробностей, мы будем рассматривать свидетельство Никифора по частям. Итак, гунны и болгары не были разными народами, это были только племена одного и того же народа, ибо котраги были **одноплеменны** с ними, а быть одноплеменными с двумя разными народами невозможно. Поэтому Никифор и излагает их историю вместе.

Центром гунно-болгар-котрагов была река Кофина; комментаторы усматривают в ней одну из рек, впадающую в Сиваш (западная часть Азовского моря) и считают, что Куфис и Кофина одно и то же, и эта идентификация, и самое местоположение реки совершенно неясны, а потому лучше воздержаться от окончательных решений.

Далее обращает на себя внимание выражение: «издревле известная великая Болгария». К какому времени относится это выражение? Никифор умер в 829 году; в эту эпоху Болгария не представляла собой ничего великого, кроме того, сказано издревле известная. Самое сообщение записано под 673 годом, т.е. в год очень близкий к разделению Болгарии и образованию Болгарии Аспаруха. Значит еще до Аспаруха была «Великая Болгария».

«Во времена же Константина, который умер на западе (речь идет очевидно о Константине 2-м, племяннике Ираклия, умершем в Сицилии (642-668), С. Л.); Куврат, бывший государем этих племен, умер; оставив пятерых сыновей, которым он завещал никоим образом не отделять друг от друга жилья (? С. Л.) и чтобы они добрым расположением друг к другу охраняли свою власть (т. е. государство, С. Л.)».

Года смерти Никифор не дает, во всяком случае это случилось в промежутке 642-666 гг.

«Они же, мало заботясь об отеческом завещании, по прошествии недолгого времени отделились друг от друга, и каждый из них отделил себе свою часть народа. Из них. первый сын, по имени Баян, остался согласно приказа отца, на родовой земле по сю пору».

Из этого следует, что: 1) племя гунно-болгар не было номадами в полном смысле этого слова, – существовала и какая-то постоянная, родовая земля, о целости которой заботился Куврат, 2) на этой-то земле сидел. Баян, т. е. уж конечно, потомки его «по сю пору», иначе говоря, еще в начале 9-го века.

Второй – именуемый Котрагом, переправившийся через реку Танаис. поселился напротив него».

Имя Котраг несомненно дало основание для названия племени, ему принадлежавшего. Прокопий-Кесарийский говорит, что народ гуннов разделился на два племени по сыновьям умершего вождя: одни стали называться «утигурами», другие – «кутригурами».

Местоположение державы Котрага неясно; если Баян сидел к востоку от Дона (что вероятнее), то Котраг оказался к западу от него.

«Четвертый перешел через реку Истр в Паннонию, которая ныне находится под властью аваров, и поселился путем заключения союза среди местных племен». Бросается в глаза; что место действия переносится сразу от Дона...на средний Дунай, т. е. на огромное расстояние. Это могло случиться двояко: неназванный брат мигрировал далеко на запад, но об этом не сказано ни слова, хотя о движении других братьев через реки сказано; могло быть и другое, четвертый брат уже жил рядом с Паннонией, а затем перешел Дунай. «Пятый же, обосновавшийся в Равеннском Панто-полисе, стал подданным ромеев» (по данным Рансимена в провинции Беневенто). Бросается и тут колоссальная разница в местожительстве: Меотида и Равенна.

«Последний из них, третий брат, по имени Аспарух, перейдя реки Данапр и Данастр, поселился в местности около Истра, заняв удобную для поселения местность, знаваемую на их языке Олгом, неудобную и недоступ-

ную для врагов. Она ограждена с одной стороны впереди тем, что перед ней находятся теснины и болота, позади же она защищена стенами неприступных скал».

Очевидно Аспарух первоначально жил к востоку от Днепра, но западнее Дона, иначе было бы сказано, что он перешел и Дон. Местность, которую он занял, по Никифору, называлась «Оглом»; Феофан называет её «Онглос» или «Уклос», Анастасий в латинском переводе «Хоглос» и «Онглос». Из этого непостоянства начертаний видно, что: 1) слово безусловно негреческое, 2) заключало в себе некоторые трудности для греческого произношения.

Невольно приходит в голову, что «Угол» и «угличи», «улучи», «улутичи» и т. д. русских летописей соответствуют местности, занятой Аспарухом. Напомним, что существовал звук «оу» (напр, оум), в котором одни подчеркивали «о», другие «у»; отсюда разноголосица: Огл или Угл,

Местность «Оглос» можно понимать по-разному. Как обширную область, достаточную для вмещения и жительства большого народа, способного угрожать Византии. В этом случае под «стенами неприступных скал» можно понимать Карпаты, охранявшие тыл области Аспаруха, под болотами и теснинами (последнее слово безусловно переведено неверно) – многочисленные болота и озера северного берега устья Дуная.

Можно понимать и как только боевой лагерь, огражденный естественными препятствиями, неудобными для проникновения врага. Последнее понимание менее вероятно, хоть и поддерживается некоторыми подробностями (см. ниже). Во всяком случае о маленьком островке Погодина здесь нет ни слова.

«Именно потому, что народ так разделился и расселился, племя хазар, жившее внутри области, именуемой Верилией, по соседству с Сарматией, часто нападало на него. И пройдя все области, лежащие за Понтом Эвксинским, проникло через все земли до моря. И вслед за тем подчинило Баяна и заставило его производить уплату дани».

Таким образом, по Никифору, после смерти Курта или Куврата большой и сильный народ разделился, рас-

селится и ослабев, попал под иго хазар, именно его основная часть. Очевидно хазары вышли из области между Волгой и Доном и достигли восточных берегов Азовского моря, где и подчинили себе остатки болгар.

Что за страна «Верилия», – сказать трудно; Феофан, говорящий о тех же событиях, называет её «Берзелиам», «Берзилиам».

«Константин же, так как он узнал, что народ (этот) расставил шатры на Истре и что он подвергает опустошению расположенные по соседству земли, находящиеся под властью ромеев, переправил вооруженную армию во Фракийскую область и, вооружив также и флотилию, направился против этого народа, чтобы защититься».

Таким образом Константин Погонат был защищаемой стороной.

Историю болезни императора, паники и бегства греков мы опускаем.

«...Достигнув Истра у так называемой Варны, близ Одисса, и дойдя до лежащего выше материка, они увидели укрепленное и надежное положение этого места со всех сторон, огражденное рекой, и из-за его непроходимости расположились там».

Здесь в изложении явные неточности: и Варна, и Одисс находятся на морском побережье и совершенно в стороне от Истра; мы не будем останавливаться на этих подробностях, не имеющих для нас значения в данном вопросе.

«Они владychествуют и над живущими поблизости славянскими племенами и одних поставили для охраны от находящихся по соседству аваров, других же – для наблюдения над находящимися поблизости ромеями.

Таким образом, укрепившись и возвысившись, они опустошали и нападали на области и города Фракии. Императору, видевшему это, пришлось заключить с ними договор об уплате им дани».

Так изображает Никифор начало Болгарского государства к югу от Дуная и так оно принимается современными историками. Ниже мы увидим, что рассказ этот далек от действительности: начало Болгарии гораздо древнее.

Достаточно обратиться к Йордану и там мы найдем

о болгарях: «Далее за ними тянутся над Понтийским морем места расселения булгар, которых весьма прославили несчастья, (совершившиеся) по грехам нашим. А там и гунны, как плодovitейшая поросль из всех самых сильных племен»... Значит еще в 551 г. (не в 679!). болгары уже так отличились на Балканах, что их считали божеским наказанием за грехи, и не может быть речи о неожиданном появлении на северном берегу Дуная какого-то неизвестного племени.

Еще более странным кажется такой подход к оценке начала Болгарского государства, если мы примем во внимание существование множества сведений об отце Аспаруха Куврате, который уже был властителем «Великой Болгарии».

У того же патриарха Никифора мы находим под 635 годом, т. е. за 44 года до Болгарии Аспаруха, следующее: «В те же самые времена восстал **вновь** Куврат, государь гунно-гундуrow, родственник Органы, против аварского хагана и весь народ (его), который находился вокруг него, подвергая оскорблениям, прогнал из родной земли» (родной земли Куврата, а не хагана! С. Л.),

«(Куврат) прислал послов к Ираклию и заключил с ним мир, который они сохраняли до конца своей жизни. И Ираклий послал ему подарки и удостоил сана патрикия».

Мы видим, что: 1) восстание Курта или Куврата в 635 г. было не первым, сказано: «вновь восстал», значит он пытался восставать и до этого, но на этот раз иго авар было сброшено, 2)-он был родственником «Органы»,- другие источники прямо указывают, что Органа был его дядей и правил до совершеннолетия Куврата (повидимому Органа и Гостун одно и тоже лицо, но называемое по-разному: по-гречески и по-славянски), 3) Куврат был членом династии гунно-гундуrow, и династия очевидно уходила в глубь времен, 4) место действия Балканы, а не берега Меотиды, 5) в дальнейшем между Кувратом и греками войн не было; Ираклий умер в 641 г., Куврат, по Златарскому, в 642 г., по Ценову, в 666 г.

Из сказанного ясно, что Аспарух был только продолжателем дела отца и что история Болгарии должна

быть перестроена на других основаниях: 1) центр, ядро государства Куврата были Балканы и прилегающие страны, а вовсе не задонские степи, 2) если распад большого государства после смерти единодержца – явление обычное и понятное, теория миграции 4-х его сыновей на запад совершенно невероятна. Смерть Куврата вовсе не значила, что его сыновьям и народу стало вдруг жить плохо и что где-то далеко на западе им захотелось найти «счастливую жизнь»; ведь новые земли, на которых, якобы, поселились сыновья Куврата, не были пустыми, их; надо было брать кровью. Наконец, что за счастье, хотя бы для пятого брата из независимого стать подчиненным?

Если сыновья Куврата осели на новых местах, почему этого не сделал раньше сам Куврат, ведь он был гораздо сильнее своих ослабленных сыновей? 3) государство Болгария создавалось и существовало не только на северном берегу Дуная, но и на южном, чему мы приводили в первом выпуске «Пересмотра» много, доказательств, 4) список имен болгарских князей показывает, что вожди болгар назывались не «ханами», а «князьями»; старинная династия их была из рода Дуло и носили они имена славянских корней и т. д.

Не следует также забывать свидетельства летописи попа Дуклянина, который сообщает о нашествии болгар, что в составе их были готы, славяне и болгары и что все они говорят на одном языке. Это случилось тогда, когда в Далмации был король Владин. Из текста видно, что он был внуком Свевлада, а тот воевал с имп. Анастасией († 518), Свевлад княжил 12 лет, а затем княжил его сын Сидимир 21 год, потом на престол вступил Владин, иначе говоря, между Ана-стасием и Владином легло менее 33 лет, ибо дед Владина еще захватил Анастасия. Таким образом болгары, наводнившие Балканы (подробности мы опускаем); приблизительно около 550 года, были: славяне.

Мы полагаем, что противоречивые сведения истории вполне объяснимы при допущении следующего: 1) произошло смешение нескольких сходных событий, в которых играли роль болгары (передвижение гуннов во второй половине 4-го века; их передвижение в середи-

не 6-го и затем 7-го веков) и 2) смешение двух племен с похожим названием, из которых одно было определено славянским (подробности дальше).

Обратимся теперь к некоторым моментам жизни Куврата, которые многое нам разъяснят. Согласно Ран-симуену (р. 13-14), в 619 году Куврат появился в Царь-граде со своими боярами и женами их и все они, включая главную жену Куврата, приняли христианство. Патриарх Никифор рассказывает это перед 619-м годом следующим образом: «Прошло некоторое время, и государь гуннского народа вместе со своими правителями и дорифорами прибыл в Византию, домогаясь у императора, чтобы принять христианство. Тот же охотно его принял и ромейские архонты были восприемниками гуннских архонтов, а их жены – гуннских жен, и их окрестили в божественной купели. И также они были одарены императорскими дарами и наделены званиями. Император удостоил саном патрикия их игемона и благосклонно отпустил (их) в гуннскую страну». Имеется, однако, иное сообщение Иоанна из Никеи (Zotenberg, 460), что Куврат, вождь гуннов и племянник Органы, был крещен еще ребенком в Константинополе, вырос в царском дворце и был связан с имп. Ираклием тесной дружбой.

Мы знаем, что одним из обыкновеннейших приемов в Византии при заключении мира было брать заложников, маленьких сыновей у вождей народов, заключавших мир. Подобные заложники годами жили в Византии, (напр. Теодерих Великий с 8-ми и до 18-летнего возраста) и получали там полное воспитание. Неудивительно, что подроснув в юности, Куврат и Ираклий остались друзьями и взрослыми.

Обратимся теперь к легенде о св. Димитрии, которая сообщает огромное количество сведений о славянах и болгарях и которая несомненно заслуживает особого исследования. Мы ограничимся только самыми краткими сведениями. Уже одно заглавие: «О тайно подготовленной болгарями Мауром и Кувером (Кувратом) братской войне против города» (Фессалоник или Солуни) показывает, что Куврат считался болгаринном.

Ниже мы даем в извлечении содержание §§110-111.

Что касается славян, то после того, как они разграбили всю Иллирию, т. е. обе Паннонии и обе Дакии, а также Фракию до «длинной стены», их подчинил себе аварский каган, включая ту часть Паннонии, главным городом которой является Сирмиум.

«С этого времени началось смешение болгар с аварами и прочими чужими народами и произошел неисчислимый большой народ. Каждый ребенок получал от отцов предания и чаяния о возвращении на родину в империю ромеев».

Это сообщение исключительной важности, ибо объясняет весь ход дальнейших событий, именно: **болгары и славяне были угнаны аварами из областей к югу от Дуная**, и в дальнейшем была не инвазия чужих, а возвращение назад своих, поэтому пришельцы и были приняты соответственно.

Вернемся к прерванному изложению. Прошло более 60 лет со времени увода народа, большинство стало свободным и каган рассматривал его, как свой собственный. Согласно, обычаям, он поставил над ними начальника именем Кувер (Куврат). Узнавши о желании народа возвратиться на родные земли, Куврат восстал против аваров, поднял **весь бывший ромейский народ** со всеми другими чужими племенами.

Пять или шесть раз нападал каган, на них, но каждый раз был разбит. В конце концов он должен был отойти на север с оставшимися ему верными. После победы Куврат перешел со всеми, руководимыми им народами Дунай, пришел в нашу страну и занял Керамезийское поле.

После того, как они там осели, они потребовали родных городов: одни Фессалонику, другие королеву городов Константинополь, другие, иных городов. Для захвата их была употреблена хитрость против имп. Ираклия, с которым у Куврата были хорошие отношения и с которым он формально не хотел порывать.

Было решено, что какой-нибудь умный и ловкий из вождей (Маур), который знал бы греческий, славянский и болгарский языки, ибо ему пришлось бы иметь дело со смешанным населением Фессалоник, произвел бы мнимое восстание против Куврата и ушел бы с народом,

им возглавляемым, в Солунь, оставаясь наружно подданным греческого императора. :

Когда народ: под руководством мнимо восставшего вождя войдет мелкими, незаметными группами в Солунь, его уже нетрудно будет захватить, так сказать, изнутри. А затем, соединившись с Кувратом, захватить и другие города. Таким образом без формальной войны болгары и другие племена могли бы осуществить свои чаяния.

Хитрость удалась: император назначил Маура консулом в Солуни а начальником всех керамезийцев, бежавших, якобы, из под.власти Куврата. Однако, к Мауру сбегались люди, и из других городов: Сердики, Наисса и т. д. Самых выдающихся из «беженцев» Маур назначал на ответственные места, разыгрывая роль наилойяльнейшего подданного. Император приказал начальнику флота помогать во всем Мауру, матросы приняли даже, участие, в оборонительных сооружениях около города,

В результате всего этого не только Солунь, но и вся Фракия попала в руки болгар, в греческих руках оста вался только, Царьград. Обо всех этих подробностях греческие хроники умалчивают (вероятно неудобно было, рассказывать, как их околпачили), но что вся страна оказалась в руках болгар, говорят и они.

Феофилакт (Patr. graeca, 126, col. 189) .говорит, что болгары, после того, как изгнали, аваров, стали господами всей. Иллирии, старой Македонии, старой Фракии и т.д. Они; захватили эти страны потому, что. были постоянными жителями их, однако, население переменило места: население южных городов было переселено в северные, так; как их считали греками (т. е. симпатизирующими грекам), а из северных городов в южные.

Вот каким образом создалась «Великая Болгария» Куврата, ни о каких событиях на Дону или Днепре нет и полслова, – всё совершалось на Балканах или в непосредственной близости.

«Великая Болгария» имела совсем иные границы, чем те, о которых сообщает Никифор: она простиралась от северных границ Паннонии до стен Царьграда, на этих именно землях происходило подчинение болгар аварам,

свержение аварского ига, княжение Куврата и распадение его государства на 5 частей после его смерти.

С распадением государства были связаны сравнительно мелкие передвижения, обусловленные делением государства и действиями соседей: авар, хазар, греков, а в общем это была резмиграция. Становится понятным почему после смерти Куврата пятый сын его перешел Истр и попал в Паннонию, а о движении его из придонских степей не сказано ни слова: потому что он уже сидел на Истре. Совершенно очевидно, что и Аспарух не переходил Днепра и Днестра, – это необоснованная догадка: раз, мол, он был у Дона, чтобы достигнуть устья Дуная, надо было пересечь Днепр и Днестр.

Итак, мы видим (всего материала мы не излагаем, ибо он огромен), что около 630 г. в Солуни жило много болгар и славян, жили они, и притом целыми племенами, и вокруг: в Македонии, Фракии и Мезии. За 60 лет до этого, т. е. около 570 г. огромное количество славян и болгар было угнано аварами за Дунай. Захват Солуни около 630 г. был только возвращением на родину, в «города отцов». Значит история Болгарии уходит куда глубже, чем 570-й год. Однако, точно отмеченной в непрерывной истории мы находим Болгарию в 582 году.

Именно в 582 г. аварский хан назначил «наместником» для болгар некоего Гостуна (он же, по-видимому, Органа), который приведен также и в «Списке болгарских князей». В 584 г. Куврат сменил своего опекуна. Таким образом не 679-й год, а 582-й мы должны считать началом Болгарского государства. Это совершенно точная, неоспоримая дата, нелепый 679-й год должен быть отброшен безоговорочно.

Конечно, и 582-й год не есть действительное начало болгарского государства, – это только крайняя (пока!!) дата, которую мы знаем бесспорно, но новые поиски и сопоставления позволят отодвинуть эту дату еще глубже.

Обратимся теперь к чрезвычайно важной гипотезе: все высказанные соображения касаются народа на Балканах, славянского корня, которых мы предлагаем назвать «вестболгары», но был еще народ другого, неславянского ория, который жил в северном Предкавказьи. При-

доньи, доходил на север до Камы, этот народ, нападавший даже на Закавказье, мы предлагаем назвать «костболгары».

В истории произошло смешение этих двух народов, когда, как и почему, – это требует отдельного исследования; к этому вопросу мы надеемся еще вернуться.

8

О ВОСТОЧНЫХ БОЛГАРАХ

О первоначальной истории болгар мы можем сказать, как об истории мидян, что она «темна и неизвестна». Единственно, что мы знаем как-будто достоверно, что болгары в свое время разделились, при чем часть их ушла далеко на север, образовавши в области слияния Камы и Волги довольно значительное государство. Древняя Русь неоднократно воевала с прикамскими болгарями.

Существует мнение, что часть болгар при разделении попала в Предкавказье, а затем была оттеснена другими племенами к предгорьям и горам Кавказа, где они и уцелели до сих пор под именем «балкар», отсюда и область Кавказа – Балкария.

Некоторые ученые (в том числе и М. А. Miller, *Caucasian Review*, 6, 1958, 30-36) полагают, что гунны, появившиеся после 375 года у границ Византии на Дунае, именно утигуры, кутригуры и оногуры, назывались также болгарями. Самое, мол, раннее упоминание болгар в Европе относится к 482 г.

Мы указали (см. 1-й вып. «Пересмотра»), что болгары упоминаются на Балканах еще во времена Константина Великого (у 337 г.), т. е. за несколько десятков лет до их известного появления в Европе. Отсюда вытекает, что и с гуннами, и с болгарями произошло какое-то недоразумение.

Подбирается всё больше данных, что имя «болгары» употреблялось римскими авторами (*vulgares*), а затем

перешло к греческим в форме "bulgaroi", не как обозначение какого-то племени или комплекса родственных племен, а как обобщающее понятие вроде греческого «варвары». Если это так, то от этнического значения имени «болгары» в некоторых источниках придется отказаться.

Кроме того, по-видимому, существовало два корня «болгар», этнически разных, что и привело к огромной путанице. Согласно Феофану (8-й век), после смерти Куврата († 660-670) старший сын его Батбай остался на старых землях, именно на северном побережье Азовского моря. Под его владычеством оказались так называемые «чёрные болгары».

Некоторые авторы называют его «Баян». Вероятнее всего, что его настоящее имя было «Бай», от тюркского «б,ай», «бей» (титул), его превратили при склонении имени в «Баян» подобно тому, как из «Неро» при склонении получился «Нерон».

Приставка «бат», по-видимому, сокращенное «бато», слово, употребляемое и до сих пор у болгар перед именем Старшего брата, отсюда «бато Бай» или слитно «Батбай».

Следует, однако, обратить внимание на то, что приставка «бато» (батя, батюшка и т. д.) – приставка славянская. Разница в форме имени получилась у авторов иная потому, что одни понимали, что слово «бато» – это только приставка, а другие этого не знали. У молдаван до сих пор слово «бадя» предшествует имени мужчины, если к нему обращаются дети или юноши.

Второй брат, Котраг, переселился, якобы, на правый берег Дона и осел против Бая. Впоследствии, под давлением, по-видимому, хазар, котраги были оттеснены на север и осели в бассейне Камы. Они создали там довольно могущественное государство с большими городами как-то: Великий Булгар, Биляр, Сувар, Ошель, Жуко-тин. Бросаются в глаза, между прочим славянские их названия. Имеется также прямое свидетельство одного арабского автора, что Булгар был славянским городом. Очевидно в создании государства Булгар и славяне сыграли какую-то роль, но мы пока оставим этот вопрос совершенно в стороне.

Итак, создание Булгарского государства приписывается некоторыми народу, пришедшему с юга после смерти Куврата, приблизительно в конце 7-го века.

Существует, однако, и совершенно иное представление. Д. А. Расовский (*Seminarium Kondakovianum*, 8, 1936, стр. 168), пишет: «Болгарский каганат, сложившийся на средней Волге и низовьях Камы уже к началу 7-го века, представлял собой прочное государственное образование, с развитой земледельческой и промышленной культурой, широко налаженной торговлей с целым рядом зависимых от Болгар народов, вовлеченных в хозяйственную жизнь этого государства – как Мурома, Мордва (Мокша и Эрзя), Буртасы (Мещера), Пермь, Югра, Вотяки, Черемисы, Башкиры.

Ядром Болгарского каганата, его государственно-организующей силой, была, как известно, немногочисленная, из пятисот семейств состоявшая, турецкая орда, выселившаяся из своей алтайской прародины; перевалив через Урал, она подчинила себе местное оседлое земледельческое финское население и долго с ним не смешивалась.

Еще в 9-м веке эта главенствующая турецкая орда вместе со своим каганом была типично кочевой среди городского и земледельческого финского населения, что не мешало, однако, государственной сплоченности Болгарии.

Эта основная, собственно-болгарская территория, ограничивалась лишь обоими берегами нижней Камы, бассейном Черемшана и течением Волги между устьями этих рек; но «сфера влияния» Болгар простиралась далеко на север (в «Заволоцкую Чудь», Югру), запад (Мурома на Оке), юго-запад (Мордва, Буртасы) и особенно на восток (Пермь, Вотяки), переваливая за Урал в область среднего течения Тобола, Иртыша и Оби (Башкиры и др.)».

Таким образом, по Расовскому, прикамские болгары пришли с востока из Азии и к Причерноморью никакого отношения не имели; сам же каганат создан уже к началу 7-го века, а не к его концу. Иначе говоря, история прикамских болгар рисуется совершенно иначе, чем это предполагают многие.

Мы полагаем, что в пользу взглядов Расовского говорят и исторические факты и теоретические соображения. Прикамские или северо-восточные болгары представляли собой еще издревле совершенно изолированную группу тюрков-номадов, не сливавшуюся с болгарами юго-востока. Это была особая ветвь зауральских тюрков, перевалившая на запад через Урал, но всё время связанная со своими исходными землями. Вероятно история развития мусульманства могла бы помочь в освещении различных этапов расширения этого государства.

Расовский (там же) пишет: «Целая часть Болгар (современные чуваша) так и осталась незатронутой мусульманством, а следовательно и городским влиянием (в Волжско-Камской Болгарии мусульманство распространилось из городов)».

Волжские болгары впервые упоминаются совершенно определенно арабским путешественником Ибн-Фадланом, посетившим их страну в 922-23 гг.

Следующее упоминание о «чёрных болгарях» относится к 945 г., именно в договоре Игоря с греками. Речь идет о том, что руссы должны препятствовать «чёрным болгарам» нападать на Херсонес. Из этого видно, что болгары жили в это время где-то в областях недалеко от Крыма и беспокоили греков. Однако, были ли эти «чёрные болгары» северо-восточными болгарями – сомнительно, скорее всего это были болгары юго-восточные, тяготевшие к прикавказским степям.

По-видимому, именно на прикамских болгар ходил Владимир Великий в 984 году, но указание летописи весьма кратко и ничего не дает для расшифровки о каких именно болгарях идет речь.

Здесь мы позволим себе маленькое отступление. Расовский (там же. 6, 1933, 1-66) пишет: «...Определенное упоминание летописи о болгарских «колодниках», т. е. пленных, взятых русскими в этой войне 985 *т.*, г. Баумгартен объясняет так: "ce passage un pue légendaire paurrat aussi désigner les ennemies des Bulgares du Danube, les Grecs". Вопреки летописи, пленные болгары превращаются у г. Баумгартена в пленных греков!., (о смелости приемов г. Баумгартена можно судить хотя-бы по тому, как «меч скифский», о котором упоминает Лев Диакон...

у г. Баумгартена превращается в "glaive d'un Russe" со ссылкой на G. Schlumberger L'Épopée Byzantine, I, 1896, стр. 667, где, оказывается, все же стоит "épée Scythique!"

Мы уже отмечали в наших работах недобросовестность Баумгартена в пользовании источниками, Расовский приводит этому еще два примера. Против этого мелкого мошенничества на поле истории мы всё время и ратуем, беда в том, что на эти факты, позорящие науку, историки не обращают внимания и «авгиевы конюшни» истории перегружаются всякой дребеденью. На деле же подобные «приемы» должны получать немедленно и ото всех полный отпор, тогда история очистится от дутых теорий и фальшивых фактов.

Итак, северо-восточные или прикамские болгары представляют собой по-видимому изолированную группу, не принимавшую участия в больших событиях.

Другая же группа, юго-восточных или прикавказских болгар, по-видимому приняла большое участие в событиях, затронувших и Европу. Готье и другие видят в них остатки «чёрных болгар», т. е. потомков болгар, подчиненных в свое время Баю.

М. Миллер, 1958, делает попытку подкрепить эту гипотезу археологическими данными. В 1927 г. он нашел на Золотой Косе (в 15 км. к западу от Таганрога) оригинальную, до того времени неизвестную культуру.

Приблизительно в то же время А. Миллер нашел ту же культуру в окрестностях Цимлянкой на Дону.

Эта культура, характеризуемая особой формы, нигде не встречаемыми сосудами, была найдена в 6 различных пунктах в районе нижнего Дона. В 1932 г. М. Миллер нашел её же у Днепропетровска в месте слияния Днепра с Самарой. Очевидно, как полагает Миллер, эта культура принадлежала «чёрным болгарам». Та же культура найдена А. Миллером в Осетии.

Эти факты позволяют считать, что неизвестная культура была распространена от Днепра и до Предкавказья и в последнем месте представляет собой остатки «балкар», т. е. «чёрных болгар».

Интересно отметить, что раскопки в Болгарии у Абобы-Плиски показали большое сходство между культурой Абобы и культурой «чёрных болгар».

Получается, что болгары с берегов Меотиды, расщепившись дали три ветви современных болгар на Балканах, прикамских болгар и предкавказских «балкар». Остальные ветви стерты временем, однако, археологические остатки должны принести нам решение вопроса.

В настоящее время выясняется, что западные болгары – это местные славяне, к ним вероятно были примешаны в свое время пришельцы, болгары-тюрки (а может быть и народ иного корня), наконец, на северо-востоке существовали болгары, почти наверное тюрки. Имея такую схему, можно разгруппировать имеющиеся у нас факты и сделать необходимые заключения, без схемы же мы остаемся перед хаотической грудой фактов. Дело за исследователями.

Подведем, однако, некоторые итоги нашей рабочей гипотезе о происхождении болгар:

1. Болгар можно разделить на три группы: западных или придунайских и восточных, последних можно разделить на северных или прикамских и южных или предкавказских.

2. Болгары не являются народом единого корня: западные болгары являются преимущественно славянами, хоть и со значительной примесью других народов, в том числе и восточных болгар; восточные болгары по-види мому тюрки, но не исключена возможность, что двух корней.

3. Причина смещения двух совершенно разных народов объясняется двумя обстоятельствами: во-первых, они имели два очень похожих названия, которые были затем слиты воедино, во-вторых, был значительный период, когда оба народа частями своими соприкоснулись на Дунае и сожительствовали значительное время.

4. Название западных болгар по-видимому обязано происхождению римлянам, которые называли смесь чуждых им племен на Балканах – «вульгарес». Так как в греческом нет звука и буквы «в», то авторы, писавшие по-гречески, употребляли форму – «булгарои». И в том, и в другом случае звучало «булг», но не «болг». Замечательно, что в русском языке начертание «булга-рин» и «болгарин» соперничали в течении многих столетий и только в нашем

веке слово «болгарин», «Болгария» одержало верх окончательно. В прошлом же столетии «булгарин» употреблялось еще очень широко. Вспомним, что недруг Пушкина звался – Булгарин.

5. Происхождение имени восточных болгар неизвестно, оно может быть выяснено из сравнения названий соседних народов в древности, что требует особого исследования. Во всяком случае название современной области в Предкавказьи – Балкария, несомненно связано с древними болгарями Предкавказья.

6. Производство слова «болгария» от Волги – один из ярких примеров полной безответственности и легко мыслия. Болгары вовсе не «волгари», – на Волге они появились уже с именем болгары.

7. Следует особо помнить, что «вулгарес» упоминались на Балканах задолго до появления восточных болгар на Дунае, еще в начале 4-го века. Только позже эти два народа столкнулись; с этого и началась путаница народов и названий.

8. Связь прикамских болгар с предкавказскими неясна. Если бы оба эти народа были близки или являлись только частями одного и того же, – их истории благодаря территориальной близости должны были быть гораздо теснее связаны, а между тем они все время жили изолированной жизнью. Впрочем для наших задач эта проблема не имеет особо важного значения.

ЗАГАДКА СПИСКА ДРЕВНИХ БОЛГАРСКИХ КНЯЗЕЙ

В одном из хронографов, опубликованном в 1866 г. А. Н. Поповым (Обзор хронографов русской редакции. Москва, 1, 25-27), имеется замечательная вставка, содержанием которой мы и займемся.

Имеется три почти совершенно одинаковых списка, расходящихся только в самых незначительных подробностях орфографии. Это обстоятельство должно принудить к молчанию тех сверхскептиков, которые никак не могут поверить подлинности документа, если он оказывается уникалом. Таким образом документ не вызывает никаких сомнений. Тем более, что часть сообщаемых сведений подтверждается и византийскими источниками, а это дает основание думать, что и другие сведения, о которых византийские источники молчат, также верны. Кстати речь идет только об именах князей и, естественно, византийские источники будут молчать о кратковременном княжении какого-то невыдающегося

князя где-то в полуварварской Болгарии, а мы знаем, что они часто умалчивали даже о многих собственных событиях. Начнем с выписки из Попова:

«Л. 68. Непосредственно за IV книгою царств в обоих описываемых списках помещена следующая в высшей степени замечательная вставка:

«Авитохоль жить лѣтъ (Т), родъ емоу доуло. а лѣт ем (буква «м» малая, надстрочная, «оу» вовсе отсутствует, С. Л.) диломъ твирем.

Ирникъ жить лѣт (РИИ) лѣт («т» малое, надстрочное, С. Л.) емоу доуло, а лѣт емоу диломъ твиремъ.

Г о с т у н ! (Въ Погод. список§ Гостунъ) намѣстникъ сии (В) лѣт («т» малое, надстрочное, С. Л.) род («д» малое, надстрочное, С. Л.) емоу Ерми. а лѣт («т» малое, надстрочное, С. Л.) емоу дохсь 1) (Въ Погод, дох'съ) твиремъ²⁾ (°) Погод, в'тиремъ).

К о у р т (З) (буква «з» с очень длинным завитком вниз, С. Л.) лѣт («т» малое, надстрочное, С. Л.) дрѣжа род («д» малое, надстрочное, С. Л.) емоу доуло, а лѣт («т» малое, надстрочное, С. Л.) емоу шегоръ вечемъ.

Б е з м ѣ р ѣ (Г) лѣт («т» малое, надстрочное, С. Л.) а род емоу дуло, а лѣт («т» малое, надстрочное, С. Л.) емоу шегоръ вѣчемъ.

сии (Е) кнѣзь дрѣжаше³⁾ (Погод, дрѣжаше) княжение обону страну Доуная. лѣт («т» малое, надстрочное, С. Л.) (ФиеІ) остриженами главами, и потомъ. приде на страну Дуная Исперих («х» малое, надстрочное, С. Л.) кнѣзь (титло пропущено, С. Л.) тожде («д» малое, надстрочное, С. Л.) и доселѣ.

(Здесь, по-видимому, кончалась запись первого автора, С. Л.).

«Есперих («х» малое, надстрочное, С. Л.) кнѣзь (титло пропущено, С. Л.) (З) (буква «з» с длинным завитком вниз, С. Л.) и одно лѣто. род («д» малое, надстрочное, С. Л.) емоу доуло, а лѣт емоу верениалемъ.

Т е р в е л ь (КИА) лѣт («т» малое, надстрочное, С. Л.) род («д» малое, надстрочное, С. Л.) емоу доуло. а лѣт («т» малое, надстрочное, С. Л.) ему текоучетемъ твиремъ.

(Имя князя пропущено, С. Л.) (КИИ) лѣт («т» малое,

надстрочное, С. Л.) род («д» малое, надстрочное, С. Л.) емоу доуло. а лѣт («т» малое, надстрочное, С. Л.) емоу дваншехтемя.

С е в а р (еІ) лѣт («т» малое, надстрочное, С. Л.) род («д» малое, надстрочное, С. Л.) ему дуло, а лѣт («т» малое, надстрочное, С. Л.) емоу тохал'томь.

Кормисошь (31) лѣт («т» малое, надстрочное, С. Л.) род емоу вокиль. а л-ѣт («т» малое, надстрочное, С. Л.) шегорь твиримь, еиже кнзь (с титулом, С. Л.) изм-ѣни род («д» малое, надстрочное, С. Л.) доуловъ рекше вихтунь.

винех (с малой, строчной буквы, С. Л.) (3) лѣт («т» малое, надстрочное, С. Л.) а род («д» малое, надстрочное, С. Л.) емоу оукиль ему имяше горалемь4). 4) (В Погод, имаше горалемь).

Телець (Г) лѣт («т» малое, надстрочное, С. Л.) род («д» малое, надстрочное, С. Л.) емоу оугаинь. а лѣт («т» малое, надстрочное, С. Л.) емоу соморь алтемя и сии инога радь 5) (В Погод, рад) («д» малое, надстрочное, С. Л.).

оуморь (с малой, строчной буквы, С. Л.) (М) днїи род («д» малое, надстрочное, С. Л.) емоу оукиль. а ему диломь тоутом».

Откуда взята эта вставка решить трудно. Содержание ее – хронологический перечень болгарских князей, с древнейшего времени до Умара. Свидетельства: «первые пять князей держали княжение обону страну Дуная лет 515 остриженами главами», «первый пришел на Дунай Есперих» – заслуживает полное внимание историка. Имена приводимых князей не все известны доселе из византийских источников; известные передаются довольно верно.

Коурт нашей вставки – у Никифора Коуратос, у Феоф. Кробатос.

Есперих у Феофана и Никифора Аспарук.

Тервель – у Феоф. и Ник. Тербелис.

Кормисош – у Феоф. Кормисиос.

Телец – у Феоф. Телетзес; у Никиф. Телезиос.

Оумор – Ник. Умарос».

(На этом мы выписку из Попова заканчиваем; отметим, что в оригинале числа лет даны буквами, мы заключили их для удобства чтения в скобки и крупными цифрами).

Нельзя не подчеркнуть, что дополнительные замечания Попова требуют поправки.

Прежде всего в выписке нет: «первый пришел на Дунай Есперих», как цитирует Попов, сказано: «и потом приде на страну Дуная Исперих князь». Из текста видно, что Исперих был далеко не первый на Дунае. Об его предшественниках сказано: «сии князь држаше княжение обону страну Дуная 515 лет остриженами главами». Количество лет и множественное число (главами) говорит о том, что речь идет не о предыдущем князе Безмере, а о всех пяти (что и указано цифрой), что все они связаны были с Дунаем.

Понимание слов «обону страну Дуная» может быть двоякое: во-первых, можно делить слово: «об ону» и понимать, как «по ту сторону Дуная», а во вторых, и это кажется нам естественнее, понимать, как «по обеим сторонам Дуная». Какое из объяснений правильно, сказать сейчас невозможно, надо поискать аналогичных выражений в других контекстах среди древних источников.

Во-вторых, имена князей, по Попову, «передаются довольно верно». Здесь всё поставлено с ног на голову: именно о византийских источниках следует сказать, что они передают имена «довольно верно», а не о вставке.

Совершенно очевидно, что настоящее имя князя было Телец, а не «Телетцес». Мы имеем все основания полагать, что имена князей именно во вставке гораздо ближе к настоящим именам, чем в византийских хрониках. Это видно уже из того, что всюду выдержана буква «в», отсутствующая вообще в греческом алфавите. Мы имеем: Авитохол, Тервель (а не «Тербелис»), Севар, Винех, Воккуль, Вихтунь и т. д.

Употребляются и шипящие, отсутствующие в греческом: Кормисош, Телец, текоучетем и т. д. Употреб-

ляются мягкий и твёрдый знаки, «ять» и т. д. Всё это ясно говорит, что автор вставки был гораздо ближе к настоящему произношению, чем византийские хроники.

Перейдем теперь к собственно анализу приведенной вставки. Прежде всего следует помнить, что вставка эта является только вставкой: автор ее читал Книгу Царств еврейского народа, естественно ему пришла в голову и история своего народа, в самом кратком виде он ее и написал, вернее приписал. Поэтому она чрезвычайно кратка и сжата. Эта памятка была доведена до времен Аспаруха (вторая половина 7-го века), позже другой читатель продолжил ее до времени Умора, вернее оборвал на этом времени. Эти заметки имели значение – «на полях», т. е., – случайные отметки читателей, но не больше.

Несмотря на всю сжатость и краткость, перед нами бесспорно список болгарских князей с древнейших времен и до конца 8-го века, хотя слово «болгарский» не употреблено ни разу. Однако, так как вторая часть списка представляет собой бесспорный список болгарских князей, то и первая не вызывает у нас никаких сомнений, тем более, что существуют дополнительные доказательства этого, с которыми мы ниже познакомимся.

Список этот приводит нас к весьма важным выводам: 1. Болгарское государство существовало задолго до Испериха (Аспаруха). Из списка видно, что до него перечислены еще пять князей, причем, что особенно важно, четверо из них принадлежали к тому же роду Дуло, что и сам Исперих и некоторые другие последующие князья. Значит мы имеем дело со старинной династией, а это показывает, что государственность была весьма древней.

2. Считать Испериха основателем Болгарии мы не имеем никакого основания, ибо его отец Курт или Куврат, он же Кробат, уже правил огромным государством, называвшимся «Великой Болгарией», и это государство сбросило с себя гнет аваров, более 60 лет заставлявших их жить вне родины, к северу от Дуная. Сбросив с себя гнет аваров, болгары вернулись на свои исконные земли к югу от Дуная. Естественно, что не

Куврат был создателем Болгарии, государство, по-видимому, существовало по крайней мере с 4-го века, но на его долю выпало сбросить иго аваров.

3. Выражение «потом пришел на страну Дуная Исперих» говорит совсем не то, что в нем увидели. Оно говорит только что, в момент смерти Куврата, Испериха, на Дунае не было, он очевидно княжил в какой-то части «Великой Болгарии» к северу от Дуная.

Поскольку после Куврата на Дунае был Безмер, лицо из того же рода, можно предполагать, что он был братом Куврата и по смерти его возглавил государство согласно правилу, по которому наследовали брат за братом, а не сын за отцом. Так как Куврат княжил очень долго, то Безмер вокняжился наверное уже в весьма зрелом возрасте и прокняжил всего несколько лет. После его смерти вокняжился Исперих, но он не захотел оставаться вне старой родины, а вернулся на Дунай. Поэтому переселение его было не завоеванием чужинца, а возвратом болгарского князя со своим народом на старые места. Поэтому-то никакой войны с местными жителями не было, приняли обратно своих, потеснились, и распределили роли: одни защищали проходы против византийцев, а другие против аваров.

Завоевание Испериха, появление каких-то чуждых славянам тюрков, – совершенный миф, полное непонимание и извращение истинных причин событий.

4. Замечание об Исперихе: «тожде и доселе» говорит, что первая часть записи была сделана при Исперихе. Продолжена она была уже значительно позже: через 7 княжений и оборвалась в момент начала междоусобиц, последний из упомянутых князей княжил всего 40 дней, что случилось, по-видимому, в 766 году.

5. В обоих списках мы видим постоянное употребление славянской титулатуры: всюду находим «князь», а не «хан» или «каган» и т. д. Антислависты в своем слепом упорстве не видят истины даже в надписях на камнях по-гречески: "Kanas... Omortag" или "Kanes Malomer". Они видят в этих словах искаженное «хан», «каган». Да, действительно слово начинается очень похоже: «К» и «Х» созвучны, но у слов этих есть и конец, именно звук «С» или «З». Значит слово кончалось на «с»! Чего ни

в слове «хан» или «каган» нет и в помине! Так как в греческом нет буквы «З», то писавший вынужден был употребить сходно звучащее «С».

6. Основной династией в древней Болгарии был род Дуло. Имя это почти наверняка славянского корня, ибо принадлежало главной и древнейшей династии славян, а самое имя славянского корня: дуло от дуть, шило от шить, било от бить и т. д.

Очень вероятно, что род Дуло следует сопоставить с именем славянского племени «дулебы». Как известно, и доселе в народе не спрашивают: кто ты? или кто вы?, а спрашивают: чей ты? или чьи вы? Если человек принадлежит к роду Дуло, он отвечал: дулев или (во множественном) дулевы. Отсюда с отвердением «в» в «б» получилось «дулебы».

Следует помнить, что согласно летописи дулебы жили по Днестру, следовательно недалеко от Дуная, были и иные славянские племена, носившие тоже имя и жившие в средней Европе. Кроме того дулебы засвидетельствованы историей и на землях Болгарии.

7. Имена князей списка явно славянские: Гостун, Безмер, Винех, Телец. Если в отношении других имен мы не можем быть столь уверены филологически, то указания на род Дуло, Вокиль и т. д. явно раскрывают принадлежность князей к славянству.

Относительно Тервель следует помнить, что имя Тервель распространено на Балканах до сих пор. Севар может быть с основанием сопоставлено с именем славянского племени «севера», которое отмечено древними источниками для Балкан.

Таким образом список князей болгар развеивает миф о неславянстве древних болгар бесследно: управлялись они князьями, а не ханами, основная династия был род Дуло, самые имена князей в большинстве случаев явно славянские, причем (мы особо подчеркиваем) это было и до, и после Испериха.

Перейдем теперь к цифровым, т. е. хронологическим данным, представляющим очень высокий интерес. Мы

будем придерживаться расшифровки букв в цифры принятой большинством.

Об Авитохоле сказано, что он «жит» 300 лет, Ирник 108, Гостун 2, Курт 60, Безмер 3. Далее о них сказано суммарно, что «эти 5 князей держали княжение.... 515 лет».

Никто до сих пор этого отрывка удовлетворительно не объяснил. Если мы сложим вместе приведенные выше цифры, мы 515 лет не получим, и данные автора вставки подвергаются большому сомнению вообще. А между тем он не допустил ошибки: причина неточности в переписчике. В сумме получается 473, не хватает 42 лет. Причину найти нетрудно: в годах Ирника употреблена буква «и», означающая 8, но эта буква пишется очень сходно с буквой «н», чему является свидетелем наша практика до сих пор. Буква «н» означала 50, подставляя ее, получаем точную цифру 515 и вместе с тем авторитет автора вставки восстанавливается.

Возможность такой описки подтверждается весьма неряшливой орфографией списка: пишется и «Доуло» и «Дуло», «ему» и «емоу», вместо «род» – «рад», путаются твердый и мягкий знак, пропускаются титла и т. д. По всему видно, что список переписывался не раз и в списке суммировались мелкие погрешности многих переписчиков.

Перейдем к анализу самих цифр. Бросается в глаза невероятная длительность княжения Авитохоло – 300 лет и Ирника – 150 лет (а также их округлость). Можно предположить, что составитель списка уподобляется библейским авторам, приписывавшим многим в прошлом жизнь в течение многих столетий.

По-видимому это не так. Во-первых, список весьма краток, охватывая всего 5 князей; во-вторых, суммарный срок княжения 3-х последних князей всего 65 лет, – значит всё это могло произойти на памяти одного-двух поколений и приписывание предыдущему князю 150 лет княжения означает сразу прыжок в область дикой фантазии, – это невероятно. Очевидно в тексте не то, что мы думаем.

Мы предлагаем иное толкование: автор списка указывает не длительность княжения первых князей, а срок княжения, эпоху его, именно Авитохол княжил приблизительно за 300 лет до Ирника (отсюда и округлость цифры), Ирник за 150 лет до Гостуна, Гостун за 2 года до Курта, Курт за 60 лет до Безмера и Безмер за 3 года до Испериха. В сумме они княжили 515 лет до Испериха; указана не сумма лет княжения перечисленных князей, а общая длительность княжения данного рода Дуло. Что это так – мы увидим подтверждения.

Почему же автор не перечислил всех князей? Во-первых, он просто всех их не знал; во-вторых, их было несомненно несколько десятков, а писал он не историю болгарских князей, а только маленькую вставку, поэтому он ограничился началом династии (Авитихол), серединой ее (Ирник), а затем привел уже точно и подробно князей своей, более близкой эпохи. Записывая появление Испериха из рода Дуло, автор напоминает об его глубокой древности. В его словах чувствуется национальная гордость: как ни как, а 515 лет княжения династии, что-то значит!

Значение слов «остриженами головами» можно угадать по аналогии: в древней Дакии, т.е., в области, где и в дальнейшем орудовали болгары, вожди стригли волосы на голове и носили головные уборы, простой же народ носил длинные волосы и головных уборов не употреблял. Очевидно стрижка головы была актом официальным, подобным коронованию. Этим самым автор списка подчеркивает, что княжение было законное, а не захватническое, что государственность у его народа существовала **за 515 лет до Испериха.**

Наша мысль находит себе, однако, не только логическое, но и фактическое подтверждение: из византийских источников мы узнаем, что аварский хан назначил в 582 году вождем болгар некоего Гостуна. Этот Гостун, согласно разбираемому списку болгарских князей, княжил всего два года, был из рода Ерми и назван не «князем», а «наместником». Через 2 года он был сменен Куртом из рода Дуло, вероятно Гостун княжил только до совершеннолетия Курта, княжившего потом очень долго.

Так как, согласно списку и нашему толкованию за 150 лет до Гостуна княжил Ирник, то мы должны найти в Болгарии какого-то князя Ирника приблизительно в 432 году (582–150). И действительно в 454 году. т. е. через год после смерти Аттилы, мы находим в истории двух сыновей его: Денгизика и Эрнака в Дакии и Бессарабии.

Надо принять во внимание, что до этого времени они не упоминались, ибо были перекрыты именем их отца, переворачивавшего всю историю тогдашней Европы, но это не значит, что их не существовало. Они всплыли на арену истории потому, что были наследниками Аттилы. Поэтому цифры 432 и 454 мы можем считать очень близкими, почти совпадающими, ведь автор списка дает цифру 150 лет наверно округло, а не точную. Наконец разница в 22 года может и наверно означает то, что Ирник 22 года или около этого княжил над болгарами до смерти Аттилы.

Сходство имен Ирника и Эрнака (имеются и другие варианты) весьма большое, в особенности, если принять во внимание, что список постоянно путает «е» и «и», например, пишет то «Есперих», то «Исперих»; следовательно форма «Ирнак» будет совершенно законная. Неудивительно поэтому, что многие исследователи, в том числе и Runciman в идентичности Ирнака и Эрнака не сомневаются.

Таким образом один из «мифических» князей списка нашелся: совпадает имя, время и место действия. Значит наше предположение, что в списке речь идет не о количестве лет княжения, а об относительном времени княжения (до Испериха) было правильным.

Итак, у нас есть сильное основание предполагать, что Ирник был сыном Аттилы или вторым упомянутым в списке болгарским князем. Почему же Аттила не вошел в список князей? Объясняется это очень просто: Аттила не был болгариним и не происходил из рода Дуло. Он управлял своей огромной империей через ставленников, в первую очередь через сыновей. Об Аттиле мы достоверно знаем, что он имел множество официальных жен.

В обычае того времени (это было позже и на Руси)

при победе над неким государством победитель завладевал всеми сокровищами его и очень часто женами и детьми побежденного. Очень часто случалось, что победитель женился на жене побежденного и тем самым подкреплял свою власть над побежденным народом. Сыновья побежденного становились пасынками и даже полноправными наследниками. Напомним также, что в те времена, даже римские императоры усыновляли своих дальних родственников или даже вовсе чужих юношей и те становились никем неоспариваемыми наследниками государства.

Тоже очевидно произошло с Ирником, будучи наследником престола в Болгарии из рода Дуло, он стал сыном или пасынком Аттилы, когда последний завоевал Болгарию. После смерти Аттилы Ирник являлся законным наследником Аттилы, по крайней мере в отношении болгарских земель.

Остается сказать еще несколько слов об Авитохоле. Некоторые исследователи видят в Авитохоле Аттилу и находят, что по значению это одно и то же, но на разных языках. Нам это допущение кажется неприемлемым потому, что список ясно говорит, что между Авитихолом и Иоником было 300 лет. Говоря об Ирнике, автор списка захватывает эпоху не далее 200 лет от Испериха, т. е. эпоху, о которой могла легко удержаться память. Авитохол же отделен промежутком в 300 лет. Почти наверное можно сказать, что автору списка Авитохол представлялся, как первым звеном династии князей из рода Дуло, о других он не знал подробностей, он знал только, что они были и княжили.

Таким образом первая часть списка является в значительной степени объясненной почти во всех отношениях. Переходим к Испериху и дальнейшей эпохе.

Сначала сообщается, что Исперих пришел на Дунай и княжит «доселе», затем сказано, что он княжил 61 год, следовательно запись произведена уже после его смерти, т. е. в самом начале 8-го века, причем он называется уже не «Исперих», а Есперих. Год смерти

Испериха историки считают 701-й, отняв 61, получаем 640-й год, первый год его княжения, но еще не на Дунае.

Произведем иной подсчет. Гостун был назначен наместником в 582 году и был таковым 2 года, за ним с 584 года княжил 60 лет Курт, т. е., до 644 года, за ним 3 года княжил Безмер, т. е. до 647 года, а затем уже был Исперих. Получается невязка почти в 8 лет. Нам думается, что причина лежит в том, что современные историки пользовались двумя источниками: болгарскими и византийскими, а они имели два разных исчисления, отличавшихся на 8 лет. Мы не пишем историю Болгарии, а потому предоставляем другим заняться уточнением.

Так как согласно списку Исперих начал княжить в 640 г., то отнявши 515, получаем 125 г., т. е. начало болгарской династии Дуло. Прав ли автор списка – мы не знаем, но игнорировать его указание мы не имеем права: перед нами исторический документ. Зная это утверждение, теперь следует искать либо подтверждений, либо опровержений, во всяком случае мы имеем прямое указание, что болгарское царство на Балканах было на столетия раньше появления завоевателей, так называемых болгар, по-видимому, тюрков, европейские же болгары были издревле славянами.

Мы не будем рассматривать подробно следующих за Исперихом князей, ибо не пишем историю Болгарии, отметим только, что данные списка довольно точно совпадают с тем, что мы имеем в истории Болгарии Златарского. Златарский также принимает существование неизвестного князя после Тервеля, имя которого случайно при переписке пропущено, приблизительно сходятся также и сроки княжений. Расхождения вполне понятны, ибо список считает княжения целыми годами, отбрасывая месяцы, а это в сумме может легко дать расхождения в несколько лет. Наконец и данные Златарского далеко не безупречны.

Отметим интересную деталь: о Кормисоше из рода Вокиль сказано, что он «измени род дулов, рекше вихтунь», значит род Дуло назывался иначе Вихтунь, а это может пригодиться в дальнейших изысканиях.

Из списка видно, что династия Вокиль или Укиль

состояла только из князей Кормисоша, Винеха и Умора, Телец был из рода Угаин, за Умором началось междоусобица. Здесь следует остановиться на одном интересном обстоятельстве. Список обрывается на Уморе, который княжил всего 40 дней. Совершенно ясно, что список князей составлен не в первый день после свержения Умора, когда никто еще толком не знал кто является новым князем. Было бы естественно, что список остановится на преемнике Умора и что о нем, как и об Исперихе, будет сказано: «тожде и доселе», т.е., который княжит и теперь. Почему этого нет и список обрывается?

Нам кажется, что автор списка не упомянул о преемнике Умора не потому, что он не знал, а потому, что это был не славянский князь, а автор составил список славянских князей.

И действительно после Умора был Токт, брат бывшего перед тем князя болгар Баяна (он же и Паган), но и об этом Баяне в списке нет ни слова. Так как излагаемые события были современны последнему автору и совершились на протяжении каких-нибудь 2-3 лет (а автор не пренебрегает упоминать даже события на протяжении 40 дней), ясно, что неупоминание Баяна и Токта вовсе не случайно и не является пропуском по ошибке. Наконец, кроме этих князей пропущен еще и Сабин, зять Кормисоша, Кормисоша же список упоминает. Почему эти 3 князя пропущены?

Рассмотрим последовательность событий. В 762 году болгары, недовольные военными неудачами Тельца, убили последнего и избрали князем *Сабина*, зятя Кормисоша (очевидно был и династический переворот). Об этом Сабине список однако молчит и можно догадаться почему: Сабин был женат на дочери Кормисоша, но к его роду и вероятно и племени не принадлежал.

Сабин немедленно отправился в Византию и заключил с ней мир. Условия очевидно совершенно неудовлетворили болгар и они восстали и против Сабина, заставив его бежать в Византию.

Князем был избран Баян, иначе называемый «Паган». Нам кажется, что второе имя просто кличка «Поганый», ука

зывающая, что он не был крещен. Баян – типичное аварское имя. Кстати отметим, что в некоторых первоисточниках мы встречаемся с именем какого-то племени – *ragani*, совершенно ясно, что это не имя, а кличка племени, еще не принявшего христианства.

Константин Багрянородный, напр., упоминает о крещенных и некрещенных хорватах, очевидно последние и могут подходить под кличку – *ragani* и т. д.

В 764 году Константин Копроним заключил с Баяном мир, но об этом князе (Баяне) список князей не говорит ни слова, в этом же году греки напали на болгар. Подробности событий неизвестны, всплывает на арену только Умор, прокняживший 40 дней. Затем выбран был Токт.

Уже самые имена: Сабин, Баян, Токт не звучат на славянский лад, по-видимому все они принадлежали к какому-то неславянскому племени, входившему в состав Болгарии, либо племени, резко отличному от того, которое поставляло в течение столетий князей для болгар. Автор списка игнорирует всех этих князей, ибо они не славяне.

Это умолчание говорит в пользу того, что список носил явно национальный и притом славянский характер, кроме того, можно предполагать, что и в других местах списка могут быть пропуски, имеющие ту же причину.

Что в переворотах со времени Винеха впутаны и какие-то межплеменные отношения в Болгарии, видно из того, что именно в эпоху Тельца ряд безусловно славянских племен, не желая принимать участия в войнах против Византии (очевидно пограничные с ней), порвали с остальными болгарами, ушли со своих земель, перешли на сторону Византии и в количестве 208.000 человек переселились в Малую Азию, именно в Вифинию. Поселены они были Византией на реке Артана и у гор. Артане; отсюда и пошла так называемая «Артанская Русь» арабских источников.

Были ли это «южные» или «восточные» славяне – сказать трудно. Во всяком случае мы знаем, что племя «севера» считается племенем восточных славян, а между тем присутствие его в древности к югу от Дуная совершенно твердо установлено, поэтому спор об узкопле-

менной принадлежности «артанцев» мы считаем спором о словах, – артанцы были славянами и вместе с тем, согласно терминологии арабов, и руссами.

Следует отметить, что многовековое княжение рода Дуло могло состояться и под игом более сильных завоевателей: весьма часто завоеванная страна удерживала свою династию, свои обычаи, законы и только дань шла завоевателю, кроме того, в случае войны, завоеванные оказывали победителю военную помощь. Поэтому двойственность власти своей и чужеродной – явление в древности весьма нередкое, даже являющееся правилом, это избавляло победителя от хлопот с побежденным народом: он получал дань и помощь в случае войны, а больше ему ничего не было нужно.

Побежденный же сохранял свой быт и зависимость была только экономической, когда же победитель женился на жене бывшего вождя побежденных, то это означало для побежденных почетный мир, а для победителя более надежную власть над побежденным. Повидимому в случае с Атиллой так и было.

Переходим теперь к самой загадочной части списка древних болгарских князей. По этому поводу было написано очень много, но можно сказать с полной уверенностью, что несмотря на то, что было употреблено много труда и невероятной изобретательности, вопрос совершенно не решен.

Мы не будем останавливаться на критике множества разных высказанных предположений, отметим одно: все они показали не только частную несостоятельность, но и вообще несостоятельность метода историков в целом.

Именно: предлагали множество решений, но ни один автор не потрудился вставить свой текст в текст списка князей и доказать, что его решение правильно. **Все решения вовсе не разъясняют текста списка.** При подставке решений никакой логики или смысла не получается, всё оказывается только горами ненужной исписанной бумаги. Нам тоже не удалось найти полного решения, но

наиденное нами настолько разъясняет вопрос, что невыясненным является только деталь, неимеющая особо важного значения. Обратимся к анализу.

В отношении каждого князя имеется своего рода четырехчленная формула: 1, имя князя, 2, относительное время его княжения, 3, имя рода, к которому он принадлежал и 4, совершенно загадочное сообщение: «а лет ему»... и далее несколько слов славянскими буквами, но на неизвестном языке.

"В этих словах усмотрели слова тюркского языка и решили, что древние болгары или протоболгары были тюрками, – вывод совершенно ложный, ибо прежде всего **список написан на славянском языке** и только 26 слов принадлежат неизвестному языку (в подробностях мы разберемся далее).

Слова из неизвестного языка видны из следующей таблички:

Авитохол – «а лет ему дилом твирем».

Ирник – «а лет ему дилом твирем».

Гостун – «а лет ему дохе твирем».

Курт – «а лет ему шегор вечемь».

Безмер – «а лет ему шегор вечемь».

Исперих – «а лет ему версии алем».

Тервель – «а лет ему текучетемь твиремь».

(Н (неизвестный) – «а лет ему дванш ехтемь».

Севар – «а лет ему тохал, том».

Кормисош – «а лет ему шегор твиримь».

Винех – «ему имя шегор" алем» (в начале что-то пропущено).

Телец. – «а лет ему сомор алтем».

Умор – «а ему дилом тутом» (слово «лет» очевидно пропущено).

Из контекста ясно, что третий пункт этой четырехчленной характеристики князей касается времени: всюду сказано – «а лет ему»... и дальше слова чужого языка. Допустим, как это предполагают, что речь идет о каком-то особом летоисчислении.

Из истории мы знаем, что у славян существовали обозначения месяцев, вместе с тем мы встречаем даже в самых древних летописях латинские названия месяцев: январь, февраль и т. д. Означает ли употребление -их,

что древние славяне были римлянами? Конечно, такой глупости никто не скажет, а вот в отношении разбираемого списка подобный вывод делают: достаточно найти в славянском тексте две дюжины чужих слов, и древних славян-болгар начинают считать тюрками! Вывод же совсем другой: с древних времен и по крайней мере до конца 8-го века у болгар-славян было принято какое-то чужое летоисчисление.

В первые века нашей эры болгары, не будучи еще христианами, естественно пользовались каким-то особым летоисчислением, ибо не могли они существовать вообще без летоисчисления. Естественно приходит мысль, что они могли пользоваться летоисчислением народа, который жил там в то время и был весьма культурным, именно гетов, ведь древние греки сами говорили, что геты были древнейшим народом и мало чем отличались от греков. Но об этом никто не подумал и вопроса в этом направлении не изучил. Предпочли искать значения слов у тюрских народов, предполагая, что болгары, основавшие свое государство (так принимает официальная история) в 679 году, передали покоренным им славянам свое летоисчисление. Значит до 679 года местные славяне жили вообще без летоисчисления! Словом, нелепица полная.

Вернемся, однако, к нашей табличке. Кроме данных разбираемого списка мы имеем еще чаталарскую надпись: основание Преслава Омортагом (815-831) было обозначено 15-м индиктом, т. е., сентябрем 821 – сентябрем 822 г. по греческому счету и, согласно надписи, дополнительным указанием – «сигорелем». т. е. вероятно – «шегор алем» (надпись была греческими буквами). Значит еще в 9-м веке в Болгарии пользовались не только греческим летоисчислением, но и каким-то другим, столь обычным, что его приводили в официальных надписях. Но было ли оно тюркским и что оно значило – вот вопрос!

Вероятно, к той же особой системе летоисчисления относится упоминание в 10-м веке Тудором Доксовым термина «етх бехти». Он принимал рождение Христа в 5505 году от сотворения мира, болгарскую эру он начинал с 6185 г., т. е. с 680 года. Христианизация Болгарии

падала на 6376 и 6377 гг. и этот момент Доксов называл «етх бехти».

Вот пока все исторические данные, которые имеются в отношении неизвестного летоисчисления. Некоторые исследователи убеждают нас, что система летоисчисления была по циклам в 12 лет и что загадочные слова означают год и месяц цикла. Напомним, что греки вели счет по индиктам, т. е., по циклам в 15 лет. Зная исходный пункт счета, номер индикта и год, можно было точно исчислять время, напр. 3-й год 8-го индикта ($15 \times 8 = 120 + 3$), т. е. 123-й год от начала исчисления. Тут всё понятно. Если указан только индикт, значит счет ведется с точностью до 15 лет.

Обратимся к тому, что говорят комментаторы, принимающие, что неизвестная система основывалась на циклах по 12 лет. Сомор, якобы, означал 1-й год цикла, шегор – 2-й, бери – 3-й, дванш – 4-й, дилом – 6-й, тох – 10-й, етх – 11-й, докс-12-й (5-й, 7-й, 8-й и 9-й остаются неизвестными).

Месяцы, якобы были следующие: алем – 1-й, вчем – 2-й, тутом – 4-й, алтом – 6-й, ехтем – 8-й, твирем – 9-й; бехти (Тудора Доксова) принято за 5-й месяц (названия 3-го, 7-го, 10-го, 11-го и 12-го месяцев неизвестны). Мы не будем входить в критику деталей (пустая трата времени), отметим только, что «текучим» никак не могли объяснить из тюркских корней, ибо слово, по-видимому, славянское, поэтому приняли, что оно в сокращенном виде обозначается – «етх»! Дальше идти в безответственной фантазии кажется некуда.

Если бы комментаторы приняли, что один ряд названий обозначает номер цикла, а второй ряд номер года цикла, то это можно было бы принять просто из логических соображений. На деле же они показывают год и месяц цикла. Это похоже на то, что указать номер дома и номер квартиры, а названия улицы не указать.

Наталкиваемся мы и на другие трудности:

1. как мог автор списка указывать год цикла и месяц для такой отдаленной эпохи, как эпоха Авитохолы и Ирника? Ведь даже годы их он дает округленно: 300 и 150. Годов точно он не знает, а месяц и год цикла знает! Кроме

того, даже много столетий спустя греческие хронисты пренебрегали не только месяцами, а даже годами, описывая события по очень скудной хронологии. Как же могли болгары исчислять время своих князей с точностью до месяцев, когда еще значительно позже и более культурные греки до этой точности не доходили?

2. Совершенно не доказано существование этого летоисчисления во времена Авитохоло, т. е., за 631 год до момента написания списка. И нужно помнить, что болгары-тюрки согласно официальной истории, принимаемой всеми комментаторами, на Балканы явились столетиями позже.

3. В высокой степени невероятно, чтобы автор-славянин, считавший княжения годами или за столько-то лет до, с приходом болгар-тюрков начал отсчитывать циклы назад в отношении своих славянских князей, не давая при этом ни номера цикла, ни исходной точки циклов.

4. Никто не объяснил и не заметил, что об Авитохоле и Ирнике сказано одно и то же: «дилом твирем», о Курте и Безмере сказано: «шегор вечем». Заметим, что эти совпадения парные, т. е. у рядом упомянутых князей. Если неизвестные слова означают какую-то форму времени, то это понятно, но хронологическое совпадение таких пар чрезвычайно невероятно.

5. Филологические изыскания (они занимают десятки страниц и их мы не в состоянии разбирать подробно) настолько натянуты, нелогичны и подчас граничат с шарлатанством, что мы их не принимаем во внимание. Без возмущения многие страницы просто читать невозможно.

Поэтому мы считаем, что «лучше признать свое невежество, чем хвалиться ложью» (Татищев).

Отнюдь не беря на себя решение филологической стороны вопроса, мы считаем, что полезно будет принять во внимание следующее:

1) На 26 неизвестных слов приходится 17 слов с окончанием на «ом» или «ем», окончание, сколько нам известно, вовсе не подходящее к тюркскому языку, а между тем оно соответствует окончанию творительного падежа у славян, следовательно в именительном падеже

будем иметь: дило, вече, твир, слова весьма похожие на славянские.

2) Упомянутые окончания находятся в согласовании друг с другом, напр., «диллом тутом», «текучим твирем», «диллом твирем», – особенность также чуждая тюркским языкам.

3) Слово «текучим» не удалось разъяснить из тюркских корней, а между тем оно очень просто объясняется, как славянское «текущем», и очевидно не лишено значения то, что сказано оно о Тервеле, который был за Исперихом. Поскольку сказано, что Исперих княжил 61 год, ясно, что писалось это уже после его смерти, «текучим» был Тервель.

Мы отнюдь не собираемся истолковывать «загадочные» слова из славянского языка, но несоответствие их тюркскому очевидно.

Оставим, однако, филологию, не она важна, – важна логика. Спрашивается: что собственно выражают эти слова на любом языке? Длительность княжения каждого князя дана после его имени, далее в отношении времени может быть только два вопроса: как долго князь жил и в какое именно время. Если длительность княжения показана по-славянски, нет никакого основания для указания его возраста в терминах чужого языка. Остается принимаемое всеми положение, что загадочными словами указана хронология, эпоха княжения.

За это говорит и чаталарская надпись. Однако анализ, данных заставляет нас отбросить такое объяснение: мы видим, что Авитохол'и.Ирник, "отделенные друг от друга столетиями, одинаково: «диллом твирем». Курт и Безмер одинаково «шегор вечем», значит дело не в хронологии и эпохе.

Из затруднения пытаются выйти тем, что видят в словах только указания на год цикла и месяц, в этом случае указанные выше совпадения становятся понятными. Зато они невероятны и по своей точности для древнейших времен, и по отсутствию указаний на номер цикла. Ведь год и месяц ничего не дают, если не указано столетие или вообще более крупная единица времени.

Наконец, слишком часто повторяются одни и те же слова для 13 случаев: твирем повторяется 5 раз, шегор 4 раза, дилом 3 раза, алем 2 раза. Особенно же имеет значение то, что об Уморе, княжившем только 40 дней, указан и год. А между тем автор списка не сказал о нем: «а лет ему», слово «лет» пропущено, ибо княжил Умор только 40 дней. Значит первый член двойной формулы – «диллом тутом» вовсе не год, а что-то другое,-и. это другое касается всех прочих князей.

Значит принимаемое всеми объяснение неверно, загадочные слова означают что-то другое. Мы считаем, что ни одно из опубликованных объяснений задачи не решило, и мы предпочитаем принимать это во внимание, чем тешить себя ложной уверенностью, что проблема уже решена. Поэтому достойно сожаления, что Златарский, много занимавшийся историей Болгарии и являющийся авторитетом в этой области, принял некоторые искусственные объяснения и включил вытекающие данные в официальную историю Болгарии. Этим самым он дал основание думать, что приведенные им цифры твердо установлены, на самом деле хронология Болгарии нуждается в полном переисследовании.

Мы высказывали свои критические замечания до сих пор в общей форме, не останавливаясь на деталях и на отдельных авторах, и нас могут упрекнуть в голословности наших утверждений. Чтобы отклонить этот упрек, рассмотрим работу, которая представляет собой интерес в двух отношениях: во-первых, она относительно нова и подитоживает результаты исследований многих, занимавшихся этим вопросом, во-вторых, это специальная книга, где всё разобрано с достаточной полнотой. Это книга: Omeljan Pritsak. 1955. Die Bulgarische Fuerstenliste und die Sprache der Protobulgaren. 1-102, 2 Tab. Wiesbaden. Otto Harrassowitz.

Это солидная работа с полным аппаратом научного исследования: здесь и цитаты китайских, арабских, греческих, латинских и т. д. авторов в оригинале и полная

библиография вопроса, и скрупулёзнейший филологический анализ, словом, работа по видимости образцовая.

Однако, если мы внимательно ее рассмотрим, мы увидим, что главной своей задачи эта работа не выполнила, проблема загадочных слов в списке ею не решена. Не решена потому, что Прицак не замечает огромных промахов, легших в основу его построений и, главное, она стремится всеми путями, правильными и ложными доказать то, что заранее было уже принято Прицаком, т. е. научно совершенно необъективна.

Мы отмечали, что каждый князь имеет характеристику по четырехчленной формуле. Характеристика Тервеля дана дважды (неодинаковая). Достаточно элементарной сообразительности, чтобы понять, что вторая характеристика Тервеля на самом деле относится к другому князю, имя которого пропущено. Это было давно уже замечено, напр., Златарским, которого Прицак отлично знает, но это не мешает Прицаку разделить выражение «текучетомь твирем» на два: «текучетомь» он считает концом характеристики Тервеля, «твирем» именем князя!

Это, конечно, не так: 1) слово «твирем» мы встречаем в списке 5 раз, если бы слово «твирем» означало личное имя, оно не могло встретиться 5 раз на 13 имен, 2) если «твирем» это личное имя, то ведь 4 раза оно этого значения не имеет! 3) во всех пяти случаях мы встречаем слово «твирем» не изолированно и самостоятельно, а обязательно с **предшествующим словом**, что показывает, что оно входит в какую-то смысловую комбинацию и притом в конце фразы, – это совершенно не подходит к личному имени, 4) никакого собственного имени Твирем ни история, ни филология не знает (но это не волнует Прицака), 5) наконец, если Твирем это имя, то, согласно объяснениям Прицака, это означает «девятый»; сколько нам известно ни на одном языке мира нет имени с таким значением. Есть и другие возражения, но и этих достаточно. В своем неосновательном увлечении урало-алтайской теорией происхождения болгар Прицак совершенно отошел от человеческой или европейской логики, а принял урало-алтайскую.

Далее видно, что Прицак добросовестно относится только к тем фактам, **которые ему нравятся**, в отношении других он от этого уклоняется. Вот, например, в одном списке сказано, что Ирник «жит» 108, а в другом – 150 лет, – Прицак ни словом не обмолвился почему он принимает цифру 150, а не 108. Как он обращается с оригиналом, видно из следующего: о Тервеле сказано: «текучетом твирем», о неизвестном сказано «дванш эхтемь», на стр. 76 у Прицака мы находим: Тервель – «дванш " эхтем-ь», " Твирем – «текучетомь». Характеристики **переставлены**, но об основании для этого не сказано ни слова.

Далее Тервель, согласно оригиналу, княжил 21 год, Прицак «исправляет» на 28; о Севаре в обоих списках сказано, что он княжил 15 лет, у Прицака сказано 17 и ни словом не объяснено почему; об Неизвестном сказано, что он княжил 28 лет, Прицак исправляет на 2 года.

Вот как Прицак переводит: в оригинале сказано: «и потом приде на страну Дуная Исперих князь», Прицак переводит: "danach kam auf diëse Seite der Donau Isperich - Fuerst". Спрашивается: откуда взялось это слово «diëse», **в оригинале его нет**. Из этих примеров видно, что Прицак позволяет себе маленькое научное шарлатанство, а при таком методе истины добиться нельзя.

Прицак интересуется исключительно филологической стороной вопроса, его занимают только, «загадочные» слова и ничего больше, а между тем именно в остальном тексте заключается настоящая разгадка. «загадочных» слов, Ведь загадочные слова только незначительное дополнение к основному тексту.

Далее: если производить анализ с урало-алтайской точки зрения, то почему не произвести его и со славянской точки зрения? Ведь источник написан **по-славянски и касается славян**. Если из двух дюжин неизвестных слов пытаются найти доказательства, что протоболгары были не славяне, то почему эти протоболгары носят славянские имена (Телец, Безмер, Гостун)?

Об этом Прицак не подумал и анализа в отношении славянства имен не только не произвел, но даже не коснулся этого вопроса. Почему? А. потому, что вопрос для

него, уже был **заранее решен!** Это тем более странно, что Прицак, судя по его имени и фамилии по-видимому славянин и мог бы со своим знанием славянского языка внести больше ясности в вопрос.

Вообще методологическая слабость Прицака бросается в глаза на каждом шагу, так например он многое связывает с толкованием слова "bereni", но ведь в оригинале стоит не «берени», а «верени»; если бы оригинал был написан по-гречески, где нет звука «в», то еще допустимо было бы **предположение** только, что произошла замена двух близких звуков; но в славянском языке есть и «б», есть и «в», значит следует принимать оригинал как он есть, изменение же оригинала – это просто произвол.

Не замечает Прицак и внутренней нелогичности своего понимания: если княжество протоболгар было по ту сторону Дуная, то значит по сю сторону Дуная была уже не Болгария, и Прицак поэтому и считает, что Исперих первый из Болгар появился к югу от Дуная.

На деле же мы видим (см. наши данные, опубликованные в первом выпуске нашей работы (Пересмотр), а также на 63-й странице у Прицака), что Болгария издавна была и к югу, и к северу от Дуная; с Исперихом центр тяжести государственности перенесся окончательно на юг от Дуная. Кроме того, Прицак и не догадывается, что болгары были разные: вост-болгары славяне, ост-болгары возможно тюрки.

Перейдем к окончательным выводам:

1. Список болгарских князей, найденный Поповым, имеется в трех списках и является документом, в аутентичности которого никто не сомневается. Это нечто вроде зачаточной болгарской летописи, хотя и в чрезвычайно сжатой форме, ибо написана она в виде дополнительной заметки на пустом месте рукописи, посвященной совсем другой теме.

2. Список составлен двумя лицами. Одна часть была кончена при жизни Испериха и охватывала 5 князей, другая была написана лет 70 спустя, во время междуцар-

ствия после Умора и охватывала 8 князей (имя одного было пропущено случайно дальнейшими переписчиками).

3. Список в целом охватывает историю Болгарии приблизительно с 125 г. нашей эры и до 764 г., подчеркивая преемственность в княжении рода Дуло почти в 600 лет. Таким образом государственность Болгарии существовала лет на 600 ранее, чем это до сих пор принимают.

4. Список доказывает славянство болгар издревле: а) список написан на старославянском языке, б) всюду титулатура «князь», а не «хан» или «каган», в) имена князей славянские (теже князья-неславяне, которые случалось княжили в междоцарствия, пропущены), г) имена родов – династий также славянские, д) всюду проведена мысль о национальном, именно славянском единстве от родоначальника до последнего потомка его, захваченного списком.

5. Устанавливается, что с начала 2-го века на Балканах, к югу от Дуная главным образом существовало славянское племя с постоянной государственностью, которое в дальнейшем называлось болгарами.

6. Автор списка был несомненно славянин: он всюду употреблял букву «в», отсутствующую в греческом, шипящие (ж, ч, ш), твердый и мягкий знаки, ять и т. д., т. е. начертания, передающие наиболее близко настоящую фонетику древнего славянского языка. Наконец, во фразе, что князья княжили 515 лет «остриженами голо вами» явно звучит национальная гордость.

7. Неизвестные, нерасшифрованные слова вовсе не означают, что древние славяне, протоболгары говорили на языке этих слов, они означают, что древние славяне на Балканах пользовались летоисчислением какого-то чужого народа и употребляли его терминологию.

8. Ни одна из предложенных расшифровок слов загадочного языка не может считаться удовлетворительной, ибо, будучи подставленными в славянский текст смысла не дают.

9. Расшифровка загадочных слов, принятая Златарским, не удовлетворяет нас ни с филологической, ни с исторической, ни с логической точек зрения (для рассмот-

рения этого у нас не было места). Конъектуры настолько многочисленны, путаны, сомнительны и противоречивы, что хронологические выводы, сделанные Златарским, безусловно сомнительны. Хронология Болгарии в затронутом отрезке времени должна быть основательно пересмотрена.

10. Принадлежность загадочных слов к языкам урало-алтайской группы не является доказанной, ибо часто основывается на явных натяжках (вроде натяжки со словом «берени»). Совершенно очевидно, что если существовало у народов урало-алтайской группы какое-то особое летоисчисление, то следы его должны были сохраниться до сих пор или по крайней мере в древних памятниках. Этого вовсе нет.

11. Наш разбор установил, что загадочные слова списка имеют совершенно второстепенное значение в проблеме славян-протоболгар, которые всегда на памяти истории сидели на Балканах.

12. Существовали еще протоболгары – неславяне (случайное сходство названий), которые, возможно, и принадлежали к урало-алтайской группе, но они сыграли вовсе не ту роль, которую им приписали. В западном Причерноморьи они появились сравнительно поздно, когда славяне-протоболгары давно уже там пребывали и имели свою государственность. Когда временно (60 лет) авары угнали славян-протоболгар силой на северный берег Дуная, обе ветви так называемых протоболгар (славян и неславян) столкнулись, а после разгрома аваров возможно, вернулись на южный берег Дуная. Но прослойка протоболгар была настолько незначительна, что славяне бесследно поглотили их.

Исперих был славянин и пришел **вновь** со славянами не как завоеватель-чужак, а как вернувшийся назад абориген, совместно с ним пришли, возможно и неславяне.

13. Нам удалось найти путь, как понимать, что 5 князей болгар княжили 515 лет: автор списка указывал не сколько лет данный князь княжил, а за сколько лет до последующих. При этом понимании цифры, указанные в списке совершенно точно совпадают.

14. Филологическая расшифровка загадочных слов

нам. не удалась, ибо мы показали, что того принципиального значения, которое им придавали, они не заслуживают. Расшифровка может только очень помочь при хронологических уточнениях.

О ТИТУЛЕ «ХАН» У БОЛГАР

Не имея положительных, безупречных данных, что болгары на Балканах были пришлым народом с Волги или во всяком случае с востока, сторонники этой гипотезы ищут подтверждения, что болгары были во всяком случае не славяне, в том, что они называли своих вождей «хаканами», «каганами» или «ханами», что было обычно именно у восточных кочевников.

Этот довод не имеет под собой решительно никаких оснований, наоборот, мы можем утверждать, что болгары-славяне на Балканах с глубокой древности называли своих вождей «кнези».

За это говорят прежде всего данные эпиграфики (см. Известия Русск. Археолог. Института в Константинополе, том 10-й, стр. 191, 1905, София); на памятниках мы находим следующие надписи по-гречески: "Kanas... Omortag" или "Kanes Malamer".

Совершенно очевидно, что не имея своего письма, славяне прибегали к греческому, чтобы сделать надгробные или памятные надписи. Писал ли эти надписи грек или славянин, знавший греческий язык, сказать трудно, но скорее всего это был грек. Это видно из типичного

искажения, допускаемого иностранцами, для которых некоторые сочетания согласных в славянских словах неприемлемы. Поэтому они писали вместо «knes» (что было самым близким при пользовании греческим алфавитом) — «kanas» или «kanes», т. е. непременно вставляли гласную между двумя согласными. Они же писали вместо «kvas» — «kavas», вместо «Mstislav» — «Mistislav» и т. д. Так как имена Маламера и Омортага не внушают никакого сомнения в их славянстве уже по историческим данным, то сочетания «князь Маламер» или «князь Омор-таг» являются бесспорно славянскими, учитывая, конечно, что в греческом алфавите нет мягкого знака, поэтому точного фонетического написания слова «князь» и ожидать было нельзя.

Некоторые в своем упорстве видеть всюду ханов усматривают в слове «kanas» нечто вроде — «ханас», т. е. вариант от «хан», «хакан», «каган» и т. д. Они совершенно забывают, что во всех надписях мы встречаем начальное «к», а не «х», а главное, что на конце имеется звук либо «с», либо «з», который во всех вариантах слова «хан» начисто отсутствует. Если бы говорили — «ханас», «каганас» или «хаканас», то такое предположение было бы оправдано, но этого нет. Значит звук «с» или «з» есть основной звук слова, а не суффикс. Звук же «з» есть основной звук слова «князь».

Далее: из известного списка болгарских князей, опубликованного Поповым, видно, что болгары еще до Аспаруха (Испериха) (679 г.) называли своих вождей **не** ханами, а князьями. В этом древнем источнике слово «хан» не встречается ни разу, употребляется только «князь», и этому нечего удивляться: слово «князь» — древнее, общеславянское. Мы лично склонны производить его от слова «комонь», употреблявшегося в древности вместо «конь». «Комоняг» или «коняг» (более сокращенно), — тот, кто на коне, руководитель. Во множественном — «конязи», «князи» и т. д. Германское «коннунг» вероятно одного корня. Надо помнить, что хотя изстари и повелось всё на Руси считать происшедшим от германцев, на самом деле еще в начале нашей эры славяне господствовали в средней Европе хотя бы

количественно. Это обстоятельство обуславливало то, что даже будучи покоренными, они внесли в язык победителей много своих корней.

Наконец, мы имеем прямое свидетельство: de Boog, издатель сочинений Феофана ((Theophanes), пишет, ссылаясь на стр. 586 Феофана, что болгары никогда не употребляли титула «каган», как это делали авары в отношении своих вождей.

Таким образом мы имеем три доказательства того, что древние болгары употребляли слово «князь», а не «хан»: 1) данные эпиграфики, 2) данные списка древних болгарских князей, 3) прямое указание древнего историка (Феофана).

Следует, однако, отметить, что возможность употребления древними болгарами слова «каган» или «хакан» вовсе не исключена, однако, это будет отражать только специфику титулатуры.

Дело в том, что титулатура вещь не совсем постоянная и не столь простая, как кажется. Римский император Август настолько прославился, что его именем стали называть не только вождей в Риме, но и вне Рима, его имя стало титулом. Титул «августейший» дожил у нас до падения дома Романовых.

Тоже самое касается Юлия Цезаря, имя которого тоже стало титулом, от него же происходит и русское слово «царь» (сокращенное «кесарь» или «цезарь»).

Карл Великий также передал свое имя в титулатуру: славянское слово «король», «краль» происходит от «Карол».

Так как славяне жили, а иногда и подчинялись народам, властелин которых назывался «каган», то и это слово употреблялось в особо торжественных случаях в титулатуре славянских князей, например, в «Слове о законе и благодати» митр. Илариона.

Известно, что титул «император» начал употребляться у нас с Петра I-го, но это вовсе не значит, что русские стали или были римлянами. Так и слово «каган» было чужим словом, заимствованным только для особо торжественных случаев.

Заговоривши о титулатуре, рассмотрим еще один пример. Как известно, болгарский князь Тервель за

услуги по восстановлению имп. Юстиниана 2-го на престоле был провозглашен «кесарем». В официальных документах Византии он с этого времени стал называться «канасивиги», что некоторые переводят термином «великий князь».

Совершенно очевидно, что титул этот вовсе не греческий (слово не греческое и стало употребляться только в приложении к болгарским князьям), а стал употребляться для подчеркивания особого уважения к нему, именно на его родном языке, для греков же он стал «кайсар».

Некоторые думают, что это титул какого-то тюркского народа и видят в этом доказательство того, что протоболгары были тюрки. Но, во-первых, этот термин у других тюрков не встречается, а во-вторых, за всю длинную историю болгар он встретился только для этого, весьма узкого отрезка времени, а в третьих, он отлично объясняется из славянских корней, ибо касается **славянского князя**.

А. Л. Погодин (История Болгарии, 1910, стр. 3) дает несколько иную фонетику, взятую также с греческого: «В 706 г. Тервель вернулся в Болгарию, нося титул «великого князя» (kanas ubege), как его называют источники в греческой транскрипции».

Таким образом мы имеем два варианта: «канасивиги» и «канасубеге», возможны и иные близкие варианты в зависимости от того как произносить греческое «ю». Имеется, оказывается, также надпись, говорящая «о вельможе (хане убеге, ср. тюрк, хан ибег), который потонул во время какого-то похода в Днепре» (А. Л. Погодин, стр. 14). В другой надписи Омортаг назван «kanas uebigi». Вообще же болгарские князья в обычной византийской переписке назывались: «archon», «kaisar» или «basilevs».

Мы полагаем, что этот титул расшифровывается просто: «князь» и «бег», т. е. бек, он отражал двуплеменность государства, которым владел Тервель.

Вспомним титул последнего царя: «...царь Польский, великий князь Финляндский» и т. д. Так как в состав княжества входила и группа вероятно тюрков, вовлеченная в совместное сожительство со славянами, то титул Тервеля отражал действительность: он был князь славян

(преимущественно) и бек тюрков, которые с течением времени были совершенно ассимилированы славянами. Мы не считаем такое объяснение окончательным, но гораздо более вероятным, чем все до сих пор предложенные.

НАРОДЫ ПРИАДРИАТИКИ В ПРОШЛОМ

История народов Приадриатики не написана – не написана по той причине, что Рим и Византия настолько доминировали в этой области, что всё основное внимание было направлено исключительно на события, связанные с упомянутыми государствами. Остальные же народы Приадриатики играли второ- и даже третьестепенную роль, о них мы находим только разбросанные по сотням источников отдельные сведения, но сводок по их истории нет.

То, что называют, например, «Историей Югославии» или «Историей Албании» и т. д., являются только отрезками истинной истории, начинаемой обычно с 6-го века или с чего-нибудь в этом роде, о корнях же истории этих стран не говорится ничего или очень мало, туманно и неопределенно.

Эта неопределенность объясняется не отсутствием материала в истории, а отсутствием интереса к истинному прошлому. Разбираются только те отрезки времени, о которых сохранились связные отрывки, о первоначальных же умалчивают, так как они представлены только фрагментами и, чтобы получить историю, воссоздать ее,

надо еще очень много поработать. Истории народов, прилегающих к Адриатике, оказываются без фундамента, их основные черты искажены, верная линия их развития не прослежена.

В результате этого не только части историй некоторых народов как бы утеряны, но и целые истории некоторых народов совершенно отсутствуют; народы, были, но откуда они, куда они ушли и как — остается неизвестным, они прошли через арену истории, как какие-то фантомы, бестелесные духи. Такое представление, конечно, ошибочно: все народы вложили какую-то свою часть в общую историю и забывать их, — значит исказить историю.

Мы не имеем возможности написать «истории», мы задались целью найти только основные линии развития народов в указанной области, главным образом народов, о которых сказано мало, о больших же будем говорить только попутно, ибо о них сказано достаточно. Все подробности мы, естественно охватить не могли, мы показали только направление исследования.

Чтобы сделать эти вступительные замечания более конкретными, мы покажем несколько примеров, что нами получено.

Мы нашли, что Македония Александра Македонского не исчезла с лица земли с ее народом, языком, бытом и т. д., как это казалось до сих пор, — это теперешняя Албания. Мы разделяем судьбы двух народов, населявших «Македонию»: так сказать «Албано-Македонию», корня безусловно неславянского (но индо-европейского) и «Славо-Македонию», издревле еще до Александра славянскую. Совершенно очевидно, что при таком положении история Приадриатики получает совсем иной вид.

Еще больше изменяется; она оттого, что мы понимаем совсем иначе историю Иллирии: мы принимаем и доказываем, что эта область в основном всегда была славянской, что никакого особого «иллирийского» языка, с особой грамматикой, лексикой и т. д. не было, если что и осталось, то относящееся к незначительной части древней «Иллирии», основным же населением ее еще до нашей эры были здесь славяне. Славяне пришли сюда еще в доисторические времена (а не в 6-м веке),

живут там, где жили их предки, и некоторые еще доселе называют себя «иллирийцами». Мы избавляемся таким образом от нелепейшей господствующей теории о том, что в 6-м веке появились в одно мгновение (как Афина из головы Зевса) бесчисленные орды славян, затопившие все Балканы (и до прихода сюда этих славян на Балканах было достаточно своих собственных).

Наконец, мы покажем, что область венетов (энетов, генетов глубочайшей древности) была изревле славянской и только значительно позже оказалась романизированной.

Так как связной истории стран Приадриатики нет, — необходимо ознакомиться с некоторыми отдельными историческими фактами или отрывками истории, а затем создать из них уже более связное целое.

Чтобы внести в материал некоторый порядок, возьмем в основу изложение «Истории Югославии», том 1-й, Акад. Наук, 1963 и будем его цитировать, вставляя дополнительные данные и под критическим углом зрения. Отрывок о предистории начинается так: «Между 1800-1100 гг. до н.э. на территории Югославии наступает эпоха бронзы, которой предшествовал кратковременный период от камня к металлу — энеолит. Люди эпохи бронзы уже строили свои поселения в местах, удобных для обороны, а также сооружали укрепления для своих возросших богатств.

В начале 1-го тысячелетия до н.э. на территории Югославии появляются изделия из железа, использовавшегося первоначально для изготовления украшений; окончательное преобладание железных орудий труда и оружия наблюдается на большей части этой территории лишь с 4-го века до н. э.».

Мы не будем критически рассматривать этого положения, просто примем его к сведению, равно и то, что до 4-го века, по-видимому, историки Академии Наук не могут указать ни одного точно датированного факта, они ограничиваются предисторией.

«Установлено, следуем далее, что уже в эпоху брон-

зы на большей части территории Югославии появились различные иллирийские племена; восточные районы этой территории с начала эпохи железа были населены фракийцами, а на севере иллирийцы граничили с паннонскими племенами».

Нам кажется, что формулировка эта не совсем верна: сказано — «появились различные иллирийские племена», — значит либо земли эти вообще пустовали (что совершенно невероятно), либо они были уже заняты каким-то другим народом; почему он не назван?

Мы полагаем, что это своего рода "lapsus calami" авторов, до того привыкших к "тому, что народы мигрируют и, следовательно, «появляются», что и в этом месте они машинально употребили это слово, а надо было прямо сказать: «жили различные иллирийские племена».

«Наиболее известны из иллирийских племен, продолжаем выписку, **карни** близ Альп; вдоль восточной границы Фриульской низменности), **норики** (в бассейне верховья Дравы), **истры** (в Истрии), **ясы** и **бревки** (в междуречьи Савы и Дравы), **доклеаты** (в южной Далмации), **диседиаты** (в средней и восточной Боснии) **дарданы** (в районе водораздела рек Моравы и Вардара).

Из фракийских племен на территории Югославии обитали **трибаллы и мезы**».

Таким образом на территории современной Югославии в древности было два этнически разных корня: «иллирийцы» и фракийцы». Конечно, нас такая картина распределения удовлетворить не может: ведь, не сказано, а где же жили другие части племен иллирийцев и фракийцев? Границы современной Югославии не совпали в обрез с границами народов вокруг. Нельзя искусственные (и временные) политические границы современной Югославии превращать как-бы в водораздельную черту между народами. Наверное значительная часть «иллирийцев» жила вне земель теперешней Югославии, но они играли большую роль в историческом становлении ее. Одни из этих племен стерты окончательно, другие изменили свое название, третьи просто не входят в границы теперешней Югославии. Но, чтобы понять историю Югославии, надо знать судьбу всех народов, принимав-

ших участие в ее создании. Умолчание об этих соседних иллирийских племенах историками Академии Наук говорит об их чрезвычайном формализме, и уж конечно диалектическим материализмом от их положений даже не пахнет.

Как бы то ни было, а мы должны отметить, что все вышеназванные «иллирийские» племена на самом деле являются славянскими, но об этом историки не сказали ни слова, не сказали потому, что исповедуют ложную идею будто бы иллирийские племена в ходе времени исчезли, а на место их выступили славяне. В дальнейшем мы разберем судьбу упомянутых племен и докажем их славянское происхождение.

«Около 400 г. до нашей эры, продолжаем мы выписку, на Балканском полуострове появились кельты, переселившиеся сюда первоначально из Галлии, а затем и из северной Италии. В течение двух веков они распространились на значительную часть полуострова, оседая главным образом вдоль дорог и речных долин.

Так, при впадении Савы в Дунай расположилось кельтское племя скордисков, а вдоль верховьев Дравы — тауриски. Подчиняя иллирийцев, кельты нередко сливались с ними, образуя так называемые иллиро-кельтские племена. Наиболее значительным из них было племя яповов, которое занимало территорию, простиравшуюся от Словении до Боснии.

Вместе с тем появление кельтов на Балканах привело к перемещению иллирийских и фракийских племен. Однако, основную массу населения на территории Югославии и после кельтского вторжения продолжали составлять иллирийцы».

Мы сейчас не будем критически рассматривать этот отрывок, вернемся к этому тогда, когда нам станет известен ряд исторических фактов и утверждений. Скажем только, что высказанное мнение историков представляют собой только умозаключения, историческими фактами не подтвержденные, а основанные главным образом на выводах из археологии, а между тем отрезок времени: 4-й—2-й века до нашей эры — это уже не историческая "Tabula rasa".

Продолжаем: «В начале 4-го в. до н. э. на территории

Югославии стали возникать греческие колонии. Такие колонии были основаны как на островах, разбросанных вдоль Далматинского побережья, так и на самом побережье. Наиболее крупными из них были Исса на острове Вис, Фарос на острове Хвар, Керкира Мелайна на острове Корчула, Трагурион (совр. Трогир), Салона (совр. Солин), Эпидавр (совр. Цавтат)».

Мы полагаем, что срок возникновения греческих колоний значительно занижен: мы знаем наверняка, что Эпидавр (совр. Драч) был греческой колонией, вызвавшей в последней трети 5-го века пелопоннскую войну; очевидно к тому времени колония уже представляла нечто достойное того, чтобы из-за нее стоило сражаться, а такие колонии за 10-15 лет создаться не могут. Поэтому мы должны принять, что греческие колонии появились на побережье самое малое со середины 5-го века до н. э.

«Взаимоотношения с греческими колонистами ускорили процесс экономической и социальной дифференциации в среде иллирийских племен, начавшийся у них в эпоху бронзы. Торговые и культурные связи, а в иных случаях враждебные столкновения греческих колонистов с иллирийцами и кельтами способствовали усилению у последних общественного значения, племенной аристократии и военных вождей.

Те же результаты имели и войны между иллирийцами и граничившими с ними с востока фракийцами и македонянами. Постепенно в разных местах иллирийской территории стали складываться союзы племен, возглавлявшиеся военными вождями».

Заметим, что заговоривши о македонянах, историки Академии Наук ни слова не говорят, что за племя были эти «македонцы»: если это было тоже племя, что и современные македонцы, — значит славяне были уже на Балканах до нашей эры, — если же это был особый народ, то чем он отличался и отличался ли вообще от иллирийцев. Такая расплывчатость и беспредметность очень характерна для наших историков.

«Появление племенной знати и военных вождей с их дружинами повлекло за собой возникновение домашнего рабства, организацию грабительских экспедиций-набегов, совершавшихся иллирийцами с целью

захвата добычи и пленных. Начались войны, как между иллирийскими племенами, так и с их соседями, населявшими Балканский полуостров и восточное побережье Италии. Конечный результат этих межплеменных войн и набегов описал греческий географ Страбон, указавший, что иллирийцы: «вначале сами себя ослабляя в междоусобицах, впоследствии были уничтожены македонянами и римлянами».

На этом мы выписки пока окончиваем; так сказать предисторическая эпоха этим исчерпывается. Обратимся теперь к отрывочным, но оригинальным сведениям, разбросанным по разным древним источникам и прежде всего установим что же собственно называлось «Иллирией».

Коллар (стр. 164) считает, что название Иллирия происходит от реки Illurus древности (ныне Zetina, Zentina, Cetinaj).

Так как она действительно располагается в середине Иллирика, то мнение это весьма вероятно. По мере захвата римлянами земель к северу и югу понятие «Иллирия» всё расширялось.

По "Notitia dignitarum", составленной в начале 5-го века, Иллирия распадалась в сущности на три диоцеза: Дакии, Македонии и собственно Иллирии, составлявшей часть префектуры Италии.

В диоцез Дакии входило 5 провинций: 1) Верхняя Мезия, 2) Дакия Прибрежная (придунайская), 3) Дакия Средиземная, 4) Дардания и 5) Превалитана. Таким образом в диоцез Дакии входили провинции, как по северному, так и по южному берегу Дуная.

В диоцез Македонии входило 6 провинций: 1) Македония 1-я, 2) Македония 2-я, иначе называвшаяся — Salutaris, два Эпира: 3) Эпир Новый, 4) Эпир Старый, 5) Фессалия, 6) Ахайя.

В диоцез Иллирика собственно входило 6 провинций: 1) Норик Прибрежный, 2) Норик Средиземный, 3) Верхняя Паннония (без Валерии), 4) Савия, 5) Ниж-

няя Паннония и 6) Далмация, включавшая вероятно и Либурнию. Истрия, надо полагать, входила в состав Норика Прибрежного.

Конечно, в ходе времени и номенклатура и объем этих областей менялись.

По Татищеву, во времена имп. Адриана, Иллирия делилась на 17 областей 1) (и очевидно) 2) Норики, 3) Паннония, 4) Верелия, 5) Савия, 6) Далматия, 7) Верхняя Мисия, 8) Дакия (вероятно одна пропущена), 9) Македония, 10) Фессалия, 11) Ахайя, 12 и 13) два Эпира, 14) Превалентиа, 15) остров Крета или Кандия.

Как видим, подробности расходятся, но основное ядро остается неизменным. Сколько можно судить по историческим данным, Рим на несколько столетий раньше распространил свое политическое влияние через Адриатику на Балканы, чем по сухопутью на области, охватывающие Адриатику с севера. Поэтому понятие «Иллирия» распространилось на север с Балкан, а не с Аппеннин.

К какому же этническому корню принадлежали «иллирийцы»? Подробно сейчас мы останавливаться не будем, отметим однако, что Нестор во введении при перечислении стран (стр. 10) говорит: «Япирония (очевидно Эпир), Илюрик, Словене, Лухнития»...

В некоторых изданиях написано: «Илюрик» = словене», очевидно это толкование издателей, ибо в оригиналах летописей запятых не было. Однако правильность этого толкования подтверждается летописью в другом месте (стр. 16), где сказано: «...В Моравы бо ходил и апостол Павел учил ту; ту бо есть Илюрик, его же доходил апостол Павел; ту **бо беша словене первое**»...

Таким образом летописец указывает, что в Иллирии жили славяне и что это было **их исконное место**.

Вдобавок к этому летописец добавляет: «...от сих же 70 и 2 языку бысть язык словенск от племени Афетова, нарци, еже суть словене, — здесь летописец прямо

указывает, что нарци или норци были древними славянами, т. е. речь идет о жителях Норика, входившего в состав Иллирии.

Тоже указание дается в Толковой Палее, где также сказано: «норци, иже суть словене», см. также С. П. Толстов. «Нарцы» и «Волхи» на Дунае. Сов. Этнография, 1948, №2).

Интересно отметить, что в списке народов в греческой хронике Синкелла вместо «нориков» стоит— «регинес», не «руги» ли?

Пренебрегать этими данными русской летописи мы не можем: слишком они ясны и определены. В 12-м веке несомненно существовала какая-то письменная и устная традиция о происхождении славян; то, что эти источники утрачены вовсе не доказывает, что не было того, о чем они повествовали.

Вместе с тем мы не можем слепо доверяться этим данным. Перед нами весьма вероятная рабочая гипотеза, истинную ценность которой мы узнаем подбором дальнейших исторических и логических свидетельств.

Татишев, излагая содержание 7-й книги географии Страбона, сообщает (передаем современным языком): «что в Иллирийской приморской области первым располагается народ **истры**, пограничные с Италией и **карпами**. Вся область и остров (последнее замечание не совсем понятно, понятнее было бы, если бы стояло «острова») занимают 2300 стадий. (100 ст. = 18 км.).

Затем идет область **яподов** на 1000 стадий, яподы живут у горы «Албиской», очень высокой. Народ храбрый, был побежден только имп. Августом. Города их: Метулюм, Арупинус, Монециус, Вендум.

Область Далмация лежит при море, их пристань — Солона. Народ этот долго бился с римлянами. Имеют 50 больших городов, напр., Солона, Приама, Ниния, Синопия (древний и новый, сожженные Августом), Андекиа, Далмиум, большой город, по имени которого называется народ.

Татищев в главе 38-й считает, что албанцами стали называть жителей при горе Альбе, греки же звали их «яподы». По Татищеву, Албания до моря не доходила: к западу от Албании была Далмация.

Нам кажется, что под именем «яподов» скрываются дальнейшие «гепиды». Изменение начального «я» или «ие» в «ге» — обычнейшее явление в лингвистике (примеры из этой же географической области мы встретим ниже); достаточно указать, что современные венцы, хотя и пишут — «jedoch», но выговаривают — «gedoch», — настолько легок и незаметен этот переход. На филологической стороне мы останавливаться не будем, — настолько велика возможность изменения «я» или «ие» в «ге».

Другим важным доказательством является то, что «яподы» исчезают с Балкан бесследно, но зато внезапно, и на том же месте появляются «гепиды». О том, что гепиды считаются германским племенем мы здесь говорить не будем, ибо говорим об этом подробно в другом месте. Напомним только, что германцы, т. е. именно тевтоны, на среднем Дунае в начале нашей эры — просто сказка, унижающая достоинство истории, как науки.

Высказавши мысль, что «яподы»-гепиды, мы, однако, временно прерываем изложение фактов в этом направлении: перед нами прежде всего задача набросать основные черты, а затем мы уже займемся деталями.

Обратимся теперь к списку «иллирийских» племен, набросанному историками Академии, это: карни, норичи, истры, ясы, бревки, либурны, далматы, доклеаты, диседиаты, авторитаты и дарданы. По-видимому самым северным и западным народом были «норичи».

Что же касается «карнов» (отсюда Каринтия и куча вариантов) то, имя это по всей вероятности чисто славянское, касается славян и является ничем иным, как измененным соседями и покорителями именем «Крайны». Были «крайны», следовательно страна должна была называться «Крайнития», но для неславян такое звукосочетание было неудобным: произошла обычная инверсия звуков: вместо «Крайнития» соседи стали говорить «Каринтия». Но сами жители, как были «крайнами», так и до сих пор зовут эту страну «Крайней».

Подобное явление звуковой инверсии не чуждо и русскому языку: вместо общеупотребительного «мармор», — у русских, чехов и т. д. говорится — «мрамор».

Правильность нашего положения подтверждается тем, что название «Крайна» имеет смысл, Каринтия же никакого. Крайна означает область, лежащую с краю других славянских земель, т. е. пограничную область. Другие славянские народы в подобных случаях употребляют вариант: украинна.

Таким образом самое древнее название страны и народа указывают, что издревле здесь жили славяне (о соседях их, нориках, также славянах, мы уже говорили).

Распространенная до сих пор в центральной части Европы фамилия "*Kamy*" по-видимому, происходит от племени «краинов», перелицованных чужими в «карнов».

Исторические сведения о «карнах», т. е. краинцах, чрезвычайно скудны.

Еще Татищев (1, 38) писал: «...между оными Валвасора История княжества Краинского, яко соседственного ко Иллирии, велику надежду мне подала, что оный ученый и трудолюбивый муж либо соседственных оному южных славян описал, но по прочтении весьма мало в нем желаемого нашел».

О Вальвасоре в примечаниях к Татищеву (стр. 451) мы находим: «...Franciscus Erasmus (1627—1694) перевел на немецкий язык и издал со своими примечаниями сочинение Вальвасора (Valvasor'a — "Ehre des Herzogsthums Crayn" (Nürnberg, 1689). Valvasor Weinhard Janez Baicort, словенец, был членом Лондонского королевского общества; наук». Таким образом еще в конце 17-го века находились образованные «краинцы», писавшие на родном языке о своей родине, называемой даже немцами — «Крайней».

Область карнов, по-видимому, называлась «Нориком Прибрежным» (другой Норик, севернее, назывался «Нориком Средиземным»).

Эта область должно быть имела следующие свои естественные границы: она захватывала всю полосу побережья верхушки Адриатики, будучи с севера охвачена кольцом гор: *Alpes venetae*— *Alpescarnicae* — *Alpes Juliae*. Столицей был город *Julium Carnicum*.

С севера к этому кольцу под углом в его западном конце примыкали — *Alpes noricae*, образуя треугольник земель, из которых вытекали Драва и Сава со своими притоками. Именно в этом треугольнике жили норики или тауриски (*Taurisci*). Столицей Норика был город *Noreia*. Кто кому дал имя — город ли племени или племя городу, — сказать трудно.

Плиний говорит, что: «Драва течет мимо серритов, савропилов, ясов и сандризетов. Сава течет мимо калепианов и бресков. И сии суть из народов начальнейшие, к ним же присоединяются: аривати, азали, аманти, белгити, котари, корзанты, акривинские, иеркуниати, лятонники, озернята, варкиане» (цитировано по Татищеву, стр. 409).

Некоторые из этих племен Татищев считает славянскими, главным образом исходя из их названий, — соображение, заслуживающее внимания, но не имеющее решающего значения (всё дошло до нас в весьма искаженной форме, чтобы можно было полагаться целиком на звучание).

Плиний указывает, что у нориков были города: Вирун (*Virunum*), Теурина (*Teurnia*), Целея (*Celeia*) - (Татищев переводит: Целая), Агунт (*Aguntum*), Виана, Емонда (*Aemona* или *Emona*) и проч.

Отметим, что племя «*latovici*», которых Татищев зовет: «лятовники» и «лятовники» или «литовники», располагались у реки Коркры (совр. Крка).

С юго-востока к Норикку Прибрежному примыкала Истрия, небольшой полуостров, о которой нам известно очень мало. Имя произошло вероятно от реки Истры, впадающей в западное побережье и носившей в древности также имя *Ningus*.

Mela (2, 4) писал: "*Padus inde tam citus prosilit ut suum etiam in mari alveum servet, donec eum ex adverse litore Istriae eodem impertu profluens Ister amnis excipiat*".

Pompeii Trogi breviator Justinus, 32, пишет: "*Histri a vocabulo amnis adpellati*".

Догадка некоторых, что «Истра» происходит от «Быстра» совершенно не основательна: это же имя имеет река под Москвой, речка около Судака в Крыму, наконец

имел Дунай в своем нижнем течении. Очевидно имя «Истра» дано прасубстратом народа, жившего в Европе в глубочайшей древности.

Не лишне будет отметить, что на карте 8 «Mugrey's Classical Atlas» на западном побережье Истрии отмечен город *Ruginium*, название, явно происходящее от ругов, т. е. славян. Карта относится к временам римской империи.

О Норике мы находим у Цезаря (*De bello civico*, I, 18), что в борьбе с Помпеем ему помог царь нориков, прислав 300 всадников. В *De bello gallico* (I, 53) мы находим, что у Ариовиста было две жены: «одна из племени свебов, которую он взял с собой из дому, а другая норийка, сестра царя нориков Воккиона». Это дает немного: только имя царя нориков.

Кроме того, есть указание (I, 5), что гельветы «уговорили также своих соседей — рауриков, тулингов и латовиков — сжечь, подобно им свои города и села и двинуться вместе с ними. Наконец, они приняли к себе и включили в число своих союзников также боев, которые поселились за Рейном, затем перешли в Норик и осаждали Норею».

Из этого следует, что бои воевали с нориками и вообще искали каких-то лучших земель.

Очень интересные данные можно извлечь из § 29 (1), где сказано, что: «В лагере гельветов были найдены и доставлены Цезарю списки, написанные греческими буквами. В них были поименно подсчитаны все вообще выселившиеся, и отдельно указано число способных носить оружие, а-также детей, женщин и стариков».

В итоге оказалось: гельветов 263.000, тулингов 36.000, латовиков 14.000, рауриков 23.000, боев 32.000, из них около 92.000 способных носить оружие. А в общем итоге 368.000. Число вернувшихся домой, по переписи, произведенной по приказу Цезаря, оказалось 110.000.

Этот § дает очень много: 1) еще во времена Цезаря, т. е. до нашей эры, гельветы (равно как и друиды в Галлии, о которых Цезарь говорит тоже самое в другом месте) пользовались греческими буквами для своей письменности. Следовательно письменность уже тогда существовала у так называемых «варваров», хотя и была

заимствованной; 2) организованность была настолько велика, что составлены были **поименные списки** 368.000 человек, — работа огромная и требовавшая хорошего навыка; 3) в этих списках были особо отмечены люди, способные носить оружие, что дает нам возможность с исключительной точностью узнать числовое отношение между способными и неспособными носить оружие; на 368.000 способных носить оружие оказалось 92.000, т. е. ровно 1/4 населения; 4) была указана соотносительная сила разных племен, из которых нас особенно интересуют латовики, по-видимому жившие в Норике. Наконец, очевидно, что в результате переселения и войн уцелело всего 30 % выселявшихся.

Возможно также, вычислив площадь, занимающую переселявшимися, узнать густоту населения того времени, заставившую людей переселяться. Конечно, это особая тема, заниматься которой мы не в состоянии.

Мы коснулись пока только народов при самой Адриатике и будем заниматься ими в особенности, так как о народах, лежащих более вглубь страны мы знаем меньше и вообще охватить их все — задача свыше наших сил. Однако, коль скоро выяснится судьба народов при самой Адриатике, тем самым значительно легче станут нам доступны судьбы и прилежащих народов.

До сих пор мы говорили только об «иллирийских» народах, оставивших свои следы в истории Югославии, но, как мы уже отмечали, Югославия — понятие довольно искусственное и, главное, не охватывающее все «иллирийские» народы. Мы же поставим себе задачей выяснить какие же еще «иллирийские» народы существовали, но не вошли в современную Югославию.

Мы увидим ниже из показаний разных древнейших источников, что «иллирийские» народы до нашей эры были распространены значительно западнее; они переходили и на западный берег Адриатики и восточную часть Аппенинского полуострова, но в смене времен они оказались стертymi, главным образом, римлянами и затем итальянцами.

В первую очередь это касается племени «венетов» и области их, называемой «Венеция» (современный город Венеция — это отзвук пребывания здесь венетов).

Имя венетов уходит в глубочайшую древность и, что заслуживает особого внимания, связано с именем Иллирии (см. ниже). Так как у греков не было буквы «в», то они писали «уэнэты», «иенэты», «генэты» и т. д. Часто в двух разных строчках одного и того же автора мы встречаем два разных написания.

Геродот (444 г. до н.э.) (1, 196) писал (даем в латинском переводе) : "Leges vero ipsis sunt, una, quidem prudentissima ; altera, qua Henetos quoque, illyricam gentem, audio uti". Здесь генеты явно связываются с Иллирией.

В другом месте (5, 9) он писал, что энеты живут на Адриатическом побережье и что они «иллирийские». Последнее можно понять двояко: 1) что они иллирийцы по национальности и 2) что они выходцы из Иллирии, сути дела, однако, это не меняет.

Чрезвычайно ценное указание дает Полибий (203-150 до н.э. (2, 17): "Ad Padi ortus sedes posuerunt Lai et Lebecii ; post hos Insubres, ac deinceps, Cenomani quod superest hinc spatium ad Hadriaticum mare alla gens, longe antiquissima, obtinebat, nomine Veneti, sermone diverse a Gallis untentes, caetera moribus et cultu parum differentes".

Таким образом в долине реки По в верховьях жили главным образом галльские племена, но область приморья была занята **древнейшими** обитателями, именно венетами, которые религией и обычаями мало отличались от галлов, но говорили **на другом языке**. Этим галльство венетов опровергается бесспорно. Полибий, конечно, мало разбирался в религии галлов, но различие в языке между ними и венетами было для него ясно.

Из этого следует, что остатки (в сущности жалкие обрывки) языка, называемого теперь «венетским», относятся не к венетам, населявшим долину реки По, а к галлам, жившим в ней, но только выше.

Полибий особо подчеркивает древность венетов в указанной долине, тогда как галлы явились в нее уже на памяти римлян.

Страбон (19 г. н. э.) писал, (5, 212): "Transpadanum Italiam colunt Galli ac Veneti. De Henetis duplex fertur sententia, quidam enim hos quoque faciunt Gallorum

propaginem, eodem nomme, Oceanum adcolentium; alii e bello Trojano duce Antenore hue evasisse tradunt Henetorum ex Paphlagonia quosdam".

Таким образом во времена Страбона существовало два взгляда на происхождение венетов: одни считали их за галлов с Атлантического океана, где имелось племя тоже с именем «венеты», другие считали их беженцами от Троянской войны из Пафлагонии, вождем которых, якобы, был Антенор.

Сам Страбон (4, 135) писал: "Hos ego Venetos existimo Venetorum ad Aadriaticum sinum esse auctores, verum tamen pro certo id ego non affirmo, cum in hujusmodi rébus probabili conjectura par sit esse contentum", т. е. в сущности не настаивал на каком-либо определенном взгляде, однако ясно, что для него «венеты» и «генеты» были одно и то же.

Мы здесь не будем, конечно, обсуждать вопрос о происхождении венетов: для этого просто нет еще данных, напомним только, что Цезарю были известны (*De bello gallico*, III, 8, 12-14) другие венеты. Они обитали в южной части Бретани и были приморскими жителями и отличными мореходами. «Вандея» французов — это отзвук «венетов» Цезаря. По-видимому это было племя кельтов. Их звали также армориканскими венетами по области, примыкавшей к Атлантическому океану.

Возможность переселения части их племени к Адриатике отнюдь не исключена: мы знаем достоверно, что галлы проникали в долину По и неоднократно. Нам лично кажется, что заселение венетами Адриатики произошло другим и более естественным путем: с Балкан в Италию было рукой подать и переезд был весьма легким делом, во всяком случае гораздо легче, чем из Галлии, во вторых, еще легче могла заселиться долина реки По со стороны Истрии, т. е. посуху, постепенным расселением.

Что венеты были близки, видно из указания Помпония Меля (ок. 48 г. н.э.), что Боденское озеро называлось «*Lacus venetus*». А что речь идет о венетах-славянах, а не кельтах, видно из того, что в самом начале 7-го века св. Колумбан, ирландец по национальности, поселил-

ся на Боденском озере с целью приобщения «венетов» к христианству, и тут же добавлено, что эти венеты иначе называются «славянами».

Таким образом венеты-славяне были гораздо ближе к устью По, чем другие венеты.

Виргилий († 19 г. до н. э.) писал в «Энеиде» (1,242): "Antenor potuit mediis elapsus Achivis, Illyricos penetrare sinus, atque intima tutus regna Liburnorum, et fontem superare, Timavi. Ille urbem Patavi, sedesque locavit, Tenerorum".

Вергилий, как видно из его слов, считал, что Антенор со своим народом явился в Адриатический залив из под Трои, мы не будем рассматривать насколько взгляд его верен.

Servius, комментатор Виргилия в 4-м веке, добавляет к указанному стиху Виргилия: "Ideo Virgilius dicit Illyricos sinus, quod inde venit quidam Henetus rex, qui Venetiam tenuit, a cujus nomine Henetiam dictam, postera Venetiam nominaverunt. Antenor cum uxore Theano et filiis Halicaone et Polidamante, ceterisque sociis in Illyricum pervenit, et bello exceptus ab Euganeis et rege Veleso, victor, urbem Patavium condidit".

Таким образом, по Сервию, Венецией владел царь Генет, по имени которого область называли Генетия, а после стали называть Венеция. Он указывает, что Антенор основал город Падую после того, как победил местного царя Велеса. В славянстве последнего вряд ли может быть сомнение. Значит еще в легендарные времена в долине По существовали цари со славянскими именами.

за исключением кимбров, то название истевоны очевидно охватывает все настоящие германские племена, т. е. по нашей терминологии, этногерманцевЛ

Четвертая группа Плиния – это гермионы (у Тацита – герминонес), ее он называет средиземной, т\ е. занимающей центральную часть Германии. Здесь опять чувствуется, что в основе пяти групп лежит и география.

К части гермионов Плиний относит: свевов, гермундуров, хаттов и херусков, очевидно как наиболее крупных. Тацит вообще говорит, что большую часть Германии занимает Свебия, в нее входила и Вандалия.

При современном состоянии наших знаний можно сказать с большой уверенностью, что к временам Плиния и свевы, и гермундуры были славянами, \ в отношении же двух других племен решающего материала нам пока найти не удалось. Можно ожидать теоретически, что кельты (в особенности) и этногерманцы (в более позднее время) несомненно занимали эту часть Германии, именно Богемию, где сталкивались кельты, славяне и этногерманцы.

Нам могут возразить, что если и Плиний, и Тацит включали свебов и т. д. в настоящих германцев, то наше предположение находится в противоречии с этими первоисточниками. Это возражение только кажущееся, так как Тацит добавляет, что другие считают будто бы у Маннуса было больше сыновей и следовательно ветвей германства; он говорит, что марсы, габривы, свебы и вандалики носят оригинальные древние имена и считаются происходящими от других сыновей Маннуса.

Таким образом схема Плиния является просто искусственной, удобства ради схемой, но последователь его Тацит, хоть и приводит эту схему, но ей **не пользуется**. Это показывает, что слепо доверяться данным Плиния нельзя, тем более, что мы имеем дело с краткой схемой, из которой конечно все подробности опущены

ГЕРОДОТ О ПОХОДЕ ПЕРСИДСКОГО ЦАРЯ ДАРИЯ НА СКИФОВ

Поход персидского царя Дария на скифов приблизительно в 514 году до нашей эры (дается уточненная дата) был крупнейшим событием того времени. Достаточно сказать, что по данным Геродота принимало участие в походе 700.000 человек. Хотя эта цифра несомненно и очень преувеличена, нет никакого сомнения, что в походе принимали участие сотни тысяч людей. Принимая во внимание размах похода и условия того времени, требовавшие огромного количества дополнительной, число технической силы, равно и мощь персидского царя, этим массам не приходится особенно удивляться.

Геродот оставил нам довольно подробное описание этого похода. К сожалению, комментаторы Геродота упустили из внимания много обстоятельств, вытекающих прямо или косвенно из его данных и изобразили поход в совершенно неверном виде: поход на деле был значительно короче, чем это принимают: Дарий не дошел ни до Волги, ни до Дона, а повернул назад приблизительно с полпути между Днепром и Доном.

Для нас этот факт не столь важен сам по себе, сколько потому, что при изложении похода Геродот упоминает ряд народов, через земли которых шел Дарий, и тем самым мы узнаем о географическом распределении народов в то время.

Эти данные чрезвычайно важны для истории и археологии. К сожалению приходится подчеркнуть, что все комментаторы допустили грубейшие ошибки при толковании данных Геродота и представления наши о распределении народов в древности весьма ошибочны. Мы остановимся на этом подробно, чтобы раз и навсегда показать, как следует понимать Геродота.

Были допущены ошибки, в существовании которых просто не верится. Прежде всего мы имеем точные данные, что поход Дария от Дуная на скифов длился немногим более двух месяцев. Следовательно Дарий мог отойти от Дуная на восток самое большее на расстояние одного месяца пути. Достаточно было взять карандаш в руки, чтобы подсчитать, что за месяц Дарий не мог достигнуть Дона и тем более Волги (что большинством принимается). К подробностям мы вернемся в дальнейшем.

Кроме того, у Геродота имеется точное указание самого восточного пункта, которого достиг Дарий, — реки Оар. Комментаторы не нашли где находится эта река и не догадались хотя бы справиться в «Географии» Птолемея, если данных Геродота было им недостаточно. В результате местоположение некоторых племен (в сущности большинства) отнесено на сотни километров к востоку. В основном поход совершался на правом берегу Днепра, и Дон и Волга остались совершенно в стороне.

Геродот в своем рассказе о походе дает много данных, которые позволяют совершенно точно установить быстроту похода (максимальную). Прежде всего он говорит в нескольких местах и прямо, и косвенно, что **поход был пешим**. Конница играла главным образом разведывательную роль и как средство сообщения между отдельными частями огромной армии. Она обычно отступала при столкновении со скифами под защиту персидской пехоты. Этим самым быстрота передвижения войск Дария определяется довольно точно.

Хотя в отдельных, исключительных случаях пехота может сделать до 80 км. в 24 часа, норма передвижения пехоты не превосходит 40 км. в день. Геродот, дающий иногда указания о расстояниях в «стадиях» или «днях пути», принимает дневной переход в 200 стадий, т. е. в 36 км., но и эта норма конечно слишком велика для пехоты Дария.

Дело в том, что «день пути» Геродот исчисляет для торговцев или путешественников, едущих **по дороге** и в условиях отсутствия препятствий. Войско же Дария шло по полному бездорожью, преследуя скифов, которые несомненно выбирали наиболее трудные направления, ибо цель их была, елико возможно, вымотать силы персов. Естественно, что идти без дороги, по траве, через кусты, овраги и т. д. было гораздо более трудно и медленно.

Кроме того, было еще одно обстоятельство, весьма замедляющее даже замедленный ход пехоты, — это обоз. Армия Дария должна была везти с собой достаточно пищи, одежды, оружия и т. д.; в степи даже не было дров для разведения костров, надо было везти их с собой или сжигать кости, как это делали скифы. Обоз передвигался силами ослов и мулов, что также замедляло движение.

Следует иметь ввиду, далее, что причерноморские степи, как правило, не представляют собой равнину, а изрезаны огромным количеством оврагов сухих или по дну которых текут ручейки или небольшие реки. Если эти ручьи или речки не представляли для конницы или пехоты особенных препятствий, то для обоза они были убийственным, ибо если и находился удобный переезд или его устраивали, то надо было много времени, чтобы пропустить через него тоненькой ниточкой весь обоз. Без обоза же армия существовать не могла.

Наконец, на пути на восток находились долины значительных рек, как-то: Днестр, Тилигул, Южный Буг, Ингул, Ингулец, Днепр, Молочная и т. д., которые в те времена были гораздо более полноводными. Переправа только одной пехоты занимала, конечно, дни, ибо кроме воды, как препятствия, существовали еще заболоченные поостранства вдоль рек, которые были еще

хуже в отношении их преодоления, чем сами реки. Такие препятствия не могли не отражаться на средней скорости движения войск в день.

Не следует также забывать, что поход происходил в летнее время, следовательно в течение двух месяцев не могло не быть дождей, а дожди часто на два-три дня совершенно прекращают возможность передвижения по 'бездорожью.

Кроме того, нельзя упускать из виду вопроса о воде: чтобы напоить огромное количество людей и животных, необходимо не только иметь воду в достаточном количестве, но и время, чтобы все имели возможность напиться. Степи же северного Причерноморья особым богатством воды не отличаются, часто десятки километров ее вовсе нет или имеются жалкие ручейки, достаточные только для удовлетворения жажды сотен, но не сотен тысяч людей и животных. Как правило, вода имеется в степи только на громадной глубине, что и обусловило сравнительно очень позднее заселение земледельцами северного Причерноморья.

Наконец, большинство долин с реками, речками, ручейками расположены в Общем с севера на юг, т. е., воперек движения армии Дария, следовательно переходы должно было приурочивать к расположению их, что опять-таки задерживало передвижение, не говоря уже о том, что движение вверх и вниз по огромным склонам балок и оврагов сильно удлиняло и затрудняло путь.

Самое же главное было то, что войско персов подвергалось постоянным атакам скифов, что совершенно приостанавливало его передвижение, либо даже заставляло войско поворачивать обратно или идти зигзагообразно. Геродот прямо указывает на тактику скифов, заставлявшую персов топтаться на месте; скифы намеренно предоставляли персам захватывать стада скота, вынуждая их терять много времени на преследование, ловлю скота и т. д.

Известно также еще важное дополнительное обстоятельство, заставляющее нас снизить среднюю быстроту передвижения войск Дария: именно, достигнув самой восточной точки своего похода у реки Оар,

Дарий начал сооружать большу́ю крепость, размеры которой Геродот указывает и остатки которой сохранились еще во времена Геродота. Естественно, что такую крепость за 2-3 дня, даже при наличии многих тысяч рабочих, не построишь: необходимо сначала добыть до статочно материала, что в голой степи нелегко осуще ствимо,

Расчеты Дария не оправдались: скифы не стали сопротивляться к ушли сначала к северу, а потом обратнр на запад э Скифию, чтобы соединиться; с двумя другими боевыми группами скифов, а кроме-того, чтобы; заста вить' принять участие в борьбе и "другие племена, через земли которых Дарий вынужден был теперь идти.

"Все~ эти соображения показывают, что среднее передвижение "войск Дария ~ за сутки не могло превышать 20 км., а скорее всего было значительно меньше.- Это дает нам совершенно твердую опору -для соображений^ как Далеко от Дуная мог отойти Дарий на восток.

Перейдем теперь к подсчету времени. Геродот указывает, что Дарий приказал судам, образовавшим мост для перехода через Дунай, ожидать его 60 дней. Иначе говоря,' он предполагал за это время завоевать Скифию и вернуться; иначе говоря, при самых лучших условиях он мог сделать максимально 600 км. (20 км. x 30 дней).

На деле Дарий пробыл в Скифии несколько дольше; на сколько дней дольше неизвестно, во всяком случае войска, стоявшие у моста на Дунае, его еще ожидали, хотя срок уже истек. Едва ли запоздание его было значительным, ибо войска у Дуная, имея формальное прарр уйти, конечно, ушли бы, если бы запоздание было значительным. Оно ни в коем случае не могло быть порядка месяца, а самое большее нескольких дней.

Дело в том, что поход Дария представлял собой очень трудное предприятие просто физически. Начался собственно поход с перехода через Босфор, затем надо было достигнуть Дуная, а мы знаем, что Дарию по пути пришлось покорить гетов, т. е- поход происходил с задержками. Начать поход Дарий мог только весной, когда он мог рассчитывать на возможность добычи фуража для ослов, мулов и лошадей. Таким образом

Дарий располагал временем весьма в обрез. Он мог использовать только весну и лето, а к осени уже наступала опасность остаться без фуража в чужой, пустой стране.

Обратимся теперь к карте. Если мы измерим расстояние от Галаца на Дунае и до устья Дона, мы получим приблизительно 900 км. по совершенно прямой линии через моря и земли. Это значит, что при самых идеально вообразимых условиях, т. е. по прямой, ровной дороге, без малейших препятствий, Дарий, чтобы достигнуть Дона, должен был бы употребить 30 дней по 30 км. в день.

Но мы знаем, что дорога была намного длиннее, ибо делала множество зигзагов, объездов, должна была обходить заливы моря, объезжать огромные лиманы рек, сотни раз подниматься вверх и вниз по очень высоким холмам, наконец, подниматься к северу (ибо скифы пошли на север), кроме того, она всё время шла зигзагообразно и с остановками для боя или подготовками для него.

Из всего этого ясно, что действительная дорога, которую Дарий должен был проделать до Дона была по крайней мере вдвое длиннее, иначе говоря возможность этого совершенно исключена. С такими фантазиями давно уже пора покончить, если мы хотим заниматься наукой, а не сказками.

Все эти наши логические и теоретические соображения находят себе полное подтверждение в данных самого Геродота. Разница между нами и всеми другими комментаторами Геродота в том, что нам удалось найти на карте реку Оар, о которой он говорит. Для этого надо обратиться к «Географии» Птолемея.

Геродот говорит в § 123: «...Над пустыней обитают тиссагеты, в земле которых берут начало четыре больших реки, протекающих через владения меотов и изливающиеся в так называемое озеро Меотиду; имена этих рек: Лик, Оар, Танаис и Сиргис».

В § 124 мы находим продолжение: «Пришедши в пустыню, Дарий приостановил поход и расположился с войском у реки Оара, затем воздвиг восемь громадных стен, на одинаковом расстоянии одна от другой, прибли-

зительно стадий на 60; обломки уцелели до моего времени. Пока Дарий занят был сооружением, преследуемые скифы обошли сверху (т. е. на север, С. Л.) эти земли и возвратились в Скифию. Так как они совсем исчезли из виду и больше не показывались, то Дарий покинул наполовину воздвигнутые стены, повернул назад и пошел к западу; ему думалось, что это все скифы и что они всё еще убегают на запад».

Из сказанного совершенно ясно, что река Оар была самым восточным пунктом, до которого Дарий достиг в походе, всё дальнейшее совершалось уже к западу от реки Оар, но сама река находилась к западу от Дона.

Из этих цитат видно, что Оар была одной из четырех рек, протекавших через владения меотов, т. е. вокруг Азовского моря (Меотида). Трудно понять, как могут ученые в 1960 году предполагать, что «Лик, вероятно, река Урал, «Оар», возможно, река Волга» (см. Хрестоматию по истории СССР, изд. Акад. Наук, стр. 45). Неужели неизвестно что ни Урал, ни Волга через «владения меотов» не протекали и в Азовское море не впадали?!

Если Геродот дает только общее указание относительно местоположения реки Оар, то Птолемей дает гораздо более точные данные. Он, перечисляя реки, впадающие в Азовское море, приводит реку Лик и рядом с ней реку Агар. Вряд ли надо обладать особой догадливостью, чтобы не понять, что Оар и Агар – это одно и то же название, но только в разных огласовках.

Кроме того, Птолемей дает указания на долготу и широту устья реки Агар и взаиморасположение ее в отношении других рек. Мы находим у него в книге 3-й, главе 5-й, §11: «...за перешейком, находящимся у реки Керкинита (отсюда современный Каркинитский залив, С. Л.), следует у **Меотийского озера**; (далее идет перечисление мест с запада на восток).

Новая Крепость.. 60° 30' (долготы)	–49° 40' (широты)
Устье реки Пасиака 60° 20'	– 48° 50'
Город Лиан (Леианон)... 60°	– 49° 15'
Устье р. Вика (Бика) 60° 20'	– 49° 30'
Город Акра..... 60° 30'	– 49° 40'

Устье р. Герра	61°	49° 50'
Город Крымны.....	62° 30'	49° 15'
Мыс Агар	63°	49° 40'
Устье р. Агара	62° 30'	Роша 50° 30'
Рыболовля бога	62° 40'	Устье р. Лика 51° 15'
.....	63°	51° 30'
Город Игреи	63° 30'	52° 30'
Устье р. Порита	64°-30'	53
Зап. устье Танаиса . . .	62° 20'	01 10'

Если мы внимательно присмотримся к цифрам, то увидим, что долготы разных пунктов нарастают на восток, а широты на север, что в действительности соответствует изгибу берега Азовского моря, уходящему на север т. е. данные Птолемея верны.

Отметим, что из четырех рек, упомянутых Геродотом, река Сиргис не отмечена и понятно почему: Сиргис – это Северский Донец, он вытекает из земель тиссагетов, протекает через земли меотов, но в море не впадает, а в Танаис (Дон), отсюда понятно отчего о нем Птолемей не говорит здесь ни слова.

Обратимся теперь к широтам. Вот некоторые отправные пункты для нас:

Днепр – 48° 30', устье Агара – 50° 30' (разница в 2°).
 Устье Агара – 50° 30', устье Лика 51° 30' (разница в 1°).
 Устье Порита – 53°, зап. устье Дона – 54° 10' (разница в 1° 10').
 Устье Лнка ~ 51° 30', зап. устье Дона – 54° 10' (разница в 2° 40').

Отсюда явствует, что наименьшая разница в широте – это между устьями рек Агара и Лика (1°), следовательно мы должны найти их на карте именно в соответствии с этим. Лик впадает немного севернее Агара. Упомянутая разница в широтах вдвое меньше разницы между широтами Днепра и Агара (2°) и в 2 2/3 раза меньше разницы между устьями Лика и Дона. Не являясь точными, данные Птолемея в тоже время передают действительные соотношения между разными пунктами.

Далее, в центральной части северного берега Азов-

ского моря (а реки Агар и Лик, по Птолемею, занимают какое-то среднее место) мы находим три довольно резких выступа – мыса: Обиточенскую, Бердянскую и Белосарайскую косу. Около каждой из этих кос имеются реки, в настоящее время незначительные, но в прошлом несомненно гораздо более полноводные.

Разницы в широтах между ними небольшие, поэтому можно быть уверенным, что именно две из них соответствуют искомым нами Агару и Лику, о которых мы знаем, что широтная разница между ними была всего один градус.

К востоку от последней косы (по-видимому Белосарайской) берег делает довольно резкий уклон к северу, кончающийся впадением реки (должно быть Пориты), отсюда берег уходит к северу гораздо более плавно. Такому положению соответствует река Кальмиус, впадающая у Мариуполя.

Далее имеется важный факт, отмеченный Птолемеем: упомянуты рядом река Агар и мыс Агар, очевидно они были расположены очень близко друг от друга, что и вызвало одинаковое название. Мыс Агар находился на 30' восточнее реки Агар.

Обратившись к карте, мы видим, что речка Обиточенка действительно находится несколько к западу от прилегающей к ней косы (если конец Обиточенской косы, изогнутой в дугу, в настоящее время расположен чуть-чуть к западу от устья реки, то надо принять во внимание, что более чем 1800 лет тому назад все косы этого побережья были короче).

У двух остальных кос речки расположены к востоку» а не к западу, что заставляет нас принять, что речка Агар, она же Оар, именно река Обиточенка.

Таким образом, идучи двумя путями, мы показали, что Дарий в своем походе достиг только полупути между Днепром и Доном. Дона он не переходил и не был в состоянии перейти, ибо он не располагал ни достаточным временем, ни достаточно быстрыми способами передвижения. Мы устанавливаем совершенно незыблемый факт, к некоторым противоречивым подробностям мы вернемся в дальнейшем.

Не останавливаясь здесь на деталях (об этом мы

говорим в другом месте), отметим, что данные Геродота и Птолемея в отношении долгот гораздо более точны, чем в отношении широт, что вполне понятно: по мере удаления к северу знания греков быстро и резко убывали.

Отметим попутно одно ошибочное, но широко распространенное мнение, разделяемое и Ф. Брауном (1899), который все же стоял гораздо более на почве реальных фактов, чем другие, что Птолемей опирался в своих расчетах всего на два точно установленных астрономических пункта, что, мол, все остальные данные – только пересчеты «дней пути» разных путешественников и т. д.

Это далеко не так: Птолемей указывал, что «Ольбия имеет самый длинный день в 16 часов 5 минут и отстоит от Александрии (меридиана) к западу на 1/5 часа». Танаис (город) имеет самый длинный день в 17 часов 10 минут и отстоит от Александрии к востоку на 1/10 часа». Таких данных у Птолемея достаточно, следовательно он имел возможность выправлять свою астрономическую сеть. Дело в том, что никто этой стороной данных Птолемея не занимался, а Ф. Браун пренебрег явными указаниями астрономического характера. Если бы Птолемей ими не пользовался, то зачем он приводил их в своей «Географии»?

Итак, первое, что нам удалось установить и совершенно бесспорно, это то, что поход Дария был значительно короче в смысле отдаленности от Дуная. В связи с этим и распространение племен того времени имело значительно иной характер: все племена на самом деле находились на сотни километров к западу по сравнению с тем, что комментаторы принимают.

Рассмотрим дальнейшие обстоятельства похода, подтверждающие всё вышесказанное. Когда скифы узнали о походе Дария, а это могло случиться только тогда, когда он подходил к Дунаю, они обратились к соседям за помощью. Три племени: гелоны, будины и савроматы согласились поддержать скифов, пятеро племен отказались (подробности будут изложены в дальнейшем).

Из всех соседей савроматы были самыми восточными, но именно им пришлось выдержать первый удар Дария, это показывает косвенным образом, что они жили совсем недалеко от скифов. В самом деле: вестник скифов должен был доскакать до сарматов, неся приглашение на совет всех, что делать ввиду приближения Дария; вожди сарматов должны были иметь время для поездки в место сборов, т. е. в землю скифов; далее, решив, что они примут участие в борьбе против персов, вожди Сарматов должны были вернуться домой за войском, собрать его и снова попасть в Скифию, вынеся первый удар персов. Итого расстояние, четырежды пройденное между местоположением сарматов и Дунаем.

Совершенно очевидно (поскольку это случилось), что оно было порядка всего нескольких дней езды, иначе (если принять, как это делают, что сарматы были за Доном) сарматы не успели бы явиться к месту сражения, как Дарий уже вернулся бы.

На самом деле главная часть похода совершалась на правом берегу Днепра, захватив, вероятно, земли лесостепи западнее долготы Харькова. Сюда именно устремились скифы с Обиточенки (Оара), желая вовлечь в войну и племена, расположенные далее к северу: андрофагов, меланхленов, невров и т. д. В конфликт были вовлечены главным образом народы между Днепром и Карпатами.

Далее, нельзя упускать из виду, что тиссагеты, в землях которых берут начало: Оар (Обиточенка), Лик (Берда), Танаис (Дон) и Сиргис (Северский Донец) совершенно не упомянуты, как участники событий, — значит поход даже не коснулся их побочно. Это говорит бесспорно в пользу того, что тиссагеты были расположены совсем в стороне от похода, что Дарий до Дона не доходил и что все, упомянутые в рассказе Геродота, народы находились к западу от Дона.

Рассмотрим теперь, как протекал поход. Скифы (§ 120) «решили вовсе не давать настоящего открытого сражения, но, разделившись на два отряда, отступить со

своими стадами, засыпать попадающиеся на пути ко лоды и источники и истреблять растительность. К одному из отрядов, с царем Скопасисом во главе, при соединились савроматы; они должны были бы убежать, если бы персидский царь обратился на них, прямо к реке Танаису вдоль озера Мёотиды, и переходить в наступление на персидского царя, если он обратится вспять.

Это была одна часть населения скифского царства, расположившаяся на пути; две другие части царственных скифов – одна, большая, под начальством Иданфирса, а другая под командой Таксакиса соединились в одном месте с гёлонами и будйнами, и также должны были идти впереди персов на один день пути, отступать перед ними и вообще действовать согласно принятому решению.

Прежде всего они должны были вторгнуться в те земли, которые отказали в союзничестве, с целью ртнуть их в войну; если они добровольно не пожелали вести войну с персами, то должны воевать хоть поневоле; за сим им следовало вернуться обратно в свои владения и напасть на врага, если так решено будет на совете-».

Таков был план скифов, который и был осуществлен. Почему скифы не отступали на восток до зимы, уводя Дария на смерть, неизвестно, а возможности уходить за Дон, за Волгу и т. д. имелись. Возможно, что в их решении сыграла близость к своим небоеспособным соплеменникам, которых они не хотели оставлять без защиты.

«§ 121. Порешивши всё это, скифы вышли навстречу дариеву войску, для чего послали вперед наилучших всадников; все повозки, на которых жили их дети и жены, и весь скот с ними они отправили заранее с приказанием двигаться неизменно на север; при себе они оставили лишь столько скота, сколько требовалось для прокормления; всё остальное отправили вперед».

Из этого опять-таки явствует, что скифы встретили персов еще на границе своих владений, что благодаря близости расстояний между скифами, гелонами, буди-

нами и сарматами, они имели полную возможность подготовиться к нападению, пока Дарий переправлялся через Дунай.

«§ 122. Скифский передовой отряд напал на персов дня на три пути от Истра (т. е. Дуная, С. Л.); эти скифы расположились лагерем на расстоянии одного пути от врага, причем уничтожали перед собою всю растительность. Между тем персы, заметивши появление скифской конницы, напали на нее и непрерывно ее преследовали, а она всё отступала; персы преследовали одну из трех частей по направлению к востоку и Танаису. Когда скифы перешли реку Танаис, в погоню за ними последовали немедленно и персы, пока наконец не прошли землю савроматов и не достигли владений будинов».

Мы обращаем особое внимание читателя на последнюю фразу, ибо в ней заключена загадка толкования данных Геродота.

Следим тщательно за логикой событий. Дарий перешел Дунай, через три дня пути скифы напали; следовательно это случилось еще до Днестра, в нынешней Бессарабии. Что это было так, убеждают следующие обстоятельства: Геродот ни слова не говорит о переходе персов через Днестр до первого нападения; если бы это было так, то именно при переходе через реку можно было ожидать удара скифов в выгодных для них условиях. Во-вторых, расстояние Дунай-Днестр настолько велико, что за три дня его покрыть нельзя. Самая восточная точка перехода через Днестр это Бендеры, ибо ниже начинается широкая заболоченная пойма, совершенно непроходимая для войска. Таким образом место первого столкновения безусловно лежит между Дунаем и Днестром.

Далее мы наталкиваемся на загадочное место: поход только что начался и сразу речь заходит о Доне, о том, что персы прошли землю савроматов и наконец достигли владений будинов, т. е. и те, и другие находятся к востоку от Дона. Затем персы идут дальше на восток и... оказываются у реки Оар, которая находится к западу от Дона! Невязка совершенно очевидна, но никто не задумался над ее причиной. Мы покажем ниже, что причина проста: в тексте Геродота описка: следует читать

(в §122) «когда скифы перешли реку Днестр» и т. д. При этом предположении все недоразумения дальнейшего изложения отпадают.

Что такие описки возможны, доказывают два источника, которые, описывая войну имп. Деция на Дунае два раза вместо «Данубиос» упомянули «Танаис». Приняв такую поправку, мы получаем совершенно логическую картину дальнейших событий.

Перейдя Днестр, персы начали преследовать скифов, уходивших на восток. Инициатива направления была в руках скифов: чем далее на восток они уходили, тем далее на север, в область безопасную, уходили женщины и дети скифов. Далее продолжался поход по Скифии и Савроматии.

«§ 123. На всем пути своем через Скифию и Савроматию персы не находили ничего для истребления, так как страны эти были заранее опустошены; но, вторгшись в землю будинов, персы напали на деревянное укрепление, которое было совершенно покинуто будинами, и сожгли его. Засим они продолжали путь всё дальше, по следам неприятеля, прошли землю будинов и вступили в пустыню (т. е. в безлесную степь, С. Л.). В пустыне этой вовсе нет населения; она расположена над страной будинов (т. е. к северу, С. Л.) и тянется на семь дней пути (т. е. не менее 260 км., С. Л.). Над пустыней обитают тиссагеты, в земле которых берут начало четыре больших реки». (Конец § 123 и весь § 124 были нами уже приведены).

О том как Дарий начал строить укрепление у реки Оар и вынужден был его бросить, потому что скифы попросту ушли, мы уже говорили.

«§ 125. Чрезвычайно быстрым маршем снова достиг Дарий Счисбии и здесь повстречался с двумя другими частями скифов; он гнался за ними, а скифы отступали перед ним на один день пути. Дарий преследовал их неотступно, а скифы, согласно своему решению, убежали в земли народов, отказавшим им в союзе...»

Дарий на обратном пути от Оара на запад вступил сначала в землю меланхленов, затем андрофагов и наконец невров; это показывает их распределение с востока на запад. До агафирсов он не дошел, ибо те решительно отказались пропустить через свои земли скифов, зная,

что за ними следом появятся персы. Скифы удалились в свои владения, обминувши земли агафирсов. Персы последовали за ними. Попытка Дария вызвать противника на бой не удалась. Но скифы начали частичные нападения, как днем, так и ночью.

Бессмысленность похода стала ясной Дарию и он начал отступление. Скифы отправили свою часть с савроматами под командованием Скопасиса вперед к Дунаю для переговоров с ионянами, охранявшими мост. Целью их было уговорить уничтожить мост и подготовить таким образом всему войску Дария ловушку.

Ионяне сделали вид, что начали убирать часть моста, прилежавшую к северному берегу. В это время слегка запоздавший Дарий, пожертвовавший малосильной частью войска, наконец явился и переход через Дунай состоялся. Обратный путь ознаменовался восстанием недавно покоренных гетов и поход Дария окончился совершенно бесславно.

Таким образом мы имеем довольно полную и точную картину похода Дария: далеко ли он простирался, сколько времени совершался и какие народы затронул. Единственным противоречивым местом является переход через Дон.

Мы показали его невероятность и возможность того, что здесь описка, следует читать «Днестр», как это вытекает из хода самого повествования. Так как Геродот нигде не упоминает переход через большие реки, то некоторые классические авторы, например Страбо, предполагал, что все события похода произошли между Дунаем и Днестром, т. е. в Бессарабии. Ошибочность этого взгляда очевидна, так как Геродот приводит места и племена, замешанные в походе, очень отдаленные от Бессарабии. Умолчание о переходе рек объясняется сжатостью изложения у Геродота. Там, где переправа через реку определила дальнейший ход действий, именно через Днестр, там он реку упомянул.

Кроме описания похода Дария Геродот оставил так-

же описание Скифии и ее жителей, которое дает нам дополнительные (и отчасти противоречивые) данные. Критическое рассмотрение их даст нам полную возможность установить где Геродот ошибается и где говорит правду.

ГЕРОДОТ И РЕКИ СКИФИИ

С реками Скифии, именно с Пантикапой, Гипакирисом и Герросом, у Геродота имеется большая и до сих пор неразрешенная путаница. Что именно, как, почему и кто напутал – узнать невозможно, но, думается, есть возможность установить, что на самом деле говорил сам Геродот, а это по-видимому и будет выяснением истины: ошибался (более вероятно) не Геродот, а его еще очень древние интерпретаторы, которые в Скифии не были, а судили только по тексту Геродота. Их лжепонимание и послужило причиной неясностей у «Геродота».

Ведь у нас нет ни малейших доказательств, что так называемые «Истории» Геродота дошли до нас (допустим в виде испорченного оригинала, возможно, что дело хуже: мы имеем только до известной степени точный пересказ Геродота. Если допустить это, – становятся понятными неточности, противоречия и просто ошибки «Геродота».

Установить истину невозможно, но всё же перед нами имеется логическая возможность: сопоставить данные Геродота о местах и народах в разных местах его книги с тем, что мы имеем на самом деле.

Как известно, Геродот перечислил 8 скифских рек:

Истер (Дунай), Тира (Днестр) Гипанис (Южный Буг), Борисфен (Днепр), Пантикапа (?), Гипакирис (?), Геррос (?), и Танаис (Дон). Кроме того, в тексте мы имеем и словесные указания: «пятая», «шестая» река и т. д. Этот порядок и буквальный счет рекам показывает на то, что, по-видимому, все три невыясненные реки расположены были к востоку от Днепра.

Это предположение наталкивается на такие препятствия: 1) некоторые значительные реки к западу от Днепра оказываются вовсе неупомянутыми, почему это? 2) и в тоже время к востоку от Днепра нет в действительности рек, достойных упоминания, наконец, 3) сопутствующие данные об этих 3 реках не соответствуют действительности. Чтобы верно понять Геродота, надо правильно понимать его терминологию и не вкладывать современного содержания понятий в его данные.

Прежде всего отметим, что Геродот не различал понятия «приток». Если приток какой-то большой реки был большим, он считал его, как бы отдельной рекой и только из дополнительных данных устанавливалось, что этот приток сливается с главной рекой. Поэтому из перечисления указанных 8 рек не явствует, что все эти реки были самостоятельными.

Далее следует помнить обстоятельства, которые могли привести при расспросах самого Геродота к ошибкам: во-первых, понятия «правая» и «левая» сторона реки у греков и у других народов были противоположными; греки, как народ морской, входившие в реки с устья, считали «правым» берегом тот, который у них был справа; местные же жители, спускавшиеся к морю, считали «правым» берегом тот, который у них был справа, т. е. противоположный греческому. Отсюда ясно, что при расспросах могла произойти большая ошибка.

Что это могло быть так, показывает практика современности. Существует приток Днепра – река Десна, многие усматривают в названии славянское слово и считают, что оно таково потому, что «Десна» по-славянски означает – «правая», т. е. что оно означает «правый приток», вовсе не замечая того, что река-то является левым притоком. Если такая ошибка могла случиться

в наши времена, то что говорить о времени более чем за 2000 лет! Кстати, однако, следует отметить высоту уровня современной науки, когда ученые не могут отличить правой руки от левой!!

Возможны, так сказать, и добросовестные ошибки другого рода. Птолемей в своей «Географии», как известно, приводит данные о длине и широте главных рек в их устьях. Согласно его цифрам устье Южного Буга, т. е. Гипаниса, оказывается восточнее устья Днепра, так как он присчитывает к длине Днепра и длину Днепровско-Бугского лимана; получается, что Днепр впадает в море западнее Буга. Комментаторы, не разбираясь да и вообще не зная действительной сути дела, берут голые цифры Птолемея и рисуют на карте, что Гипанис впадает в Чёрное море восточнее Днепра! Формально ошибки нет: цифры Птолемея это подтверждают, а в действительности мы имеем грубую географическую ошибку.

Подобную ошибку допустил Ф. Браун, 1899 в его классической работе, изданной Академией, откуда последовало множество ошибочных локализаций городов древности в Причёрноморьи.

Переходим к подробностям. О реке Пантикапе (§ 54) мы находим следующее: «За ними (за Гипанисом и Борисфеном, С. Л.) следует пятая река, по имени Пантикапа, текущая также с севера и также из озера; пространство между нею и Борисфеном занимают скифы-земледельцы; она входит в Гилею и, протекши через нее, сливается с Борисфеном».

Выводы можно сделать следующие: 1) Пантикапа текла восточнее Днепра, так как сказано «далее за ними», а перечисление шло с запада на восток, и прибавлено – «пятая», 2) текла она с севера на юг, 3) она протекала сквозь Гилею, 4) она впадала в Днепр и 5) пространство между ней и Днепром занимали скифы-земледельцы. Подробности об этих пунктах позволят нам иметь более точное представление о местоположении Пантикапы. Добавим, что название ее (как и Гипакирис) звучит весьма по-гречески, что говорит в пользу того, что река была близка к греческим колониям.

Отсюда следует, что искомая нами река современности должна удовлетворять указанным пяти пунктам. Здесь

мы сразу же сталкиваемся с противоречиями: восточнее Днепра нет притока его, который тек бы с севера на юг, пересекал бы Гилею и чтобы в этой области жили скифы-земледельцы, см. ниже, наоборот, всё это очень подходит к реке Ингульцу, притоку с западной стороны, с правого берега, о котором у Геродота нет ни слова. Невольно рождается мысль, что Пантикапа – это Ингулец, но это надо доказать. Поэтому дальнейшие дополнительные сведения мы будем рассматривать с точки зрения применимости к предположению, что Пантикапа есть Ингулец.

В § 18 (в переводе Мищенко) мы находим: «С переходом через Борисфен вступаем на ближайшую от моря землю, Гилею; выше ее живут скифы-земледельцы, которых живущие у Гипаниса эллины называют борисфенитами; самих себя тамошние эллины называют ольбиополитами. Следовательно, эти скифы земледельцы занимают пространство к востоку на три дня пути, простираясь до реки, именуемой Пантикапой и на север вверх по течению Борисфена на одиннадцать дней. Над ними простирается обширная пустыня. За пустыней обитают андрофаги, народ особенный, вовсе не скифский. Еще выше лежит настоящая пустыня: не живет там, насколько мы знаем, ни один народ».

Займемся анализом этого, весьма важного отрывка. «С переходом через Борисфен» – судя по предыдущему ходу изложения, переход мыслится с запада на восточный берег Днепра, ближайшая земля, т. е. на левом берегу Днепра, недалеко от его устья находится область Гилея (название показывает, что она была покрыта лесами), севернее ее расположены скифы-земледельцы. Кто живет в Гилее Геродот (что весьма странно) не указывает. Он говорит только, что скифы-земледельцы живут севернее Гилей в полосе в трех днях пути к востоку до реки Пантикапы (очевидно между Днестром и Пантикапой) и на одиннадцать дней пути к северу вдоль Днепра, – указание странное: не проще ли сказать – «между Днестром и Пантикапой», ведь обе реки текут с «севера» и их разделяет пространство в 3 дня пути.

Если принять этот вариант, придется принять, что Гилея располагалась там, где теперь сейчас находятся

«Алешковские пески», предположение весьма сомнительное, ибо ни сейчас, ни в прошлом здесь не было условий для роста леса. Словом (всех затруднений для понимания мы не будем перечислять), вариант с Пантикапой к востоку от Днепра весьма сомнителен.

Рассмотрим другой вариант, – она была к западу от Днепра. Дело в том, что Крашенинников, 1896, иначе переводит начало 18-го § и, возможно, его перевод более точен, чем Мищенко. Крашенинников переводит: «Если идти от моря и перейти Днепр, то первой страной будет Гилея». Сравнение показывает, что первый перевод нелогичен: зачем приплетать море, если естественно напрашивается: «если перейти Днепр к востоку».

Значит была какая-то причина, заставившая Геродота так высказаться. Это и объясняется тем, что локализация Пантикапы иная. «Если идти от моря» означает – если идти с юга и перейти Днепр, т. е. высадиться на его правом берегу, то этот участок суши при его устье будет Гилея, иначе говоря она расположена на правом берегу, ведь Днепр (см. карту) перед устьем течет почти прямо на запад.

Далее Геродот говорит о том, что «тамошние эллины называют себя ольбиополитами, следовательно скифы-земледельцы занимают пространство к востоку на три дня пути, стираясь до реки, именуемой Пантикапой», – из этих его слов вытекает, что слова «к востоку» относятся не к Днепру, а к Ольбии, ибо Ольбия была основным пунктом греков и речь идет в этой фразе о греках ольбиополитах.

Таким образом река Пантикапа находилась к востоку от Ольбии на расстоянии 3-х дней пути, что совершенно совпадает с положением притока Днепра Ингульца. Если же взять «3 дня пути» к востоку от Днепра – никакой реки вообще нет. День пути Геродот считал 36 километров.

Есть еще одно соображение, которое может разъяснить недоразумение с Пантикапой: устье ее, т. е. Ингульца, находится действительно **восточнее** устья Днепра, а поэтому при перечислении рек с запада на восток Ингулец действительно будет 5-й рекой по счету от Дуная. Ингулец также течет с севера и впадает в Днепр. Таким

образом неточность с Пантикапой можно считать выясненной. Но есть и дополнительные соображения, подтверждающие наш вывод и дающие дальнейшие подробности о сведениях Геродота.

Сказано, что Пантикапа входит в Гилею, и протекши через нее, сливается с Борисфеном. Этим самым положение Гилей определяется совершенно точно: она была по обеим сторонам Ингульца.

Гилея – означает «Лесистая» или, как иные предпочитают назвать, но неудачно, – «Полесье». Для лиц, незнакомых с местностью, возникает затруднение: в настоящее время в низовьях Ингульца нет решительно лесов, – какая же это «Гилея»? Всё объясняется просто: во времена Геродота лес был и в устье Ингульца, но теперь совершенно вырублен многочисленным населением, чему имеются многочисленные доказательства, которых мы не приводим потому, что имеется еще одно, перекрывающее их все, – и до сих пор в среднем течении, а особенно в верхнем течении его, сохранились наибольшие лесные массивы. Знаменитый «Чёрный лес» в окр. станции Знаменка является остатком колоссального лесного массива, распространенного в древности в бассейне Ингульца. В области его устья лес теперь, т. е. после более 2000 лет истреблен, но остатки «Гилей» еще имеются в верхнем течении Ингульца.

Если же мы обратимся к первому варианту понимания реки Пантикапы, то увидим, что на левой стороне Днепра на 10 км. к востоку в области его устья ни реки, ни лесов нет, а состав почв и растительность показывают, что лесов здесь и не было, здесь голая степь.

Имеется еще одно дополнительное соображение, еще более укрепляющее, что Пантикапа Геродота – это Ингулец; пространство между Ингульцом и Днепром на 11 дней пути, т. е. почти на 400 км. к северу вдоль Днепра, занимали «скифы-земледельцы», эта область действительно пригодна для земледелия, тогда как на восток от Днепра идут только луга и голая степь, пригодные больше для кочевников.

Таким образом мы можем принять с полной уверенностью, что: 1) Пантикапа это Ингулец и 2) что ски-

фы-земледельцы» занимали в основном ту огромную излучину Днепра, которую мы имеем в его нижнем течении на восток, и которая в грубых чертах может быть отграничена линией Черкасы-Николаев и Днепр на востоке.

Перейдем теперь к рассмотрению особенно запутанного вопроса с реками Гипакир и Геррос. В § 55 мы находим: «Шестая река, Гипакирис, начинается из озера, течением своим разделяет землю скифов-кочевников пополам, вливается в море подле города Каркинитида, причем правой стороной ограничивает Гилею и так называемый Ахиллов Бег».

В § 56 мы находим: «Седьмая река, Герр, отделяется от Борисфена в том месте, до которого эта последняя река известна. Он отделяется в этой области и носит такое же название, как и самая область Герр; на пути к морю разграничивает земли скифов-кочевников и царственных; изливается Герр в Гипакирис».

Вот, в сущности всё, что сообщает Геродот о Гипакирисе. Так как на сообщении Геродота опирались многие последующие географы, посмотрим, что сообщают они о Гипакирисе.

Помпонию Меля, описывая местности с востока на запад, говорит: «Ширина перешейка, отделяющего Понт (т. е. Чёрное море) от Меодиты (т. е. Азовского моря), доходит здесь до пяти миль. Поэтому земля сатархов и тавров имеет вид полуострова. Полоса земли между этим заливом и Меотидой называется Тафры, а сам залив – Керкинитским. На берегу его находится город Керкина. Близ этого города находится общее устье двух рек – Герра и Гипакириса, имеющих, однако, различные истоки и текущих с разных сторон. Герр течет между областью базилидов (т. е. царственных, С. Л.) и областью номадов, а Гипакирис – по самой области номадов».

Надо полагать, что речь здесь идет о Керкинитском заливе, находящемся в северо-западном углу Крыма.

Плиний Старший (§84) пишет: «...залив называется Керкинитским, река Пахирида, города: Навар, Керкина,

позади озеро Буг, соединенное каналом с морем. Сам Буг отделяется скалистым хребтом от Корета, залива Меотийского моря; в озеро впадают реки Буг, Герр и Гипакирис, которые стекают сюда из разных мест. Ведь Герр отделяет царственных скифов от кочевников, а Гипакир через области кочевников и гилеев течет по искусственному руслу в Буг, а по естественному в Коретский залив. Эта область называется Сендийской Скифией.

Из подробностей, сообщаемых Плинием, видно, что он располагал не только сведениями Геродота, но и имел другие, более подробные. Так как Плиний умер в 79 г. нашей эры, сведения его были по крайней мере на 500 лет ближе к современности.

Все изложенные сведения разных писателей древности имеют две особенности: 1) все они локализуют Гипакирис и Герр где-то в области Керкинитского залива и самой западной части Азовского моря, носящей теперь название Сиваша. Это чрезвычайно мелкая, почти не судоходная часть, изрезанная заливами, мелями и т. д. и несомненно сильно измененная со времени и Геродота и Плиния. 2) как бы не локализовать эти реки, все авторы древности сходятся в одном: реки эти служили границами между скифами-кочевниками и царственными скифами, а если это так, то речь может быть о реках больших, и отделяющих огромные пространства, ибо речь идет о кочевниках. Если же мы примем первый пункт, мы увидим, что все эти реки сконцентрированы на таком ничтожном пространстве, что говорить о кочевниках не приходится, — тут мы имеем полное противоречие.

Добавим к тому же, что в указанной малой области значительных рек теперь нет, нет и указаний, что здесь когда-то текли большие реки. Принято считать, что Гипакирис — это современная речка Каланчак, впадающая с севера в Каркинитский залив близко от его основания. Эта речка настолько незначительна, что ее обычно на картах не отмечают; нам кажется, что река Пахирида значительно с большей вероятностью может идентифицироваться с Каланчаком. Что за река была Гипакирис —

остается весьма темным и лучше всего ставить здесь вопросительный знак, чем что-то утверждать, не имея на то достаточных оснований.

Перейдем к рассмотрению, где текла река Герр. К данным, приведенным выше, присоединим еще гораздо более точные данные Птолемея, указывавшего долготы и широты интересующих нас пунктов.

Несмотря на то, что в этих данных много крупных ошибок, они ценны тем, что дают относительно верные данные, ибо ошибки обычно заключаются в исходных пунктах.

У Птолемея мы находим следующие данные:

- 1) устье реки Борисфена 57° 30' – 48° 30'
- 2) устье реки Керкинита 59° 40' – 48° 30'
- 3) за этим устьем следует перешеек, отделяющий Херсонес Таврический: береговая его линия у Каркинитского залива под 60° 20' и 48° 20', а у озера Вики (Бика) под 60° 30' и 48° 30'.
- 4) за перешейком у реки Керкинита у Меотийского озера:
 - 5) устье реки Пасиака 60° 20' – 48° 50'
 - 5). устье реки Вика (Бика) 60° 20' – 49° 30'.
 - 6) устье реки Герра 61° – 49° 50'.
 - 7) мыс Агар 63° – 49° 50'.
 - 8) устье реки Агара 62° 30' – 50° 30'.
 - 9). устье реки Лика 63° – 51° 30'
 - 10) "западное устье реки Танаиса 66° 20' – 54° 10'

Попробуем сделать некоторый анализ. Если мы обратимся к карте Азовского моря, то увидим, что начиная от перешейка линия берега уходит планомерно на север: у перешейка мы имеем 48° 30' широты, у устья Герра 49° 50' и в устье Дона 54° 10'. Таким образом общая тенденция нарастания широт у Птолемея верна.

Далее мы имеем точное указание, что река Герр и к западу и к востоку имела сравнительно отдаленные соседние реки, т. е. была совершенно обособленной рекой.

впадающей не в Гипакир и не совместно с Гипакиром в Азовское море. Значит всякие варианты, путающие Гипакир с Герром можно спокойно отбросить, как недоразумения, связанные не с Геродотом, а с состоянием его, дошедших до нас рукописей: могли быть протертые, неясные для чтения места, могли части страниц быть оторванными, могли появиться на рукописи пятна, искажающие текст и позволявшие только догадываться, что там было на самом деле и т. д.

Вспомним, что труды Птолемея, Тацита и др., на много столетий более молодые, дошли до нас в таком состоянии, что до сих пор некоторые места Птолемея совершенно невыяснены, тем более это касается эпохи до нашей эры.

Положение реки Герра уточняется упоминанием реки и мыса Агар, расположенных далее на восток по берегу Меотиды. Если мы обратимся к карте, мы увидим вдоль северного побережья по крайней мере четыре резко выступающих в море мыса, удлиненных песчаными косами. Который из них был мысом Агар выясняется не только наличием значительной реки около, но и тем, что река текла западнее мыса. Такому положению соответствует речка Обиточенка, у мыса же следующего далее на восток, Бердянской косы, речка течет восточнее его. Есть еще одно соображение в пользу того, что Агар – это Обиточенка, а не речка Берда. Наши изыскания о походе Дария показали, что Дарий физически не мог за то время, которое было в его распоряжении, продвинуться так далеко на восток, как принимают, даже речка Обиточенка является пунктом, который мы принимаем без сомнения, – ведь поход совершался в условиях боя. Далее, сарматы убегали на восток к Дону, намеренно заманивая персов, как можно далее и, конечно, они убегали не по прямой дороге, – их целью было, как мы знаем из плана, описанного Геродотом, вымотать персов, а затем уничтожить. Поэтому, чем ближе пункт к западу, где Дарий повернул назад, тем более вероятно, что данный пункт принят нами правильно.

Таковы соображения, касающиеся устья реки Герр,

– оно несомненно западнее реки Обиточенки. Имеются также данные и об истоках реки Герр, что позволяет еще больше уточнить что это за река.

Мы уже приводили выше §56 Геродота, там сказано, что Герр «отделяется от Борисфена» и на пути к морю разграничивает земли скифов кочевников и царственных скифов. Если понимать это место буквально, получается, что Герр – это рукав Днепра, направляющийся к морю, таких рек, с расстоянием в сотни километров между их рукавами мы вообще не знаем. Ф. Браун, 1899, разъяснил, что понимать место это надо иначе: Герр не «отделяется» (как переводят), а «отделен». Речь идет о местности (именно стране Герр), где Днепр и Герр сближены, их в сущности отделяет страна Герр, это место, – до которого течение Днепра было известно грекам, т. е. до района порогов.

Сопоставляя данные об устьи и истоках реки Герр, мы должны заключить, что это современная река Молочная, впадающая теперь в «Молочное озеро», а во времена Геродота имевшая прямой доступ к морю. Мы видим на огромном количестве примеров, что заливы в Чёрном море (лиманы) обычно имеют в своем основании реку, наносы реки при смещении с морской водой быстро оседают и у входа в залив образуется коса, его закрывающая. Таким образом у каждого входа в залив образуется озеро. С обмелением рек такие озера совершенно отделяются от моря. Таковы лиманы около Одессы: Хаджибеевский, Тилигульский и множество других по всему побережью от Дуная и до Кубани, к таким лиманам относится теперь и «Молочное озеро».

Подведем итоги: река Пантикапа наверное Ингулец. Река Гипакирис остается под вопросом, хотя возможность того, что это Каланчак весьма велика. Река Герр почти наверное Молочная.

Заметим, что путаница не столько у Геродота, сколько у последующих авторов, в Скифии не бывавших и

относящихся к тому времени, когда греческие колонии вроде Ольбии были уничтожены и сведения о Причёрном море пошли на убыль.

Следует отметить не слишком-то объективное отношение к Геродоту со стороны комментаторов: некоторые прямо упрекают его в том, что он по незнанию приписал начало почти всех рек озерам, что, мол, он слышал что-то о существовании больших озёр вроде Онежского или Ладожского и приписал северным рекам вытекание из озёр.

Нам думается, что упрек совершенно не заслужен Геродотом: действительно многие реки вытекают из озёр. В частности Южный Буг наверное берет начало из озера. На большой карте, находящейся в нашем распоряжении, мы видим, что каждый из его верховьев, какое бы ни принимать за главное, до сих пор вытекает из небольшого озера.

Напомним, что и Волга вытекает из небольшого озера Волго, только об этом не знают или это не подчеркивают. Отметим попутно, что Волго – название со славянским корнем: «влага», «волога», влажность, «волопсть (укр.) говорит о влаге, воде. Так ли это или мы имеем случайное совпадение – сказать трудно, однако не исключена возможность, что имя Волги славянское, доказывающее, что славяне сидели в ее истоках издревле.

Сделаем теперь, выводы этнического характера. Согласно Геродоту в Скифии были разные народы: 1) скифы и 2) не скифы. Обе группы представляли собой два больших и разнородных комплекса.

Скифов можно было разделить на две подгруппы: 1) царственных скифов, собственно скифов и 2) скифов-кочевников, номадов. Этническая однородность их весьма сомнительна, – скифы-кочевники были очевидно племена, покоренные царственными скифами. Близкое сожительство (территориальное), а также сходный образ жизни объединял их. Скифы кочевники жили к востоку от Днепра в его нижнем течении и до реки

Молочной, далее к востоку шли владения царственных скифов, вероятно последние ограничивали первых и с севера.

Кроме этих скифов имелись еще две группы особых «скифов»: скифы-земледельцы и скифы-пахари; обе группы жили на Правобережьи, первые в южной, вторые в северной части; скифы-земледельцы специализировались на огородничестве, садоводстве, виноградарстве и полеводстве, скифы-пахари на полеводстве исключительно. Сколько можно судить, обе эти группы в основном заключали в себе славян, а также остатки других этнических групп, издревле бывших земледельцами.

Среди скифов-кочевников были и славяне, что подтверждается «Влесовой книгой», но основной массой вероятно были инородные племена во главе с «царственными» скифами.

НАРОДЫ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ ПО ГЕРОДОТУ

Ознакомившись с обстоятельствами похода Дария на скифов, уточнив положение некоторых рек в Скифии, мы получаем возможность более надежной критики и понимания данных Геродота о населении северного Причерноморья. Начнем с соседей скифов. Некоторый свет на их взаимоотношения бросает их ответ на предложение скифов помочь им против персов.

Геродот говорит: «Цари гелонов, будинов и савроматов единогласно обещали помочь скифам, напротив, цари агафирсов, невров, андрофагов, меланхленов и тавров дали такой ответ: «если бы вы первые не нанесли обиды персам и не начинали с ними войны, то нынешнюю просьбу вашу и нынешние ваши речи мы признали бы правильными. Но вы без нас вторглись в страну персов и владычествовали над ними всё время, пока угодно было божеству; теперь они по внушению того же божества отмеривают вам равную мерю. Что касается нас, то ни тогда мы не обижали этого народа, ни теперь не станем первые оскорблять его. Вот если бы персидский царь вторгся и в нашу землю и первый

обидел нас, мы тоже не остались бы в покое; пока же мы будем наблюдать и сидеть спокойно на своих местах; нам кажется, персы явились не к нам, но к виновникам нанесенной им обиды».

Из этого совершенно ясно, что перечисленные выше 5 племен были этнически чужды скифам, иначе приняли бы участие в их предыдущих грабительских походах на персов, очень долгих и удачных. С другой стороны очевидно, что географическое положение их позволяло надеяться, что Дарий пройдет мимо них и не тронет: тавры были к югу, а арафирсы, невры, андрофаги и меланхлены к северу от скифов.

С другой стороны три племени, решившие поддержать скифов, т. е. гелоны, будины и сарматы, имели какие-то особые основания для поддержки их, но не родственные, иначе и они были бы замешаны в предыдущих походах.

Относительно сармат дело обстоит довольно ясно: сарматы, как рассказывает Геродот, появились, как результат сожительства юношей скифов с женщинами амазонками. Когда их смешение оформилось, они поселились на 3 дня пути к востоку от Дона и на 3 дня пути от северного угла Меотиды, т. е. по крайней мере в 100 км. за Доном к востоку. Амазонки быстро научились языку своих мужей, но новообразовавшиеся сарматы плохо говорили по-скифски.

Конечно, не всему в этом рассказе Геродота можно верить буквально. Что зерно истины в рассказах об амазонках имеет, в этом сомневаться не приходится. В далекие времена мужчины какого-то племени (сейчас уточнять не будем) совершили далекий рейд к югу от Закавказья, рейд продолжался несколько десятков лет. Оставшиеся женщины вынуждены были вести государство сами и в конце концов обзавелись мужьями из чужого племени. В какой степени это достоверно, это не так уже и важно; важнее указание, что савроматы жили к востоку от Дона. Против этого положения, принятого многими, говорят многие обстоятельства: если бы это было так, то сарматы не могли за дальностью расстояния встретить Дария уже в самом начале похода (мы уже говорили об этом подробнее), а Геродот говорит, что

поход начался с преследования группы скифов, в которой принимали участие и сарматы. Далее сказано, что персы, пройдя Скифию и Сарматю, очутились в пустыне у реки Оара, но эта река, как мы выяснили совершенно бесспорно, находилась к западу от Дона, приблизительно на полпути между Днепром и Доном. Значит Сарматия лежала к западу от Оара. Наконец, мы знаем, что сарматы были кочевники, а потому не могли ограничиваться небольшими участками земли к востоку от Дона.

Сарматы принимали участие в предыдущих походах скифов на персов, а поэтому выступление их против Дария было обеспечено: Дарий собирался с ними расплатиться.

Иначе дело обстояло с талонами и будинами. У них не было счетов с персами. Причина их выступления очевидна: их земли находились рядом с землями или даже на пути к землям скифов и сарматов. Значит всё равно бед войны нельзя было избежать. Было совершенно ясно, что как бы война не кончилась, а персы уйдут; если гелоны и будины сейчас не поддержат скифов, то после ухода персов, те отомстят им сторицей. Это обстоятельство показывает, что гелоны и будины жили недалеко от морского берега, на пути к главным местопребываниям скифов.

После этих предварительных соображений обратимся к рассмотрению данных Геродота о разных соседях скифов. Начнем с тавров, в § 103 мы находим: «Обычай тавров таков: в жертву девственнице богине они приносят всякого эллина, потерпевшего кораблекрушение у берегов их или захваченного в открытом море, и поступают так: после предварительного освящения жертвы, бьют ее по голове дубиной; по словам одних, тело бросают вниз со скалы, на которой помещается святилище, а голову насаживают на кол; другие относительно головы сообщают тоже самое, говорят, однако, что туловище не сбрасывается со скалы, но закапывается в землю.

Сами тавры называют женское божество, которому

приносятся такие жертвы, Ифигенией, дочью Агамемнона. С неприятелями, попавшими в плен, они обращаются следующим образом: каждый отрезает неприятелю голову и уносит ее с собой домой, потом натывает на длинный шест очень высоко над домом, большей частью даже над дымовой трубой; по словам тавров, это – стражи, поднимающиеся в воздухе над целым домом. Живут тавры грабежом и войной».

Из этой неодобрительной характеристики видно, что между таврами и греками отношения были плохие, именно греки, плававшие мимо Крыма, страдали от нападений тавров.

Об этнике тавров можно сказать наверное, что они славянами не были: 1) у славян никаких верховных богинь не было, 2) тем более не было богини с совершенно неславянским именем Ифигения, да еще дочью Агамемнона, 3) человеческих жертвоприношений у восточных славян не было, о чем категорически свидетельствует «Влесова книга», а также русские летописи, отметившие, что жертвоприношения были новшеством, введенным Владимиром Великим и просуществовавшим самое большее 10 лет, 4) никаких святилищ-храмов и идолов не было, 5) занимались восточные славяне этой области главным образом скотоводством и земледелием и о пиратстве их нет никаких даже намеков, 6) нет никаких данных о твердой оседлости: домах, дымовых трубах и т. д., есть данные только о кострах, «дымах». Славяне могли жить и даже наверное жили в Крыму уже в первые столетия нашей эры, но отождествлять их с таврами нет никаких оснований.

К какой группе народов относились тавры сказать трудно. Указание, что они жили «грабежом и войной» маловероятно, так как для этого надо иметь соседей, чтобы было кого грабить. Позднейшие авторы указывают для Крыма какое-то племя сатархов, но не Геродот. Вероятнее всего, что Геродот отразил только отношения между таврами и колониями греков в Крыму: тавры нападали на греческие колонии, занимались при случае пиратством греческих судов, а также захватывали потерпевших кораблекрушение греков. Надо полагать,

что последний акт вообще отражал только скверные отношения между греками и таврами, а не свирепость последних.

Не были тавры ни киммерийцами, ни скифами, иначе это было бы непременно отмечено в истории по разным поводам. Нам думается, что тавры скорее всего принадлежали к фракийской группе народов, издавна сидевшей в северо-западном углу бассейна Чёрного моря.

Фракийцы (геты), соседившие с греками на протяжении многих столетий, имели много общего с греками, что было отмечено уже классическими греками. Поэтому наличие у тавров верховной богини с греческим именем и в какой-то связи с другим греческим героем является понятным. Равным образом понятным становится и пребывание в дальнейшем в Крыму гетов, т. е. тех же гетов. Наконец в Боспорском царстве много столетий господствовала династия Спартокидов с именами царей, одинаковыми с таковыми, что правили во Фракии. Высказывая это предположение, мы надеемся вернуться к детальному обоснованию его позже. Основной вывод тот, что тавры Геродота ни в коем случае славянами не были.

Обратимся теперь к гелонам и будинам, которые играют центральную роль в понимании данных Геродота (§§108-109):

«Будины – народ многолюдный, со светлоголубыми глазами и с рыжими волосами. В земле их есть деревянный город по имени Гелон. Каждая сторона городской стены имеет в длину тридцать стадий; стена высока, вся из дерева, равно как и дома и храмы будинов. Там есть святилища эллинских божеств с кумирами, алтарями и храмами из дерева, а в честь Диониса устраиваются там каждые два года празднества с оргиями.

Первоначально гелоны были те же эллины, удалившиеся из торговых городов и поселившиеся среди будинов. Одни из них говорят на скифском языке, другие – на эллинском. Хотя будины ведут такой же образ жизни, как и гелоны, **но говорят на языке особом**» (§ 108).

«§ 109. Будины, туземцы в этой стране, ведут кочевой образ жизни и одни из тамошних народов питаются

сосновыми шишками; гелоны, напротив, земледельцы, употребляют в пищу хлеб, занимаются садоводством и не похожи на будинов ни сложением, ни цветом кожи. Впрочем, у эллинов и будины **называются гелонами, но это неправильно**. Страна их изобилует разнородными лесами. В обширнейшем из лесов находится большое озеро, окруженное болотом и тростником. В озере ловятся выдры, бобры и другие животные с четырехугольными мордами; кожи их употребляются на опушку для кафтанов, а детородные ядра считаются у будинов целебными против маточной немочи».

Из изложенного видно, что как противоречивы данные Геродота: с одной стороны будины – кочевники, а с другой – страна изобилует разнородными лесами, значит негде кочевать; с одной стороны гелоны и будины ведут одинаковый образ жизни, а с другой – будины кочевники, а гелоны садоводы; с одной стороны они различные народы и по языку и по внешности, а с другой греки и будинов называют гелонами. Наконец главный город будинов называется почему-то Ге-лоном.

К счастью, неясности и неточности Геродота можно легко понять и объяснить, следует только рассуждать логически, а также принимать во внимание географические условия местности.

Прежде всего бесспорно, что будины и гелоны два, совершенно разных народа. Будины – наиболее многочисленный, местный, коренной народ, с особым языком и резко отличающийся от других народов своей внешностью.

Принимая во внимание всё вышесказанное, а также соображения приводимые ниже, мы теперь же можем сказать, что будины – это бесспорно племя славян древности. Это основной, коренной народ, занимавший огромные пространства леса, лесостепи и степи между Днестром и Днепром. Это лесной народ, с деревянными домами и городами, с озерами, в которых водились выдры и бобры, с разнообразными лесами; народ голубоглазый, светлокожий и со светлыми волосами.

Противоречивые указания Геродота, объясняются легко: будины занимали разнородные станции, одни, в

степях, выводили скот; другие, в полях, занимались земледелием, третьи, в лесах, рыболовством и охотой. Будины занимали течения целых рек, текущих, как правило, с севера на юг, а потому в связи с условиями местности изменяли и образ жизни. Отсюда разноречивость данных Геродота.

Неточности объясняются также и тем, что, как говорит сам Геродот, будинов путали с гелонами, вернее называли и тех, и других одним и тем же именем (может быть это было только прозвище вроде: «лесовики», «бродяги» и т. д.); но эта путаница приводила к тому, что особенности гелонов переносились на будинов. Так например Геродот пишет, что и храмы у будинов были деревянные. Несомненно это было бы так, но мы знаем, что древние славяне храмов не строили, – это указание относится к гелонам, которые были смешаны с греками, от которых они заимствовали и построение храмов и статуи и торжества в честь Дионисия и т. д.

Следует отметить подробность о будинах, на которую не обратили должного внимания: он говорит, что будины едят сосновые шишки, этого быть не может, так как они несъедобны. Но об основании этого сведения догадаться легко: речь идет о кедровой сосне, т. е. «кедровых орешках», которые являются лакомством и детей, и взрослых в северной, а отчасти и в средней России. Шишки кедровой сосны немного больше шишек обыкновенной, но содержат очень вкусные зерна. Очевидно информатор Геродота видел будинов, евших кедровые орешки, вылушивая их прямо из шишек, и решил, что едят они семена обыкновенной сосны.

Черта будинов, отмеченная Геродотом, показывает бесспорно, что будины ели завезенные с севера по рекам кедровые орешки, ибо в те времена кедровая сосна, сколько нам известно, на юге не росла. Это лишний раз подчеркивает связь будинов с лесами.

Что касается главного города будинов Гелона, то невольно приходит в голову не «Голунь» ли это «Влесовой книги», город, локализация которого не установлена, но очень похоже, что речь идет о каком-то укрепленном месте современной Подолии или южной Волыни. В дальнейшем мы приведем еще некоторые дополнитель-

ные соображения, а сейчас обратимся к данным «Географии» Птолемея. В § 15 мы находим: «гора Водин (Бодин, Будин разных списков) – 58° долг., 55° шир.». Сравнивая, мы видим, что устье Южного Буга было тоже под 58° долготы, а широта в 55° соответствовала восточному устью Дона – 54° 30', следовательно гора эта находилась на Правобережьи Днепра и не слишком-то далеко к северу.

В § 24 о будинах сказано: «...затем между певкинами (устье Дуная, С. Л.) и бастарнами (сев. Карпаты, С. Л.) – карпианы (восточные Карпаты, С. Л.), выше их (т. е. севернее, С. Л.) – гивин, далее бодины». Таким образом будины были не так далеко к востоку от Карпат, а их относят некоторые к Уралу!

Таким образом местоположение будинов устанавливается совершенно точно: на Правобережьи Днепра, главным образом в лесостепи (подробности далее).

Обратимся теперь к гелонам. Геродот прямо говорит, что это греки, удалившиеся от греческих городов и смешавшиеся с местным населением. Отсюда понятно, что одни из них еще говорят по-гречески, но другие (вероятно более молодое поколение) «по-скифски», т. е. на местном языке (но не на языке будинов!) Гелоны говорили по-разному всилу разных причин: во-первых, если родители были разноязычны, то дети могли говорить на языках и отца, и матери; во-вторых, в непосредственной близости к греческим колониям, где связь с греками была сильна, говорили конечно все и по-гречески, а в большем отдалении, где влияние господствующих скифов было сильнее, говорили преимущественно по-скифски.

Греки называли также такое смешанное население «миксэллинами». Естественно, что в таких семьях была смесь языков, религий и обычаев: отсюда кумиры, храмы, алтари, празднества Дионисия, с их оргиями и т. д., а с другой стороны строительный местный материал, не камень, мрамор и т. д., а дерево.

Из рассказа Геродота, однако, неясно с каким местным народом смешивались греки у самого побережья моря, образуя «гелонов». Скифы были пришельца-

ми. Будины были хозяевами страны, но вдоль побережья моря были многочисленны фракийцы-геты. Решение вопроса мы пока откладываем.

Перейдем теперь к другим племенам соседям скифов. Самыми западными к северу были агафирсы, они не были затронуты войной с Дарием. О них в § 104 сказано: «Агафирсы, напротив, отличаются самыми мягкими нравами и очень охотно носят золотые украшения. Женщинами агафирсы пользуются сообща с той целью, чтобы всем быть братьями между собой и родными и не возбуждать друг в друге ни зависти, ни вражды. В остальном они походят на фракийян».

По-видимому это было одно из фракийских племен, расположенных в Прикарпатьи и в самих Карпатах, в восточной их части.

О неврах мы находим в § 105: «У невра нравы скифские. За одно поколение до похода Дария (совершился по новейшим данным в 514 г. до н. э., С. Л.) змеи вынудили их покинуть всю страну свою, именно: земля их произвела множество змей, а еще больше вторглось их из верхних (т. е. северных, С. Л.) пустынных земель, пока наконец жители не были принуждены покинуть родину и не поселиться с будинами. Кажется, что эти люди колдуны; по крайней мере, скифы и эллины, живущие в Скифии, рассказывают, что ежегодно, однажды в год, каждый невр становится на несколько дней волком, а потом снова принимает человеческий облик. Я не верю этим рассказам, но так говорят, и рассказы удостоверяют клятвою».

§17 невра" перечислены среди народов, живущих «вдоль реки Гипаниса, к западу от Борисфена», т. е. вдоль Южного Буга. Этим самым определяется и положение земель будинов, в земли которых будины вторглись с севера.

Действительно, различные источники, включая и «Влесову книгу», указывают на передвижение славянских племен в районе Карпат приблизительно в середине 6-го века до н. э.

Само собой разумеется, что объяснение невра (змеи) является выдумкой, чтобы прикрыть позорный факт, что какой-то народ выгнал их из их родной земли.

Известно, что примитивные народы панически боятся змей, поэтому такое объяснение было действительным, чтобы прикрыть истинную причину переселения.

Если приходится удивляться примитивности мышления людей 2000 лет тому назад, то не меньшего удивления вызывает «ученое» предположение, что, мод, это место надо понимать так: негры были изгнаны с родины племенем, которое имело своим тотемом змей. Поистине прогресса в человеческом разуме за 2000 лет не видно, очевидно, что у таких ученых вместо разума существует только тотем его.

Негры были, по-видимому, одним из северо-восточных славянских племен, вынужденных кем-то подвигаться на юго-восток; они осели среди будинов в верховьях Южного Буга. Родственность племен вероятно позволила совершиться этой операции без боев и неприятностей: свободной земли было достаточно.

Об андрофагах мы находим в §106: «Из всех народов андрофаги имеют самые дикие нравы; нет у них ни правды, ни закона. Андрофаги кочевники, одеваются по скифски, но язык имеют особый; они одни из всех тамошних народов употребляют в пищу человеческое мясо».

В § 18 мы находим, что за скифами-земледельцами, жившими между Ингульцом (Пантикапой) и Днепром, находится пустыня, очевидно «пустыня», в которую проник Дарий. **«За пустыней обитают андрофаги, народ особенный, не скифский. Еще выше (т. е. севернее, С. Л.)**

**лежит настоящая пустыня: не живет там, насколько мы
знаем, ни один народ».**

"Вот всё, что мы знаем об андрофагах. Этот кочевой народ исчез бесследно, установить его этнику невозможно. Одно можно сказать наверное, что это не были славяне. Они жили в полосе к западу от долготы Харькова, гранича с севера лесной областью. Далее уже шли сплошные леса, население которых грекам вовсе не было известно.

О меланхленах мы находим в § 107: «Меланхлены все носят черные одежды, откуда и произошло их наименование, а образ жизни ведут скифский».

В § 20 мы имеем: «Земли, лежащие к северу от цар-

ственных скифов, заняты меланхленами, народом особым, не скифским. Выше меланхленов, насколько нам известно, лежат озера и пустыня».

Очевидно меланхлены были особым народом, отличавшимся и от скифов, и от будинов, и от андрофагов и от тиссагетов. Где лежала граница, отделявшая их от тиссагетов, совершенно неясно. По-видимому тиссагеты были всё же севернее и восточнее меланхленов.

Мы видим, что соседи скифов были разными и между собой народами и отличались от скифов. Хотя некоторые из них и вели «скифский» образ жизни и одевались «по скифски», т. е. носили прежде всего штаны, и некоторые из них были кочевниками, – всё это были народы чуждые скифам.

Представление, что скифы были этнически чем-то единым, также совершенно не соответствует действительности. Скифами по сути были только «царственные» скифы, остальные народы, жившие в так называемой Скифии, были подчиненные им народы или соседи, находящиеся в сфере их влияния. Они тоже назывались «скифами» только потому, что были в подчинении у царственных скифов.

Теперь распределение племен в пространстве для нас становится гораздо яснее и понятнее. Обратимся к некоторым подробностям, которые могут сейчас стать гораздо более определенными, когда мы знаем уже основные черты распределения народов в северном Причерноморьи.

При описании Скифии Геродот в § 17 пишет следующее: «От торгового города борисфенитов (т. е. Ольбии, С. Л.), составляющего наиболее срединный пункт во всей приморской Скифии, первыми живут каллипиды, представляющие собой эллинов-скифов, выше их живет другой народ, именуемый алазонами. Как и последние, так и каллипиды во всем ведут такой же образ жизни, как скифы, но хлеб сеют и употребляют в пищу, равно как лук, чеснок, чечевицу и просо. Над алазонами обитают скифы-пахари, сеющие хлеб не для собствен-

ного употребления в пищу, но для продажи. Выше их живут невры. К северу от невов, насколько мы знаем, лежит пустыня. Народы эти живут вдоль реки Гипаниса, к западу от Борисфена».

Обращает на себя внимание то, что в данном отрывке нет ни слова ни о гелонах, ни о будинах, а речь касается как раз тех мест, где они жили, кроме того, в предыдущем рассказе нет ни слова ни о каллипидах, ни об алазонах, которые находились по пути следования войск Дария.

Можно думать, что Геродот пользовался двумя источниками своей информации, но с разной номенклатурой народов. По-видимому «гелоны» одного источника это «каллипиды» или «миксэллины» другого: и те, и другие являются смесью пришельцев греков с местным населением в приморской части.

Алазоны по-видимому тоже самое, что и будины: невры находятся к северу от них и всё это находилось (невры) в истоках Южного Буга.

В § 52 положение алазонов уточнено: «Тира (Днестр) и Гипанис (Южный Буг) сближаются своими излучинами подле земли алазонов; дальше обе реки делают новые повороты, и разделяющее их пространство становится шире». Местом сближения является линия, соединяющая теперь Завалье на Буге и Рыбницу на Днестре.

Вдоль Южного Буга от устья жили каллипиды (иначе гелоны), далее к северу, во всяком случае в районе Завалья жили алазоны (вероятно будины), далее к северу, вдоль той же реки, жили скифы-пахари (тоже вероятно будины) и в истоках реки – невры; далее шла «пустыня», т. е. неизвестная грекам земля.

О скифах-пахарях сказано довольно нелепо, что хлеб они сеют не для собственного употребления в пищу, а для продажи. Конечно, это неудачное выражение и только. Скифы-пахари, конечно, ели хлеб, но предпочитали продавать его, а не просо, которое они также ели, ибо за зерно греки давали им гораздо более выгодную цену, чем за просо и другие пищевые продукты.

В отношении каллипидов мы позволим себе сделать два примечания: во-первых, греческое название отнюдь не значит, как думают некоторые, – «прекрас-

ноконные», – было бы «каллигиппы»; во-вторых, существует предположение, что «каллипиды» на самом деле испорченное «карпиды», т. е. карпы, – прикарпатское славянское племя. Об этом мы говорим подробнее в другом месте.

Остается сказать еще несколько слов о народах к востоку от тиссагетов. В § 22 мы находим: «... в смежности с ними (т. е. тиссагетами, С. Л.), в тех же самых местах, живет народ, носящий название иирков (вероятно имя искажено, С. Л.), живущий также охотой... Над этими народами (т. е. к северу, С. Л.) до направлению к востоку живут другие скифы, прибывшие в эту местность по отделении от царственных скифов».

Это место свидетельствует о том, что скифы при появлении в этих местах пришли с юго-запада и распространились на северо-восток (одна их группа, уклонившаяся от Причерноморья), связать их с каким-то народом пока не представляется возможным. Интересно то, что для Геродота это были «скифы», а не «сарматы», следовательно скифы могли быть и восточнее сарматов.

В § 23 находим: «До владения этих скифов вся пройденная нами страна представляет равнину с глубоким черноземом, начиная же отсюда земля камениста и неровна. Если пройти значительную часть и этой неровной страны, то встретимся с обитателями подножья высоких гор...»

Это указание Геродота очень ценно: до земли «отдаленных скифов» земля представляет собой глубокий чернозем, значит достаточно взять почвенную карту, чтобы выяснить приблизительное положение земель иирков и «отдаленных скифов», но это конечно и в-голову не придет историкам.

Каменистая же земля – несомненно предгорья Урала. Упомянутая далее и сами горы. Интересно, что в этом описании нет ни слова о будинах, что совершенно противоречит одному спорному месту у Геродота, о чем речь будет ниже.

Жители каменистой части и предгорий назывались «плешивыми» или агрипеями.

В § 24 мы находим: «Страна до этих плешивых и народы по сю сторону ее живущие **хорошо известны**.

К ним ходят некоторые скифы, от коих, равно как от эллинов из торжища Борисфена и прочих торжищ на Понте, можно легко добыть сведения. Кто из скифов посещает их, тот пользуется для своих деловых сношений семью переводчиками и семью языками».

Это указание ценно тем, что показывает многоязычность этих земель даже во времена Геродота, т. е. по крайней мере за 500 лет до нашей эры. Замечательно и то, что Геродот подчеркивает хорошее знание этой области греками. Очевидно Дон позволял легко проникнуть глубоко в упоминаемые тут земли, но, на удивление, нет ни слова о Волге. Это лишний раз показывает, что мирок греков тогдашнего времени был сравнительно очень мал и что напрасно комментаторы приписывают им гораздо более широкий кругозор.

Мы набросали довольно ясную картину распределения народов в северном Причерноморьи во времена Геродота. Обратимся теперь к рассмотрению некоторых его данных, которые противоречат набросанной картине и попытаемся выяснить где и в чем Геродот ошибается.

В § 21 мы находим: «По ту сторону Танаиса нет более Скифии; первая из тамошних областей принадлежит савроматам, которые занимают пространство в 15 дней пути, начиная от угла Меотидского озера по направлению к северу (т. е. на 540 км., С. Л.). Вся эта страна лишена диких и садовых деревьев. Над ними (т. е. севернее, С, Л.) живут будины, занимающие второй участок земли, весь покрытый густым разнородным лесом.

§ 22. Выше будинов, к северу от них, лежит прежде всего пустыня на протяжении 7 дней пути, а за пустыней больше всего в восточном направлении живут тиссагеты, народ особый и многолюдный; средства к жизни добывают они охотой».

Получается таким образом, что за Доном степную, безлесную часть занимали кочевники-сарматы, а лесную, более северную – будины. Некоторые комментаторы

помещали будинов даже на Каме. Таким образом будины оказывались одновременно в Прикарпатьи и Приуральи. Последнее является безусловной ошибкой.

Бросается в глаза, что группа географических сведений (именно последовательность: Скифия–Сарматии – Будиния – пустыня в 7 дней пути, за которой следуют тиссагеты) **повторяется два раза**, но с разными географическими местоположениями!

Совершенно очевидно, что один из вариантов неверен. Нам необходимо установить именно какой неверен. Неверен второй вариант, относящий местоположение будинов за Доном, далеко к северу.

Интересно, что всё содержание §§21 и 22 **верно** за исключением одного слова («будины»). Оно является почти слово в слово повторением того, что было сказано в первом варианте о походе Дария. Произошла какая-то **техническая ошибка** с текстом, вероятно сделанная переписчиком.

Если бы мы приняли второй вариант местопребывания будинов, то мы вынуждены были бы принять совершенно фантастический вывод: в § 123 сказано – «на всем пути своем через Скифию и Савроматию персы не находили ничего для истребления... но, вторгшись в землю будинов, персы напали на деревянное укрепление... и сожгли его. Засим они продолжали путь всё дальше, по следам неприятеля, **прошли землю будинов и вступили в пустыню**».

Таким образом персы оказались за Доном на огромном расстоянии, – одна только земля савроматов занимала 15 дней пути! А будинов? А пустыня? А в результате, остановившись в «пустыне» они оказались на реке Оар, впадавшей в Азовское море, еще далеко **к западу от Дона!**

Вся эта фантастика легко устраняется, если мы допустим ошибку в одном только слове («будины») второго отрывка. Итак, все недоразумения, связанные с данными Геродота устраняются при допущении описок в двух словах: 1) вместо «Данастрис» было написано «Танаис»; 2) вместо неизвестного слова (возможно было неразборчиво написано в оригинале) было написано «будины».

Все комментаторы Геродота не изучали его целиком, а выхватывали отдельные места и пользовались ими, не считаясь ни с логикой, ни с другими данными того же Геродота, – отсюда непонимание того, что собственно сказал сам Геродот. Ошибки переписчиков и взваливали на Геродота.

Мы рассмотрели данные Геродота подробно и полностью, и выяснили, что достоверность сообщаемого им весьма высока, недоразумения в тексте только кажущиеся и обусловленные ошибками переписчиков.

Следует также не забывать путаницы, существующей с понятием «Сарматия»: одни авторы считали, что Сарматия была к востоку от Дона; другие, что Сарматия уже начиналась к востоку от Вислы и принимала две Сарматии: Европейскую (к западу от Дона) и Азиатскую (к востоку от него). Из данных Геродота выясняется, что начало Скифии на западе было у Дуная, далее шла Сарматия очевидно земли царственных скифов), а севернее Скифии и Сарматии собственно была «Будиния».

Обратимся теперь к самим скифам. Мы показали, что в Скифии (как географической единице) жили и нескифские племена; Геродот перечислил их по крайней мере 8.

Собственно скифы делились на две группы: кочевников и оседлых. Скифы-кочевники разделялись на две подгруппы: 1) «царственных скифов», скифов завоевателей, по-видимому иранцев (они не были очень многочисленны, но господствовали) и 2) просто кочевников или номадов, среди которых несомненно были и кочевые славяне, упоминаемые во «Влескниге».

Оседлые скифы делились на «скифов-земледельцев» и «скифов-пахарей».

Таким образом среди настоящих скифов, представлявших собой вероятно какое-то политическое целое (отсюда и их общее название), имелось 4 больших группы. Этнически они не были едины.

«Царственные» скифы были народом-победителем,

подчинившим себе силой оружия местных жителей, будучи пришельцами. Местные же жители были, как оседлыми, так и кочевниками.

Мы знаем, что скифы появились в причерноморских степях приблизительно за 700 лет до нашей эры, разгромив местных киммерийцев. Часть киммерийцев бежала, а основная часть очевидно осталась, ибо киммерийцы были народом огромным, и подчинилась скифам; это по-видимому и были «нецарственные скифы».

Бежать все они не могли, ибо были народом оседлым преимущественно и земледельческим. Жили они в степной и лесостепной зоне, доступной постоянно скифам-номадам, не выпускавшим их из своего повиновения. Это обстоятельство и послужило основанием того, что и их стали считать «скифами», но, так сказать, второго сорта.

Царственные скифы рассматривали остальных как своих рабов или во всяком случае подчиненных, хотя несомненно это имело действительную силу только в первое время после завоевания; в дальнейшем несомненно подчинение было скорее номинальным, чем действительным, либо не имело строгого характера.

Вместе с утратой политической независимости киммерийцы утратили и свое имя: оно исчезло с этого времени со страниц истории. Однако, это вовсе не значит, что весь киммерийский народ исчез с лица земли.

Мы не можем никак согласиться с тем представлением, что, мол, откуда-то появлялись целые новые народы и совершенно стирали старых с лица земли. Изменялось на самом деле только большей частью политическое равновесие: одни народы приобретали политическое значение, другие его утрачивали. Менялись группировки, менялись имена, но народы, как таковые, не исчезали с лица земли бесследно.

Возьмем пример из современности: до последней войны существовало много веков государство Сербия; сейчас оно исчезло, будучи заменено термином – Югославия. Народ остался тот же, изменилось только имя.

История, далее, показывает примеры, что народ на

века утрачивает свою политическую самостоятельность, как например Чехия, но затем вновь возрождается к независимой жизни.

Бывало и наоборот, что народ-победитель с течением времени утрачивал свое политическое значение (напр, гунны, авары) и побежденный восставал как феникс из пепла (пример те же чехи). По-видимому тоже самое произошло и с киммерийцами: под ударом скифов часть киммерийцев, ведшая кочевой образ жизни, и по-видимому главенствовавшая, разбежалась по разным направлениям и в конце концов растворилась в среде других народов, часть же киммерийцев земледельцев перешла на роль подчиненных к «царственным скифам», тоже сделали и киммерийцы-кочевники, предпочитавшие подчинение бегству с родины,

Изменились взаимоотношения между народами, изменилась номенклатура, но особых этнических изменений не произошло. Таким образом мы должны принять, что «нецарственные скифы» в значительной степени были те же «киммерийцы», но только изменившие свое название из-за изменения политического положения.

Обратимся к рассмотрению «нецарственных» скифов и прежде всего группы «оседлых». Почему Геродот разделил их на «скифов-пахарей» и «скифов-земледельцев»? Разве «пахари» не «земледельцы» и разве «земледельцы» не «пахари»?

Мы полагаем, что в основе деления была не этническая разница и не политическая, а в форме народного хозяйства: чему в древности придавали большое значение, вспомним производственные цехи.

Скифы-пахари, говорит Геродот, производили зерно для продажи, т. е. были специализованными полеводами; скифы же земледельцы занимались преимущественно огородничеством, (лук, чеснок, бобовые и т. д.), садоводством и виноградарством (благодаря своему более южному положению).

Напомним, что виноградарство еще в начале прошлого столетия шло на север по крайней мере до Киева. Там существовала «Виноградная» улица, расположен-

ная по склонам, обращенным на юг, и мы имеем совершенно точные указания о киевском вине, производившемся из местного винограда.

При таком понимании терминов Геродота устраняется нелогичность его терминологии, а также объясняется почему нецарственные скифы делились на две группы.

В основном «пахари» по-видимому были невры, а «земледельцы» будинами. Двойственность названий, объясняется разницей в принципе подразделения. Невры и будины – это термины этнографии, пахари и земледельцы – это термины хозяйственной экономики.

Как бы то ни было, а нам приходится признать, что предки наши в 514 г. до нашей эры уже выступали на исторической сцене: будины, как племя, воевавшее с персами, невры, как племя вовлеченное пассивно в ту же войну.

Полезно будет также отметить, что основной магистралью торговли греков с местным населением был не Днепр, а Южный Буг; греки знали только нижнее течение Днепра до порогов; выше уже была почти «terra incognita».

Греки, по-видимому, далеко не проникали вглубь причерноморских степей: не было надобности, местное население само многочисленными речными путями доставляло в обмен свои продукты, греки же производили обмен в своих прибрежных колониях и эмпориях, т. е. временных базарах. Геродот ни слова не говорит о греческих купцах, его расспросные сведения основываются на показаниях «скифских» купцов. Именно те ездили по торговым делам вглубь страны.

Отметим, что мы принимаем начертание «Ольбия», а не «Ольвия», так как у греков не было звука «в». Ольбия означало – «счастливая», это именно название встречалось у греческих колонии и в других местах, например на Корсике и т. д.

Перейдем к итогам:

1. Наши исследования показали, что все предложенные схемы распределения народов в северном Причёрноморьи во времена Геродота в значительной мере ошибочны, ибо у авторов не было твердой отправной точки при географических расчетах. Если некоторые

схемы были ближе к истине, то это было результатом случая или верной интуиции, но доказательности не имели. В результате, до сих пор, мы имеем хаос мнений и ничего определенного, что отражается очень вредно на данных и развитии археологии.

2. Между тем такая отправная точка имеется. Это река Оар, бывшая крайней точкой к востоку, которой достиг Дарий в своем походе на скифов. Главные действия и большинство народов располагались к западу от указанной реки.

Геродот совершенно ясно указал, что река Оар и река Лик впадают в Меотиду, т. е. Азовское море, а между тем некоторые исследователи усматривают в реке Урал Оар Геродота, что переносит всё на много сот километров к востоку. Достаточно взглянуть в «Географию» Птолемея и мы найдем его указание, что река Агар и река Лик впадают в Меотиду. Совершенно очевидно, что «Оар» и «Агар» это два разных произношения одного и того же названия, но Птолемей сообщает о своем «Агаре» и подробности, позволяющие установить точно, что это река Обиточенка, а Лик река Берда.

3. В связи с этим можно считать установленным, что Дарий Дона не переходил; у речки Обиточенки, что на полпути между Днепром и Доном, он остановился, провел там несколько дней и затем повернул на запад, где и натолкнулся на главные действующие племена. Таким образом все упоминаемые племена были к западу от, примерно, долготы Харькова. Достаточно посмотреть на реки Урал, Волгу, Каму и Дон, чтобы понять совершенную ошибочность мыслей, что здесь-то и происходили события, — расстояния настолько огромны, что совершенно не осуществимы в условиях похода Дария.

4. Кроме этого, прямого указания о реке Оар, опровергающего место, где говорится о переходе Дарием Дрна, имеются следующие соображения, заставляющие нас безоговорочно отбросить сведение о переходе Дона. Мы знаем, что поход был пеший, мы знаем, что в распоряжении Дария был всего месяц, в самом лучшем случае. За этот срок Дарий физически не мог достичь Дона. Геродот сообщает, что от Дуная до Ольбии было 10 дней пути и столько же от Ольбии до Меотиды, до-

статочно взглянуть на карту, чтобы понять, что до Дона только было около 40 дней пути, пути мирного путешественника. А поход Дария совершался в условиях боя, при бездорожье, без помощи населения в отношении пищи и питья, без знания местности и т. д. Передвижение происходило пешком, груз перевозился на ослах и мулах; всё это надо было напоить и накормить, а шедшие впереди скифы засыпали колодцы, уничтожали всё, что только можно было уничтожить.

О том, чтобы достигнуть в этих условиях Дона не могло быть и речи; имеются и другие веские соображения против такого предположения, но мы их здесь опускаем.

5. Многочисленные противоречия, включая и утверждение о переходе через Дон, легко устраняются, если допустить опisku: вместо «перешел Днестр» переписчик написал «перешел Дон»; подобные описки уставлены в исторических рукописях. Этим фантастические представления, что будины жили в верховьях Южного Буга и одновременно на Каме (!) совершенно устраняются. Геродота упрекали в ошибках, но никто не потрудился подумать: не описка ли это переписчика.

6. Тщательный анализ данных Геродота приводит к заключению, что его «Скифия» была географическим понятием, отчасти политическим и еще в меньшей мере этническим. В Скифии жило много совершенно разных народов, часть этих народов подчинялась политически «царственным» скифам, а другая часть совершенно независима от скифов: только некоторые соседи (меньшинство) поддержали скифов в войне. Самых царственных скифов было не так уж и много. Мы имеем все данные полагать, что царственные скифы не были славянами.

7. Кроме «царственных» скифов, которые были кочевниками-завоевателями, были и «нецарственные» скифы, делившиеся на три группы: а) скифы-кочевники (по-видимому местные), б) скифы-земледельцы, т. е. почти оседлые местные жители, специализировавшиеся на земледелии, садоводстве и т. д., в) скифы-пахари, главным образом производители зерна. В этих трех группах, сосредоточенных на Правобережье, несомненно были и славяне и в значительном числе,

8. Кроме указанных групп скифов в-Скифии жили и свободные нескифские племена: в Крыму тавры (неизвестного этнического корня, но не славяне), ближе к предгорьям Карпат – агафирсы, по-видимому народ, фракийского корня, тяготевший к дако-гетам. Гелоны тяготели к Ольбии и были смесью пришельцев греков с местным населением (по-видимому тоже дако-гетским). Будины были несомненными славянами, занимавшими большую часть правобережной лесостепи. Невры были, также пришельцами славянами с северо-запада; они тяготели к истокам Днестра, северным Карпатам и Полюсью.

Андрофаги были каким-то кочевым народом особого корня, чуждым всем перечисленным. Наконец меланхлены тоже по-видимому были этнически далеки от других, они вероятно центрировались на Левобережьи.

В истоках северного Донца и Дона жило большое племя лесных охотников-тиссагеты, вероятно предки мордвы и т. д.

9. Данные Геродота показывают, что в его время на народы в северном Причерноморьи были не менее, если даже не более, разнообразны, чем теперь. Вывод чрезвычайно важный, ибо нас отделяет от этой эпохи почти 2500 лет, срок весьма значительный, показывающий, что сглаживание этнических границ (идущее теперь особо убыстренным темпом) в прошлом шло еще медленнее.

Этногенез, видимо, идет гораздо более медленно, чем мы думаем; зачатки славян наверное на много древнее, чем мы представляем; ко временам Геродота в восточной Европе уже господствовал целый паноптикум различных этнических корней, черезполосица народов была очень значительной; недаром Геродот отмечает, что между Доном и Уралом надо иметь 7 переводчиков, чтобы столкнуться с местным населением.

Мы не в праве представлять пеструю картину народов, как результат того, что протекало на глазах истории, история уже застаёт на месте такое разнообразие.

10. Добавим для полноты картины, что многие волны иммигрантов с востока на деле не были таковыми, не новые народы появлялись откуда-то, а всплывали

иные политические комбинации их (под разными именами), но это часто вовсе не означало появление новых народов: изменялось соотношение сил, к господству приходили иные группировки, часто, когда-то, покоренные народы снова возвращались к власти, но уже под другими именами.

Этническую пестроту труд Геродота показывает нам с полной ясностью, правильная этногеография позволяет нам многое понять в картине прошлого и, главное, верно связать с данными археологии.

В этом отношении труд Геродота в нашем освещении впервые дает более точные географические данные, чем принимали до сих пор.

МЕЛКИЕ ЗАМЕТКИ

О племени герулов

Слово «герулы», по-видимому, является искаженным. Дексипп, один из древнейших авторов, упоминавший это племя и лично принимавший участие в его отражении, называет его "elougoi" (с придыханием перед «е»), т. е. гелуры, а не герулы.

В дальнейшем авторы часто употребляли это слово и с перестановкой слогов, – явление обычное в филологии (хоть и нежелательное), в особенности, если дело идет об иностранном слове, напр., «мармор* почти, всех европейских народов у русских превратилось в «мрамор».

Это явление перестановки встречается, однако, и в родственных, например, славянское «сыроводка», т. е. вода из под сыра, у русских превратилось в уродливое и бессмысленное «сыворотка». Медведь русских у украинцев называется «ведмидь». Далее в одном русском говоре особый тип лодки называется «баркас» (более правильно: родственно с «барка»), а в другом – «карбас». Наконец русское «всё» у западных славян звучит «све», отсюда у одних мы имеем имя «Всеволод», а у других «Свевлад».

Дексипп не был одинок в такой терминологии:

Стефан Византийский говорил также: "Eluroi Skuthikon ethnos", т. е. гелуры, скифский народ. Этот же термин употребляли и другие авторы, писавшие по гречески, ибо это имело смысл и означало – «болотяники» от «ele», т. е. болото. Не забудем, кстати, что Стефан считал это племя «скифским» и что германцы скифами никогда не назывались.

Однако, авторы, преимущественно писавшие по-латыни, скоро превратили «гелуров» в «герулов», а дальше уже пошло механически: герулы, герулы и т. д.

Не забудем также, что Азовское море называлось в древности «Меотида» или из-за его мелкости просто «Болото». Прокопий Кесарийский часто так его и называет. Совершенно очевидно, что жителей побережья такого «Болота» будут называть «болотяниками».

Если мы обратимся к истории, то увидим, что напал на Грецию народ, живший по побережью Азовского моря, т. е. «болотники» или «герулы». Таким образом эти племена должны носить название «гелуры». Однако, совершенно ясно, что «болотники» жили не только по берегам Азовского моря, но и в других местах, где были большие болота, напр., на среднем Дунае, где еще-римляне производили огромные дренажные работы, были «болотники» и в Пелопоннесе и т. д.

В конечном результате историки приписали все сведения к какому-то племени герулов, приняв несколько разных народов за один. Эта типичная ошибка привела к бездумной раздутой теории миграций, согласно которой народы в древности переселялись на огромные расстояния с необычайной легкостью. У Птолема, далее, мы встречаем народ «трансмон-танов», т. е. «загорцев», но, ведь, ясно, что за разными горами будут и разные «загорцы», сколько гор, столько и племен «загорцев», даже вдвое, ибо для народа по эту сторону гор народ за горами будет «загорским», а для того народа этот народ будет «загорским» и т. д.

Вероятно на том же основании мы встречаем у славян в совершенно разных концах огромной площади такие одинаковые названия, как: «поляне», «древляне», «дреговичи» и т. д., это вовсе не значит, что в разных углах славянского мира имеются далеко разбросанные

группы одного и того же племени (возможность чего не исключена, но должна быть проверена), но что разные племена, жившие в одинаковых физических или географических условиях, получили и одинаковые названия: «жители полей», «жители лесов», «жители морского побережья» и т. д.

Так например «поляне» в Польше и «поляне» под Киевом, хоть и были славянскими племенами, но их никто не считал и не считает за одно и то же племя, а вот в отношении «гелуров» (они же герулы), то ни один историк не усумнился, что гелуры придунайские и гелуры приазовские совсем не одно и то же. Оно может быть так, но может быть и иначе, последнее имеет гораздо более вероятно. О таких вещах надо думать и конкретно проверять.

Дело обстоит иначе, если нам непонятно значение названия народа, а ведь, в большинстве случаев мы не знаем от какого корня и какого языка данное имя.

Если бы мы это знали, то вероятно поняли бы почему «иберы» существовали в Испании и на Кавказе, почему «албанцы» существовали на Балканах и на Кавказе, почему «галичане» существуют в Пиренеях и на Карпатах, почему «венеды» отмечены для Бретани, северной части Адриатики и низовой Вислы, почему, наконец, «рутены» были в Галлии и в Прикарпатьи и т. д.

В некоторых случаях мы всё же можем узнать историю происхождения таких одинаковых названий. В Испании существовала область «Gallaecia» (от «галл»), постепенно изменившаяся фонетически в «Galicia»; прикарпатская же Галиция происходит от города Галич и писаться по-латыни она должна «Halicia».

Этот пример показывает, что совпадение двух разных названий вовсе не означает тождества: одни – просто случайные совпадения (вроде Галиция), другие – результат фонетических ошибок, перестановок и искажений, третьи – обязаны одинаковому значению названия (болотники), четвертые – действительно те-же племена, но пережившие сложную историю и уцелевшие в удаленных друг от друга уголках.

Необходимо всегда исследовать терминологию и разобраться в ней путем привлечения разных дополни-

тельных данных. Если же этого не делать и считать, что, например, геты и готы одно и то же, то, конечно, можно превратить историю в собрание нелепостей (что и было сделано).

Обратимся к нескольким примерам, касающимся балканских славян. По левому берегу южной Моравы от места впадения в нее крупного притока до устья недалеко от Браницы (древний Виминациум) существовало племя оботритов или ободричей. Другое племя ободричей жило между Одером и Эльбой недалеко от побережья Балтийского моря. Некоторые объясняют название следующим образом: племя жило по обоим берегам Одры, отсюда – «об-одричи». В последующей передвижке племен добровольной или насильственной возможно, что ободричи и попали на левый берег южной Моравы (не северной, чешской).

Естественно, что кроме того, поскольку было две реки Моравы, было и два племени «моравов», но были ли оба из них славянскими – неизвестно.

Далее, на северном берегу Дуная недалеко от петли образуемой им у Орсовы жило племя северы. К северу и югу от вала, соединявшего г. Томи (ныне Констанца) с изгибом Дуная жило другое племя северы. Знаем мы также и племя севера в области Чернигова, в каких отношениях они находятся друг к другу также неизвестно. Кроме того, существовали и другие огласовки: севары, сиверы, сабиры, себиры и т. д. В каком отношении они были друг к другу – неизвестно.

К северу от упомянутого вала, но ближе к Дунаю и далее за ним до Днестра жили онглы, углы, угличи и т. д. в десятках вариантов. Можно думать, что часть этих вариантов объясняется эволюцией носовых звуков, например, древнее «онглы» превратилось в более современных «углов». Возможно, что «угличи» Нестора были тем же племенем, распространившимся до р. Орели и называемой также Угол, Угл и т. д.

К западу от Халкедонского полуострова жило племя драговичей или драгувитов – явный аналог белорусским «дреговичам». К востоку от того же полуострова жили «смолене», аналоги русских «смолян».

На севере Пелопоннеса жили «милинги» и «езериты»,

два достоверно известных славянских племени. Имелись также племена: «велетезичи», «войничичи», «сагудаты», «вайюниты», «коновляне», «берзиты» (очевидно от слова «берег»), ринхины (явно неславянское имя), «морваки», «родопы», «травуны», «струмяне» и т. д.; расшифровка и сравнение этих названий может дать очень интересные результаты.

Перевод географических названий, как причина путаницы названий древних племен и народов

Как известно, в древности народы часто назывались по реке, вдоль которой они жили. Нестор прямо говорит, что полочане назывались так по реке Полоте, на которой они жили, дальнейших примеров мы не приводим, ибо об этом говорили подробно в другом месте.

«Возьмем пример из иностранного автора, именно Адама Бременского (2, 10):

"Populi igitur Slavofium sunt multi, quorum primi ab occidente, confines Transalbanis sunt Waigri, eorum civitas Aldenburg maritima. Deinde sequuntur Obodriti, qui altero nomine Reregi vocantur et civitas eorum Magnopolis. Item versus nos Polabingi, quorum civitas Racisburg. Ultra quos Lingones sunt et Warnahi. Mox habitant Chizzini et Circipani, quos a Tholosantibus et Retharis fluvius Panis separat et civitas Dimine".

Бросается в глаза прежде всего термин «Transalbanis», что в переводе значит – «заальбианцы». Как известно, современную Эльбу, римляне называли «Alba», поэтому все авторы; писавшие по-латыни, и употребляли это слово. Между тем настоящее, неиспорченное, местное имя этой реки – «Лаба»; римляне переставили буквы согласно законам их произношения, а может быть просто желая осмыслить название: «Лаба» – ничего для них не означала, «Альба» – означала – «Белая».

Славяне же удержали верное произношение: отсюда название племени, жившего вдоль Лабы – «полабы». Таким образом одно и то же племя могло называться по-разному: римляне называли его «трансальбийцы», а славяне – «по-лабы». Звучание совсем разное, а суть одна и та же.

Отметим, кстати, что главным городом Багров, что следовали за «трансальбийцами», был Альденбург (во времена Адама Бременского, † 1076 г., но врядли мы ошибемся, что у славян он назывался «Старгород». Значение одно и тоже, а звучания совершенно разные.

Далее упоминаются оботриты или ободричи. Есть основание думать, что название это славянское и происходит от названия реки Одры (ныне Одер). Значение: живущие около Одры, по обеим ее сторонам. Так как Адам Бременский не знал значения этого имени по-славянски, то не мог перевести на латынь и вынужден был употребить коренное название.

Одра у римлян называлась – «Виадуга», можно думать, что «виадугарии», «видиварии» и другие варианты от этого корня являются синонимами «ободричей».

Ободричи назывались также «ререгами». Ререги – это было их настоящее племенное название, тогда как «ободричи» было названием этно-географическим.

Совершенно очевидно, далее, что их главный город назывался не «Магнополис», а «Велеград», – Магнополис – только перевод оригинального значения.

Поэтому, если бы попало название «велеградцы», – это значило бы, что речь идет о ререгах или ободричах.

Далее шли «полабинги», племя несомненно славянское – это «полабы». Интересно, что Адам Бременский не уловил значения этого названия по-славянски; если бы он это сделал, то употребил бы не «лабы», а «альбы». Главным их городом был очевидно современный Ратцебург, от славянского объяснения этого названия мы пока воздерживаемся.

Еще далее шли «лингоны» и «варнахи». Лингоны – очевидно – «лины», а начертание «warnahi» явно указывает на ошибку переписчика. Речь идет вне всякого сомнения о племени «варнавов», живших возле реки Варнавы, это подтверждается и тем, что в некоторых списках трудов древних авторов здесь стоит верное – «varnavi». Описка совершенно очевидна и ошибочное начертание должно быть изъято из дальнейшего употребления.

Далее идут «хижане», написание которых несомненно затруднило латинского автора, – он написал, не имея буквы «ж» – «chizzini», т. е. два «з» вместо «ж».

Однако, самым интересным является название «цирципаны», в нем никак уж нельзя заподозрить славян, а на самом деле речь идет о «запенянах», т. е. живущих за рекой Пена.

Адам Бременский называет ее тут же рекой Пана, его название является переводом названия «около – пеня-не». Но кто мог догадаться, что цирципаны и запеняне одно и то же?!

Город их назывался «Dimine», т. е. «Дымное»; если бы Адам знал значение славянского слова «дым», то он наверное изобрел бы название, похожее на «Фумоза» или что-то подобное.

Интересно сопоставить конец отрывка у Адама Бременского с отрывком у Гельмольда († 1170):

"Kyzini et Circipani cis Panim, Tholensi et Redari trans Panim habitant. Hi quatuor populi a fortitudine Wiltzi sive Lutici apellantur".

Отсюда видно, что «chizzini» Адама Бременского – это «kuzini» Гельмольда. Это дает представление о том, как различна может быть транскрипция славянского слова у двух латинских авторов.

Достоин внимания и то, что четыре названные племени имели из-за своей силы еще и особое общее название, но это название не было латинским, «Лютичи» для нас, совершенно понятно...«лютые», «свирепые», а значение, «вилци» еще точно не установлено.

А ЗАЩО НЕ ВЪЛЦИ-АЧ

О реке Дунай

Название реки Дунай одни считают кельтским, другие германским, третьи славянским, вернее же всего оно принадлежит какому-то пранароду, о чем мы будем говорить ниже.

Современные народы зовут реку по-разному: поляки, чехи, русские, болгары, украинцы зовут ее Дунай; сербы - Дунаво; хорутане – Дунава и Тонава (пример между прочим того, как «Д» и «Т» меняются места-

ми); венгры – Дуна; немцы – Донау. Других мы не принимаем во внимание, так как они несомненно употребляют заимствованное слово.

Древние греки предпочитали, правда в отношении только нижней части реки, имя Истер. Римляне называли: Данубиос, Данувиус, Дунавиус и др. варианты.

Сравнивая все эти названия, мы можем сделать следующие заключения: 1) и греческое, и латинское названия являются уже дальнейшим изменением первоначального названия, принадлежавшего народу не родственному ни грекам, ни римлянам; несомненно, что греки и римляне произвели перестановку первоначальных слогов: вместо «Ду-на» или «До-на» они употребили: «Да-ну». 2) в первом слог оригинального названия вероятно был дифтонг: «оу», поэтому одни выделили «о», другие «у» и получился слог: «До» или «Ду» или даже «То», 3) конечный слог упрощен, укорочен.

Надо полагать, что первоначальное название было «Дунава» или «Донава», затем произошло укорочение – «Дунав» (у болгар до сих пор), наконец «Дунай» по тому же правилу, по которому из «домов» получилось «домой», из «долов» получилось «долой».

Ударение, надо полагать, было на первом слог подобно подавляющему числу названий рек в северной России и средней Европе. Отметим кстати, что ни один изрод указанной области не может удовлетворительно объяснить названий рек из корней собственного языка, очевидно все они заимствованы из языка пранарода. Все они оканчивались на «а». Все они состояли, либо из двух, либо из трех слогов: Лаба, Одра, Трава, Висла, Спрева, Везера, Гавола, Дунава и т. д. и несли ударения непременно на первом слог. Проверка названий вроде Нева, Москва, Шексна, Двина, Онега, Печора и т. д. показали, что в древности все эти названия, равно как и Спрева, Везера, Гавола, Дунава и т. д. и несли ударения на первом слог, а произносящие ударение на других слогах делают это в силу руссификации и по незнанию. Называют так, как удобно звучит для их уха.

Очевидно и Дунава–Дунав–Дунай принадлежит народу-субстрату, на котором развились современные европейские народы.

В древности река носила два названия. Геродот, Вергилий, Корнелий Непот, Цицерон, Тибулл и многие другие называли реку Истер, применяя, однако, это название главным образом для нижней части реки. Иордан (XII, 75) считает, что название дали бессы.

Другие, например, Аристотель, Диодор Сицилийский, Цезарь, Овидий, Помпоний Мела, Страбон, Плиний, Тацит и многие другие, употребляли название Данубий (с вариантами), применяя его ко всей реке. Вряд ли приходится сомневаться, что настоящее название реки именно последнее, ибо охватывает ее от истоков.

Как мы видели выше, двойную и довольно неясную терминологию употребляли и греки, и римляне без особого различия в национальности. Так как Дунай течет на огромном протяжении, неудивительно, что народ, живший в нижнем его течении, дал ему особое название, отличавшееся от того, которое употребляли народы, жившие по его среднему и верхнему течению; к тому же была на это очевидно и другая причина. Нередко, когда сливаются две почти одинаковые реки и трудно сказать какая из них главная, а какая приток, происходит интересное явление: они теряют свои названия, а получают новое, общее, третье.

Так например в западной Европе Фульда и Верра сливаются и образуют далее Везер. На севере Сухона и Юга (неправильно называемая Юг) образуют Северную Двину. Тоже самое произошло, очевидно, с Дунаем: после слияния его с Дравой он стал называться Истром, однако, с течением времени одолело более правильное название.

Отрывок из Плиния Старшего (IV, § 78-79) очень интересен в этом отношении: «Теперь перейдем к описанию рукавов Истра. Он берет начало в Германии на вершине горы Абнобы, напротив галльского города Раврика, во многих милях от Альп. Он течет через бесчисленные народы под именем Дуная, сильно расширяясь, затем под названием Истра сначала омывает Иллирию, и приняв 60 рек, – почти половина их судходна, – устремляется шестью рукавами в море».

Итак, хотя Плиний сам называет всю реку Истром, он же указывает, что часть реки от верховьев до,

приблизительно, Иллирии называлась Дунаем, но дальнейшая часть реки до устья называлась Истром. Так как в этой части реки жили бессы, то понятно, что имя Истра могло принадлежать им, как это утверждает; Иордан. Бессы же принадлежали к очень древнему племени: Овидий, живший тут в начале нашей эры, говорил только о бессах, а сами они шли глубоко во тьму времен.

К сожалению, Плиний не говорит с какого точно пункта Дунай менял свое название. Можно думать, что с места слияния его с Дравой: во-первых, здесь начинается Иллирия, упоминаемая Плинием (Драва отделяла Иллирию от Паннонии, что примыкала к ней с севера), а во-вторых, Драва крупная река и здесь есть полная аналогия со слиянием Фульды и Верры и т. д.

В связи с этим (и в помощь этому) приведем отрывки из Гетики Иордана (V, 30): «Скифия граничит с Германией с того места, где вытекает Истр или простирается Мурсианское (Мурсианское) озеро; она простирается до рек Тираса, Данастера и Вогозола и великого Данапра и Таврических гор, но не тех, что в Азии, а особых, вдоль Меотического моря...»

Совершенно ясно, что восточной границей Скифии Иордан считал Крымские горы. На западе же она начиналась Истром и Мурсианским озером. Но где было это озеро и о каком начале Истра идет речь?

Дунай вытекает со склонов горы Абнобы и никакого озера у его истоков нет. В этой области имеется только Боденское озеро, называвшееся в древности – *Lacus venetus sive Brigantinus* (по городу Бригантию на его берегах), но из него вытекает Рейн. Так как область эта была отлично известна римлянам, то ясно, что речь идет не об истоках Дуная.

В другом месте Иордан (Гетика, V, 35-37) пишет: «Славяне имеют землю от города Новиедунума и так называемого Мурсианского озера до Днестра, на север до Вислы...»

Здесь снова упоминается тоже Мурсианское озеро, но дается и третий пункт – город Новиедунум.

Новиедунумов было по крайней мере 5: 1) в западной Галлии, 2) в восточной Галлии, 3) на берегу озера Леман, 4) в верховьях притока реки Савы и

5) недалеко от устья Прута. Первые три города отпадают из-за отдаленности. В отношении двух других исследователи почему-то колеблются, некоторые даже настаивают, что это был 5-й Новиодунум у Прута. Последнее предположение совершенно неприемлемо и приходится удивляться, как могли его высказывать люди, занимавшиеся вопросом специально.

Во-первых, это необыкновенно сокращает область распространения «склавинов», ограничивая их только Бессарабией. Если бы это было так, то Йордан сказал бы проще и точнее: между Поратой и Днестром. Во-вторых, мы знаем, что склавины древних авторов жили гораздо западнее, не к устью, а вдоль среднего течения Дуная. В третьих (взгляните на карту), указывая северную границу склавинов, он помещает ее в область истоков Вислы, т. е. далеко на запад по сравнению с их западной (если принимать припрутский Новиодунум), иначе говоря, в совершенно иной долготе. В четвертых, мы не знаем никакого Мурсианского озера в этой области.

Совершенно очевидно, что речь идет о 4-м Новиодунуме, расположенном недалеко от одного из южных притоков р. Савы, текущей почти параллельно Драве. Вся историческая традиция указывает, что область Савы и Дравы является одной из древнейших славянских областей. Есть все основания полагать, что «суавы» древних авторов, – это жители берегов Савы.

При таком понимании, т. е., Сава на западе, Днестр на востоке, Висла на севере (и очевидно Дунай на юге), мы имеем гораздо более правдоподобную картину распространения «склавинов». Даже северная граница (исток Вислы) при этом занимает нормальное положение, т. е. между востоком и западом, а не где-то совершенно в стороне.

Вдобавок мы находим и Мурсианское озеро. Оно по видимому связано с городом Мурса в этой области и заболоченной местностью, о которой сам Йордан говорит как о «так называемом озере». На старых картах здесь отмечены огромные болота и вместе с тем мы знаем о весьма крупных ирригационных работах римлян в этой области. Уже во времена Йордана это

было уже нечто только озеровидное.

Приходится удивляться, что до сих пор еще несмело подходят к данному решению, когда оно совершенно очевидно.

Мы привели этот пример, чтобы показать как необходимо точно знать географию и терминологию древности.

Заметим далее, что Страбон (Geogr. VII, 3, 13) считает, что Истр начинается уже от «катарактов», т. е., от «Железных Ворот». Птолемей же (III, 10, 1) считал начало Истра от г. Аксиуполя на правом берегу Дуная в том месте его нижнего течения, где он резко поворачивает к северу и течет в этой части параллельно Чёрному морю. По-видимому объем Истра, если так можно выразиться, всё сокращался по мере приближения к современности. Вероятно народы – носители имени Истра оттеснялись всё более к востоку, и с их исчезновением исчезло и имя Истра.

О «колунях»

Из статьи ак. З. Р. Неедлы (Славянский сборник, 1947: 90) мы узнаем, об интересной подробности строительства у чехов, несомненно отражающей старину.

«Еще в настоящее время, говорит он, чешские деревни можно разделить на два в основном различающихся типа. Первый тип называется по чешски (okrouhlice) (закругленные села) : здесь дома составляют круг, располагаясь около так называемой «navsi» (деревенской площади). Другой тип сёл называется «дорожными»: деревенские избы составляют ряд и стоят одна возле другой, вдоль дороги, которая проходит через всё село, с одного конца до другого, так что в этих селах отсутствует деревенская площадь.

Деревень того и другого типа в Чехии равное количество, и существуют они во всех чешских областях. При этом нельзя сказать, что какой-нибудь из этих двух типов позволял нам определить по нему ту или иную племенную область. Распределение обоих типов этих деревень зависело от характера местности, в которой они расположены.

Там, где были или еще теперь имеются лес, горы или холмы, преобладает первый тип села (закругленный), а в равнине – другой тип (дорожный). Поэтому, надо полагать, что причина той или иной формы села лежала не в племенном различии жителей, но в чем-то совершенно ином, а именно в обороне против врага. В лесах и в горах, откуда быстро и неожиданно враг мог сделать набег, и, следовательно, опасность нападения была большей, избы строились кругом, так как в такой деревне легче было обороняться, к тому же скот, согнанный на деревенскую площадь, находился сравнительно в большей безопасности. Наоборот, там, где было меньше опасности внезапного нападения врага, – в равнине, откуда было далеко кругом видно, – строили дома свободно, у дороги».

Даже принявши целиком основное положение ак. Неэдлы, мы никак не можем согласиться с его объяснением. Прежде всего совершенно очевидно, что линейное (дорожное) расположение села во всех типах местности менее выгодно для обороны, чем круглое.

При круговом расположении все, даже незначительные, силы села концентрируются и могут быть использованы для отражения врага, кроме того, линия обороны значительно короче и самые дома представляют собой дополнительную оборону.

При линейном расположении во всех случаях (внезапного или вовремя замеченного) нападения силы села растянуты, распылены и при защите одного конца деревни его защищает только часть населения, близкая к месту нападения, другая же остается неиспользованной, ибо, если она бросится на помощь, то ее конец будет совершенно открыт для нападения. Линия защиты в этом случае очень растянута, тонка и может быть легко прорвана.

Поэтому совершенно ясно, что если в плане построения села лежала защита от нападения, то круглое или вообще компактное построение было самым выгодным для защиты. Поэтому линейное расположение села ничего не имеет общего с идеей обороны. Не заслуживает внимания также мысль, что, мол, в равнине далеко видно приближение врага: враг мог воспользоваться

туманом, дождем, сумерками и т. д. и явиться под самое село, будучи вовсе незамеченным.

Далее линейное расположение неосуществимо в Холмистой местности или в горах, ибо общая дорога и подъезд к каждому дому должны считаться с удобством подъезда: слишком крутые подъезды вынуждают отклоняться от прямой линии, а прибегать к зигзагам или крупным дугам. Отсюда беспорядок в расположении домов в поселениях в горах; чем мягче рельеф, тем легче (и вероятнее) построение села дорожного типа.

Объяснение ак. Неудли грешит логикой ив отношении круглого типа постройки села. Именно в лесу или среди холмов враг имеет возможность приблизиться, и напасть неожиданно, тут округлость построения уже не поможет. Круглый тип построения имеет смысл, именно для равнины, где при нападении врага можно оказать ему сильное сопротивление даже будучи в меньшинстве.

Нам думается, однако, что вся основная предпосылка ак. Неудли является целиком ложной. Тип постройки села отражает главным образом общественные отношения среди членов села: круглое построение отражает наличие единой общины с **общим** хозяйством; дорожное построение отражает общину с **индивидуальными** хозяйствами. Дорожный тип не нуждается в общей площади для общего, коммунального скота, каждая корова, каждый конь идут в хлев каждого частного хозяина.

Надо иметь, конечно, в виду и историю каждого поселения: поселение круглого типа может принадлежать общине с частным хозяйством, но в **прошлом**, оно принадлежало общине с общим хозяйством. Поселение может быть очень старым, но устаревавшие дома заменялись новыми постепенно, план же поселения сохранялся старый в силу преемственности.

Таким образом в «дорожном» плане села мы усматриваем только новые поселения, не имеющие ничего общего с идеей защиты от врага и отражающие более новые формы человеческого сосуществования.

Что же касается круглого плана построения посе-

лений, то они несомненно, отражают и более старый тип. социальных отношений и вместе с тем частично и неспокойный быт старых времен с бесконечными распря-ми, как между собой, так и с соседями.

Весьма значительный процент круглых поселений в Чехии (50:50) заставляет искать сравнений, чтобы по-нять причину. В России: от Белого и до Чёрного моря, сколько нам известно, нет в настоящее время поселений круглого типа. Здесь существуют два основных типа: 1) беспорядочный – в местностях гористых или с -хо рошо выраженным рельефом и 2) линейный --= на равнине.

Однако, в древние и доисторические времена суще-ствовали иные типы поселений. Раскопки городищ по-казывают, что особенно растространенным был тре угольный тип поселений. Именно поселение распола-галось на мысу при слиянии двух рек. В этом случае Две стороны поселения защищали реки, третья обычно имела ров, стену или частокол с воротами для Проезда/ Совершенно очевидно, что подобные городища могли существовать только в местностях с развитым релье-фом. В отношении же местностей на равнине мы не имеем точных данных.

«Влесова книга» неоднократно упоминает о построй-ке или существовании «колуней», в которых Русь нахо-дила убежища. Самое слово «колунь» весьма вероятно происходит от слова «коло», т. е. круг и должно быть является вариантом чешского «округлице».

Было бы весьма интересно установить: 1) существо-вали ли круглые поселения в других славянских странах кроме Чехии, 2) как назывались они и не имели ли они сходства со словом «колунь», 3) какой формы были старые городища на территории древней Руси и вообще в северном Причёрноморьи в первые века нашей эры, именно в более равнинных местах, а не у рек.

Существование круглых поселений здесь теоретиче-ски весьма возможно, ибо, во-первых, это был удобный тип при коммунальном общинном хозяйстве (на пло-щадь в середине стогнялся на ночь весь скот и тем са-мим защищался от краж или грабежа), а, во-вторых,

круглая форма лучше обеспечивала защиту от врага в случае нападения. Исследования в этом направлении были бы очень желательны.

Об островах «Скандза»

Мы уже обращали в другом месте внимание на то, что сообщение Йордана о переселении множества племен из Скандинавии на материк Европы совершенно неверно: из Скандинавии некому было переселяться. Существует, однако, соображение, позволяющее до известной степени, если не принять, то по крайней мере понять, указание Йордана.

Дело в том, что говоря о Скандинавии («остров Скандза»), Йордан не совсем точно разбирался в географии местности и путал два понятия: 1) полуостров Скандинавию, о котором он не знал, что это полуостров, и 2) острова между Данией и Швецией, которые носили название «Скандинавских островов» или «Скандзов»,

Главными источниками своих сведений о «Скандзе» Йордан имел Птолемея, которого он прямо называет, и, должно быть Аблавия, когда он перечисляет около трех десятков племен, живших в Скандинавии (этих названий у Птолемея нет).

Птолемей (Книга 2-я, глава 11, § 16) в конце описания «Великой Германии» говорит и об островах, прилегающих к Германии: «к востоку от Кимврского полуострова (Ютландия, С. Л.) имеются четыре острова, называющиеся «Скандинавскими» ("dicuntur Scandiae) ; три из них меньше, средний из них имеет позицию: 41° 30' и 58°, четвертый же очень большой, направленный главным образом на восток к устью Вислы; крайние его части: на запад 43° и 58°
на восток 46° и 58°
на север 44° 30' и 58° 30'
на юг 45° и 57° 40'

Достаточно взглянуть на карту, чтобы понять о каких островах идет речь. Если под «Скандами» Птолемея понимать «Скандзу» Йордана, то показания его делаются гораздо более вероятными: на островах, есте-

.ственно, могло скорее произойти перенаселение, вызвавшее в дальнейшем эмиграцию. Конечно, места для людей хватало, но количество дичи, конечно, катастрофически падало, ибо не имело постоянного пополнения извне, что всегда имеет место на материке, а главное не хватало пастбищ для скота, который представлял собой главный источник пищи и богатства.

В этих условиях переезд на материк населения (конечно не всего!), и на короткое расстояние, населения знакомого с морем, не был затруднительным, тем более, что Балтийское море часто замерзает в особо суровые зимы. Это, конечно, значительно облегчало технику переселения на материк, притягивавший не только большими пространствами, но и более мягким климатом.

Так как «Скандинавских островов» на самом деле не 4, а гораздо больше (их имеется целый архипелаг), то возможность перенаселения на малых островах в особенности весьма вероятна, вместе с тем понятным становится и представление Йордана о Скандинавии, как об «утробе наций», выбрасывающей на материк множество разных племен: племен наверное было очень немного, но жители происходили с разных островов и островков и, естественно, несли на себе названия своих островов.

Таким образом избыток населения время от времени (и в ту эпоху, когда на материке еще было много пустующих земель) мог переселяться с островов на материк. В отношении же самой Скандинавии это не могло иметь места, как за достаточным местом там, так и за дальностью расстояния и трудности переезда племенам – неостровитянам.

Такие переселения, однако, могли иметь место только в самую раннюю эпоху, когда южная Прибалтика еще не была достаточно густо заселена. В дальнейшем такие переселения были прекращены, ибо местное население было достаточно густо и сильно, чтобы отбросить пришельцев.

Позднее избыток населения на островах стал находить выход в других формах: во-первых, молодежь шла на материк служить в войсках, где она отчасти гибла, отчасти оседала; во-вторых, дружины их занимались грабежом и пиратством, что давало им дополни-

тельный заработок, наконец, в-третьих, уже в самый поздний период, дружины организовывали целые походы на Англию, Францию и другие страны, где они оседали и даже образовывали новые государства.

Так как на материке еще не было постоянных, регулярных войск, а только народное ополчение или дружины-гвардии вождей, то при неожиданности нападения, силе его и хорошей организации, неудивительно, что пришельцы справлялись с местными дружинами. Что же касается самого населения, то ему частенько было безразлично кому платить дань: своему или чужрму вождю («хрен редьки не слаще»); пришельцы же, понимая шаткость своего положения, наверное, в некоторых случаях были мягче в отношении населения и более приемлемы, чем местные вожди.

Всё эти соображения, однако, не исчерпывают всех причин миграции, гораздо более вероятно представляет собой вытеснение островитян разными врагами.

В особенности это касается западных соседей жителей указанных островов. Иордан (§23) прямо говорит, что даны «вытеснили герулов с их собственных мест», кроме того, он приводит и конкретные данные, что вождь герулов Родульф вынужден был искать помощи у вождя готов Теодериха и погиб в битве около 494 г. (этот вопрос мы разбираем подробнее в другом месте).

По-видимому к подобному случаю относится и случай с лонгобардами, о которых Prosper Aquitanus (463 г.) в своей хронике сообщает, что около 382 года:

"Longobardi ab extremis Germaniae finibus Oceanoque protinus littore, Scandiaeque insula magna multitudine egressi et novarum sedum avidi Iborea et Ajone ducibus Vandales primum vicerunt".

Вместе с тем мы знаем, что Птолемей (конец 2-го века) знал уже лонгобардов между Везером и Рейном, а также «лаккобардов» (очевидно искаженное «лонгобардов») над Эльбой. Возможно, что это следы предыдущих переселений, вызванных натиском врагов главным образом с запада, начало знаменитого «дранг нах остен».

Когда же мы встречаемся с указаниями Иордана о переселении за 1500 лет до нашей эры, причем сохра-

нены даже имена вождей, можно сказать с полной уверенностью, что в отношении хронологии мы имеем дело с настоящей сказкой. Переселение, конечно, могло быть, но 1500 лет сразу надо отбросить.

Суммируя все, мы можем сказать, что возможность переселения небольших племен, групп островитян, "с островов между Данией и Швецией в начале нашей эры вполне возможно, но не из Скандинавии, которая тогда была почти не населена.

В этом процессе передвижения с островов Балтийского моря на материк несомненно приняли участие и славяне. На это мы имеем достаточно данных: во-первых, Йордан считал ругов, ран (несомненных славян) за «скандзов», во-вторых, руги удерживались на одном из балтийских островов (Рюгене) до конца 12-го века, в-третьих (о чем будет речь подробнее в другом месте) в германстве некоторых других племен, считаемых современными историками за тевтонов, есть данные сомневаться, в-четвертых, есть глухие указания на то, что остров Готланд в древности был населен славянами, даже до сих пор главный город острова называется Висби, польски «выспа» – это остров, из германских же корней название это совершенно необъяснимо.

Каким образом славяне оказались на островах Балтики совершенно неизвестно, но вопрос этот замолчать уже нельзя, он требует особого исследования.

О термине «Кавказ» в древности

В древности в термин «Кавказ» часто влагали совершенно иное содержание, чем теперь, поэтому при чтении древних источников при малейшей заминке в ясности следует проверять значение термина «Кавказ», если о нем идет речь.

Прокопий Кесарийский (Война с готами, кн. 4 (8), 3, 3-4) пишет: «Отроги Кавказских гор, обращенные к северо-западу, доходят до Илирии и Фракии, а обращенные к юго-востоку достигают до тех самых проходов, которыми живущие там племена гуннов проходят в землю персов и римлян; один из этих проходов называется Тзур, а другой носит название Каспийских ворот». Ве-

роятно проход Тзур – это Дарьяльское ущелье, а Каспийские ворота – проход у Дербента. Во всяком случае ясно, что слово Тзур – слово местное и может до известной степени показать кто жил в районе Дарьяльского ущелья во времена Прокопия.

Таким образом, согласно Прокопию, Кавказские горы распространялись от восточного побережья Адриатики до западного побережья Каспия. Теперь становится понятным почему русский летописец называет Карпаты – «Кавкасийские горы, рекше Угорьские». Иначе говоря, все горные хребты Балканского полуострова включались в понятие «Кавказ».

Теперь становится понятными выражение Флора (Flori epitoma, 1896, p. 94. ed. Roszbach) : "Volso Rhodopen Caucasumque penetravit". Речь идет о том, что Вользо, который шел из Дардании на восток, проник до Родопских гор и «Кавказа», очевидно Гема, т. е. собственно Балканского хребта. Здесь совершенно очевидно, что Балканские горы называются «Кавказом».

Очевидно слово «Кавказ» употреблялось не только в смысле собственном, оно было и нарицательным, обозначая вообще большие горы. Здесь мы имеем полную аналогию со словом «Альпы», имя которых также стало нарицательным: в Австралии, например, мы имеем «Грампианские Альпы».

Пример с Флором показывает возможность крупных географических ошибок и не только в комментариях современных авторов, возможно, что некоторые поздне-средневековые авторы допустили ошибку в интерпретации Кавказа.

Возможность ошибки увеличивается еще благодаря тому, что и на Балканах, и на Кавказе жили «албанцы». Такая же путаница имеется и в отношении «иберов» и т. д.

Попутно существует путаница и в отношении Керавнских гор или Керавн. Помпоний Меля (Античная география, сборник, 1953, стр. 226) пишет: «...В Каспийское море впадает много больших и малых рек. Отметим наиболее известные (кстати, о Волге не сказано ни слова! С. Л.). С Керавнских гор одним руслом

течет река Казий, при впадении в Каспийское море она делится на два рукава (по-видимому Кура, С. Л.). С гор Тавра течет река Араке».

В главе 3-й он пишет: «В Эпире нет ничего, что пользовалось бы большей известностью, чем Амбракийский залив... Затем идут горы Керавны, у подножия которых начинается побережье Адриатического моря».

В главе 19-й он пишет о Кавказе: «Здесь начинается длинная горная цепь, соединяющаяся с Рипейскими горами (безусловная ошибка, С. Л.). Она обращена одной оконечностью к Эвксинскому морю, Меотиде и Танаису, а другой – к Каспийскому морю. Горы эти называются Керавнами. Их называют также Таврическими, Мосхийскими, Каспийскими, Кораксийскими, Кавказскими».

Итак, Керавны существуют и на Балканах и на Кавказе. Добавим, что даже на великой Русской равнине имеется Кераунская возвышенность, – название устаревшее и вышедшее из употребления, но являющееся отголоском каких-то старых представлений и в прошлом имевшее несомненно большее употребление.

Таким образом «Кавказ», «Керавны» и т. д. древних документов требуют осторожности, равным образом и данные некоторых старых авторов должны быть проверены.

О заселении Балкан через Дунай

В борьбе Византии с «варварами» Дунай много веков играл роль государственной границы с севера, через которую, уже начиная со 2-й половины 3-го века (а несомненно и раньше), волны варваров перекачивали вглубь Балканского полуострова, нередко достигая берегов Эгейского моря. Однако, эти волны приливали и уходили назад: варвары с добычей или под натиском Византии уходили назад, но не сселялись на землях Балканского полуострова.

Мы не могли найти ни одного показания исторического источника, что варвары осели к югу от Дуная в качестве победителей навсегда. Мы имеем множество

данных, что Византия разрешала, на известных условиях, селиться на её землях, прежде всего разумеется при условии принятия византийского подданства.

Ни один исторический источник не говорит, что славяне просили разрешения у Византии поселиться. А между тем, к 8-му веку мы находим не только Балканы, но и Пелопоннес переполненными славянами. Как это могло случиться? Не свалились же славяне с неба. Возможны два предположения: славяне испокон веков уже были на Балканах, хоть и не под именем славян, а под частными племенными названиями, напр, стримоны и т. д., либо они поселялись исподволь, в течение веков опять-таки под своими частными племенными названиями, которые ничего не говорили об их славянском происхождении и таким образом ускользнули от недреманного ока истории. Наконец, возможно, что осуществились оба предположения.

Имелся еще путь пополнения населения: ведя бесконечные войны с варварами, Рим и Византия нередко выходили из борьбы победителями и угоняли к югу от Дуная десятки и даже сотни тысяч пленных. Среди этих пленных бывали и славяне.

Поселившись на территории Рима и Византии, эти пленные не романизировались, не сливались с местным населением, а сохраняли свой язык и обычаи, постоянно пополняясь новыми партиями пленных.

Такие «переселения» под видом пленных происходили в течение столетий, поэтому неудивительно, что

Балканский полуостров в конце концов оказался переполненным славянами, в особенности тогда, когда мощь Византии была сломана и толпы славян ринулись на юг.

Здесь они встретили своих соплеменников и здесь всплыло слово «славяне», ибо это были уже не пленники, а люди, бывшие политическим фактором.

Ниже мы постараемся подобрать факты, которые могут послужить материалом для суждения о существовании славян к югу от Дуная еще в первые века нашей эры.

1. Начнем с утверждения армянского историка 5-го века († 487) Моисея Корейского (Moses Chorenazi),

что «Фракийская земля представляет пять меньших областей и одну большую, где обитает **семь славянских племен**».

Совершенно очевидно, что указанный историк, описывая Фракию, касается не текущего момента, а эпохи гораздо более древней, ибо семь племен не могли появиться сразу, а потребовали много столетий для своего развития, если они не пришли в уже сформированном виде, но об этом история умалчивает. Вероятно это те же семь племен, с которыми столкнулся около 679 года Аспарух и о которых «Список болгарских князей» говорит, что князья их правили «остриженными головами» 515 лет.

К сожалению, - опираться в полную силу на данные Моисея Хоренского нельзя: до сих пор еще окончательно не решен вопрос о времени, когда он жил, некоторые авторы относят его жизнь значительно позже. В высшей степени печально и досадно, что мы до сих пор не имеем строго научного издания труда Моисея Хоренского, т.е. текста, сверенного по всем спискам, комментариев, а равно и сравнения с продолжателями. Академия Наук в Армении существует и не один год, но до сих пор она не познакомила западный мир с переводом и критическим изданием труда Моисея Хоренского, хотя бы на русском языке, если в Армении нет людей, способных перевести труд на один из европейских языков. Армянские исторические источники представляют собой исключительный интерес благодаря своей, так сказать, нейтральности: многое в освещении событий на Западе несомненно приобретет иное значение. Остановка за изданием армянских классиков, такое издание является бесспорно задачей Академии Наук Армении.

2. Ими. Проб (276-282), по свидетельству историка Зосимы (5-й век) (кн. 1, стр. 71), «приняв скифское племя бастернов, изъявившее ему покорность, поселил (его) в фракийских местностях, и они стали жить по римским обычаям». Как известно, бастарны были крупным племенем, обитавшим в районе Карпат, значение их одно время было настолько велико, что Карпаты назывались по их

имени «Бастарнскими горами». Птолемей (2-й век) локализует их между Днестром и Дунаем, т. е. главным образом в Бессарабии.

Некоторые источники прямо связывают бастарнов со славянами. Указание Зосимы вряд ли можно понимать так, что всё племя бастарнов переселилось к югу от Дуная, следует проверить – встречается ли это имя после 300 года к северу от упомянутой реки. Как бы то ни было, а то, что переселение было отмечено Зосимой, говорит о том, что переселена была значительная масса людей.

Далее следует помнить, что бастарны еще до начала нашей эры уже жили на южном берегу Дуная. Именно в 28 году до н. э. римский полководец Лициний Кресе, осуществляя постепенное овладение Римом всей территории к югу от Дуная, поддержанный одрисами, подчинил народы, пограничные с Македонией, а затем разбил бастарнов у реки Кеброс (современная Цибрица), притока Дуная с юга. Затем он разбил западных мезийцев и, наконец, нанес поражение артакийцам в центральном Геме, осуществив покорение всей области. Приблизительно через 100 лет завоеванная область была названа Мезией и превращена в римскую провинцию.

Прокопий Кесарийский в своем труде «О постройках» упоминает во Фракии и место «Бастернас», очевидно отзвук населявших поселение бастарнах. Мы не будем развивать здесь всей аргументации в пользу того, что бастарны были славянами (это мы сделаем в другом месте), отметим только, что и сам Зосима, и другие авторы называют их «скифами», а германцы скифами не назывались.

3. В 334 г. во время войны Константина Великого с дунайскими варварами произошло, не при совсем выясненных обстоятельствах, довольно примечательное событие. Геты с южного Дуная почему-то ударили на жителей северного берега. Те, будучи в затруднительном положении, вооружили своих рабов и отбросили гетов, но получившие в свои руки оружие рабы, которых разные писатели называли (*servi, duloi, oiketai*), взбунтовались против своих «господ» (*domini, sarmatae liberae*) и прогнали их

на южный берег Дуная. «Сарматы-господа» вынуждены были просить у имп. Константина разрешения поселиться на землях Византии, на что и получили согласие.

В результате более 300.000 человек перешли на южный берег Дуная. Что это был за народ – «сарматы-господа» мы не знаем, не знаем мы и национальности «сарматов-рабов», хотя очень много обстоятельств намекает, что последние были славянами. Во всяком случае 300.000 – цифра для того времени весьма значительная.

О «спорадах» и «борадах»

В так называемой "Chronicon Paschale" (1832, 1-2, ed. Dindorf, Bonn, I, 57), писанной в 7-м веке, имеется заметка, что кельты («кельтиоис») идентичны со «спорадами», о которых Прокопий Кесарийский (Война с готами, VII, 14, 29) говорил, что это было прежде общее имя для «склавинов» и «антов».

Таким образом к синонимам славян можно отнести и имя «кельтов». Разумеется, что не все кельты славяне, но что в некоторых источниках они названы кельтами – несомненно.

Напомним, что славяне и кельты имеют между собой нечто общее и коренное притом, например, только у этих народов существует два, одинаково принятых и законных оборота: можно сказать – «я имею» и «у меня есть». У всех других народов выражение «у меня есть» отсутствует. Эта своеобразная форма говорит определенно, что кельты и славяне не совсем чужды друг другу. Много общего у них есть и в верованиях, старинных обычаях и песнях. К сожалению, не нашлось до сих пор никого, кто изучил бы проблему родственности славян и кельтов глубоко и всесторонне.

Некоторые авторы, например Вернадский ищут сходства между «спори», «спорадой» и «спали» или «споли». Нам такая связь кажется совершенно искусственной и натянутой; если допускать такие «связи», можно будет найти «связь» между любыми словами. Этот метод филологической алхимии в 20-ом веке совершенно непригоден.

Мы склонны видеть возможность иной связи: «спо-

радой», по-видимому, были идентичны с «борадой» или «бораной» (в разных списках по-разному). Отвердение «п» в «б» – явление обычное в языках разных народов.

Равным образом и отпадение начального «с» в сочетании с другой согласной. Напомним, что слово «кривичи» целый ряд древних авторов передавал как «скри-вичи», напр., римский папа в грамоте к св. Ансгарю, «Влесова книга» совершенно ясно указывает, что прародительница кривичей называлась Скрева, отсюда «скри-вичи», с последующим отпадением буквы «с».

Касательно чередования «б» и «п» у разных народов напомним, что одни называют одно и то же озеро: «Балатонским», а другие – «Пляттензее». Таким образом особых возражений с филологической точки зрения в идентификации «спорадой» и «борадой» нет.

Однако, и это самое главное, имеются и исторические факты подтверждающие этот филологический вывод. Зосим (1, 42) говорит, что всю зиму 267-268 гг. на Днестре изготовлялись ладьи для нападения на Византию. Было изготовлено для похода 6000 ладей, в которых разместились герулы (т. е. вернее «гелуры» или «болотяники»), остроготы, визиготы, гепиды и кельты.

Уже самое место постройки (Днестр) говорит весьма в пользу того, что в походе принимали участие и славяне. С другой стороны мы имеем прямое указание «Хроникой Пасхале», что «кельты» были «спорадой», они же славяне.

Наконец, нам известно совершенно точно, что та же группа приднестровских народов за 10 лет до того, пригласив суда в зиму 257-258 гг., весной 258 года напала на западное побережье Византии и разграбила даже малоазийские города Халкедон, Никею, а в последующие 262-й и 264-й годы те же народы ограбили Каппадокию и Вифинию. Именно об этом последнем походе мы имеем точные данные, что главную роль играли «боравы» или по другой версии «бораны». Иначе говоря, те самые племена, которые назывались «спорадами», напали на Византию и названы в хронике «боравы». Идентичность очевидна.

Мы подчеркиваем, что не считаем наше, положение доказанным бесспорно, а только весьма вероятным, но,

возможно, оно найдет и другие подтверждения и тогда станет вполне доказанным.

Мы обращаем внимание на разницу в методе у нас и у историков, типичным образцом которых является Вернадский. Высказав вероятное предположение, он не ищет дополнительных доказательств, а принимает сказанное уже за доказанное и надстраивает, как на фундаменте, новое, порой еще менее вероятное предположение. Результаты предсказать нетрудно, – всё его здание рухнет, погребая под собой и крупницы истины.

О географических названиях с окончанием на «брига», «дунум», «дурум» и т. д.

Попытки получить дополнительные данные для истории, используя данные топонимики, делались неоднократно. Метод этот включает в себе здоровое ядро, ибо народ, живя в данной местности, дает и свои названия, отражая тем самым язык, которым он пользуется.

Не всегда, однако, авторы, пользовавшиеся методом топонимики, относились к этому методу достаточно критически: дело не так просто, как кажется. Народы, а в особенности отдельные люди, изменяют свое коренное местопребывание, и уносятся волнами жизни за тысячи верст от родины, поэтому данные топонимики на их новых местах почти ничего не значат или могут привести к крайне ошибочным выводам.

Если мы обратимся к римской эпохе, мы найдем огромное количество населенных пунктов в Европе с окончаниями на «брига», «дунум», «дурум» и т. д., однако, эти названия не принадлежат римлянам, ибо в их коренной области названий с такими окончаниями нет. Очевидно они принадлежат народам, зависимым от Рима.

Однако, многие допустили здесь коренную ошибку. Допустим, что установлено бесспорно, что окончание на «Х» является кельтским. Можем ли сделать вывод, что в местах с таким окончанием жили кельты? Возможно, но не всегда. Забывают, что подобные названия давались не только древним пунктам, но очень часто и новым;

основанным по разным поводам Римом. На перекрестках дорог, у речных переправ, на торжищах, у горных проходов и т. д. строились римские укрепления. Эти укрепления, естественно, получали какие-то наименования от того римского легиона, который их строил.

Как правило, легионеры присылались издалека, что обеспечивало устранение слишком тесного контакта с местным населением. Эти легионы часто давали свои родные названия, может быть слегка латинизировав их. Таким образом, где-то чуть ли не в устье Дуная, оказывался новый «Новиодунум» (их было множество, как у греков всяких Гераклея), но это не значило, что здесь жили кельты, это значило, что здесь временно пребывал римский легион, в котором было много кельтов.

Данные топонимики убедительны только тогда, когда названия с одинаково образованными названиями располагаются группами, гнездами. Возьмем пример. В Испании мы имеем Бриганциум, Лангобрига, Талабрига, Конимбрига, Цетобрига, Меробрига, Лагобрига, Неметобрига, Миробрига, Мундобрига, Нертобрига, Лакотбрига, Амаллобрига, Цезаробрига, Августобрига, Юлиобрига, Флавиобрига, Деобрига, Деобригута, Аркобрига, Сегобрига, Августобрига (2-я), Нертобрига (2-я). Итого 22 названия.

Конечно, подобных названий в действительности было гораздо больше, не все они собраны нами и сохранены историей, но приведенный список показывает ясно концентрацию подобных названий в Испании, в особенности в западной и северной ее части.

Слово «брига» означало вероятно: село, поселение, город и так далее. Поэтому Цезаробрига означало скорее всего – «Царское село» и т. д. Обращают на себя внимание такие названия как Юлиобрига, Флавиобрига, производные от римских имен, а также Мундобрига, Амаллобрига, Неметобрига и т. д. производные от личных, но не латинских имен.

Если же мы обратимся к карте Бельгии, Голландии, Франции, прилегающих частей Германии, Италии и Швейцарии, мы найдем в бассейне Сены единственное название – Эбуробрига, да на берегу Боденского озера Бриганциум. На карте, охватывающей более восточные

части Римской империи, мы найдем к северу от Альп недалеко от Ювавы (ныне Зальцбург) название Артобрига.

В Италии, Сицилии, Греции, вообще на Балканах и в Малой Азии нам не удалось найти ни одного названия на «брига». Этот пример показывает ясно, что слово «брига» связано с Пиренейским полуостровом.

Дарбуа де Жубенвиль, 1904 (*Les Celtes*. Paris) видит в окончаниях на «брига» доказательства распространения кельтов в тех странах, где их теперь нет. Приведенные выше данные показывают, что Дарбуа де Жубенвиль ошибается: если окончания на «брига» – это следы кельтов, то почему в Англии, где еще до сих пор говорят на кельтских языках или в Бретани, нет и не было подобных названий?

Несколько совершенно разрозненных названий в Европе показывают только, что здесь когда-то стояли римские легионы из Испании, если мы примем, что «брига» слово иберийского корня. Но может быть и другое: в Испании довольно долго господствовали готы, оставив названия вроде «Амаллобрига», возможно, что «брига» слово «готского» происхождения. Вопрос не так примитивно прост, как кажется.

Обратимся к названиям на «дунум». В Британии мы находим: Сегедунум, Укселлодунум, Камбодунум, Бранодунум, Муридунум, Камулодунум. В Испании: Колядунум.

Во Франции имелись: Новиодунум, Люнгдунум, Цезародунум, Укселлодунум, Ацитодунум, Новиодунум 2-й, Новиодунум 3-й, Мельодунум, Виродунум, Августо-дунум, Люнгдунум 2-й, Эбуродунум, Миннодунум, Новиодунум 4-й, Эбуродунум 2-й, Камбодунум, Тародунум, Сегодунум, Велланодунум.

В восточной части Римской империи на Дунае мы находим: Новиедунум, Сингидунум, Новиедунум 2-й, Кародунум. Ни в Италии, ни в Греции, ни в Малой Азии названий на «дунум» найти не удалось.

Таким образом Испания и Франция оказались полными противоположностями: первая богата на «брига» и бедна на «дунум», а вторая наоборот. Можно думать,

что окончание на «дунум» кельтское окончание, ибо оно охватывает Англию и Францию, т. е. те именно страны, где кельты процветали.

Обратимся к именам с окончанием на «дурум». В Британии имеем: Лактодурум; в Испании: Оцелодурум (на реке Дуриус); во Франции, Бельгии и т. д.: Августе-дурум, Бревиодурум, Диводурум, Эпомандуодурум, Октодурум, Витодурум.

В восточной части Римской империи, Италии, Греции, Малой Азии названий на «дурум» не найдено. По всей видимости «дурум» означало почти тоже самое, что «брига» или «дунум». Слово вероятно кельтское.

С подобной же концентрацией названий на «дава» мы встречаемся в области нижнего Дуная. При описании Дакии Птолемеем он указывает следующие места: Зи-ридава, Аргидава, Доцидава, (Докидава), Сингидава, Маркодава, Сангидава, Комидава, Рамидава, Зусидава, Нетиндава, Патридава, Утидава (Вутидава), Карсидава, Петродава, всего 14 названий.

Далее, при описании нижней Мезии, он приводит у реки Гиеразума (ныне Серет): Пироборидава, Тамасидава, Заргидава. Кроме того, у Дуная он указывает Су-цидава (Сукидава) и Даусдава.

Для перечисленных мест он дает указания на долготу и широту; все эти 19 названий укладываются в узкую полосу от 45° 30' до 54° 40' долготы и 45° 15' до 48° 15' широты.

Кроме прямо указанных мест с окончанием на «дава» Птолемей дает еще 2 названия в параграфе, где перечисляются племена, живущие в Дакии. Именно он упоминает «предавцев» (от Предава) и «буридавцев» (от Буридава). В буридавцах нетрудно узнать «буров» Тацита (буры + дава, т. е. город буров), тем более, что рядом Птолемей упоминает «котенцев», т. е. котиков Тацита. Налицо полная параллель: буридавцы и котенцы у Птолемея и буры и котины у Тацита.

Что и некоторые другие названия созданы по формуле N (название племени) плюс «дава», видно из другого названия: «Даус – дава». Даки назывались в древности греками «даоус», «давус». Имя раба в произведениях Плавта и Теренция, как типичное, – «даоус».-

Отсюда: Даусдава – «город даков», Русидава – «город русов». Последнее название – лишнее доказательство, что на северном берегу Дуная русы жили уже по крайней мере в первые века нашей эры.

У других авторов кроме Птолемея мы находим Пеллендава и т. д. Собрать, классифицировать и изучить эти названия составляет весьма благодарную задачу.

О возможности некоторых кардинальных ошибок в истории

В истории возможны ошибки, и очень большие, если они связаны с путаницей географических пунктов, народов, городов и т. д. Рассмотрение конкретных примеров будет весьма полезно.

Мы знаем, например, что существуют две реки Двины, две Моравы, два Буга, в древности было два Ги-паниса, несколько Араксов и т. д.; были и разные народы г болгары волжские и болгары дунайские, угры «белые» и «черные»; были десятки разных Новгородов и т. д.

Часто оригинальный источник не дает точного указания или указание это было, но в части источника, которая теперь утеряна. Когда указания относятся к предметам, далеко удаленным, то иногда можно догадаться по сопутствующим обстоятельствам о каком из двух (или более) идет речь, но если предметы близки, уточнение становится почти невозможным. До сих пор, например, нам неизвестно с какими болгарами воевал Владимир Великий и т. д.

Если уточнение бывает невозможным по данным оригинального автора, то еще хуже бывает положение, если данные данного автора основаны на пересказе данных предшествующего автора. Всегда остается подозрение, что ошибку сделал наиболее древний автор. Даже сам Геродот, названный Цицероном «отцом истории», в этом отношении, далеко не безупречен, ибо во многом он остается только пересказчиком данных других авторов, а в древности географические представления, как и сама терминология, были весьма сбивчивы.

В этом отношении особенно сбивчивы и путаны данные о местоположении реки Аракеа. Есть все осно-

вания думать, что один Араке был за Каспием, другой (современный) в Закавказьи, третий на Балканах, а может быть их было и еще больше и слово «Араке» употреблялось для обозначения вообще большой реки, как это имело место в отношении «Дуная» у славян. Вопрос этот настолько сложен и запутан, что должен быть предметом особого очерка; здесь мы приводим его, как пример.

Было также два Гипаниса: Южный Буг и Кубань. Совершенно ясно, что принятие того или иного варианта совершенно изменяет локализацию народов и событий.

Тавров имеется также несколько: в Малой Азии (основной) и в Крыму (откуда название Таврида), есть еще и другие Тавры, равно как и Альпы. Тоже самое и с Кавказом: хорошо еще, если русский летописец пишет: «...до Понетьского (Чёрного, С. Л.) моря, на польнощ-ные страны, Днестр и Кавкаисинские горы, рекше **Угорьски**, и оттуда доже и до Днепра». Здесь дано ясное уточнение положения.

Что речь идет о Карпатах, выясняется бесспорно и вместе с тем, что Карпаты назывались встарь и Кавказом (об этом мы говорили в другом очерке подробнее). Хорошо, если автор, пользующийся древними источниками, имеет опыт и, как говорится, голову, но очень часто исследователи склонны упираться в букву и... тогда они несут невероятную околесицу.

Часто указание старинного автора кажется совершенно точным, но это не так: если мы обратимся к "Continuator Periplus Anonymus", в § 49 мы найдем у него следующее: «...Танаис вытекает из озера, размеры которого неизвестны. Эта река впадает двумя устьями: в Меотийское озеро и в Боспор Киммерийский...»

Здесь аноним немного напутал. Во-первых, еще с Геродота пошло, что все реки вытекают из больших озер, что конечно неверно; во-вторых, речь совершенно ясно идет о Кубани, которая в те времена впадала северным рукавом в Азовское море, а южным в Керченский пролив, создавая из Таманского полуострова (Тьмуторока-ни) в сущности остров.

Далее, содержание термина «Азия» всё время меня-

лось: одни авторы проводили границу ее на западе по Дону, другие по Кавказскому хребту или рекам Куре или Риону, наконец, третьи по Уралу и Каспию. Вообще в ходе времени граница отодвигалась на восток.

Совершенно ясно, что если древний автор говорит о передвижении какого-то племени из прикубанских степей, то он назовет его движением из его «Азии», а современный автор напишет, что племя появилось из-за Урала или Каспия. Разница немалая.

Далее, Азию представляли в древности значительно короче в направлении на восток. Так как к тому же граница земли на востоке, по представлению того времени, образовывала выпуклую на восток дугу, то при перечислении племен, живших все далее к востоку от границ Европы, названия их писались всё севернее и севернее, т. е. отходили на запад. В результате, крайние восточные племена, напр., серы (китайцы) оказывались соседями европейских самоедов. Это вносило страшную путаницу и создавало совершенно неверные представления о местоположении народов.

Бывали также просто «заскоки» у авторов, повторяющиеся и у современных авторов в их современной практике: легче спутать запад с востоком, чем с севером, т. е. легче ошибиться на 180° , чем на 90° .

К подобным же ошибкам относятся ошибки из-за сходства названий, напр., гораздо легче спутать Днестр с Днпром, чем, скажем, Нил с Евфратом. На подобную ошибку созвучного сходства мы натолкнулись у Зосимы и Зонары, именно были спутаны Danubius (Дунай) с Tanais (Дон).

Оба эти автора (Zosim, I, 23, 1-3), описывая войну имп. Деция со скифами (к югу от Дуная, прорвавшимися туда), пишут, что «Галл остался на страже на **берегу Танаиса**», а на самом деле он остался стеречь у **Дуная**, возвращающихся из Фракии с награбленным скифов, чтобы напасть на них при переправе и отнять добычу.

Ошибка обоих заключалась в том, что оба они некритически переписали ошибку какого-то предыдущего автора. Здесь сопутствующие обстоятельства позволяют установить ошибку с полной несомненностью, но

если их нет, то некритически настроенный автор поверит тому, что Деций сражался за Доном и наворотит такую «теорию», что вчуже станет стыдно.

Почему племя «албанцев» оказывается и на Кавказе, и на Балканах? Не следствие ли это смешения «Кав-казов»?

Возьмем другой пример: обычно появление гуннов в Европе приурочивают к 375-376 гг., а между тем у Птолемея (ок. 90-168 г.) мы находим (З, 5, 25) ясное указание: «...между бастарнами и роксоланами живут хуны». Мы имеем полное основание полагать, что эти «хуны» (chuni) только иная огласовка «гуннов», ведь «г» и «х» часто заменяют друг друга и имеют несколько вариантов.

Напомним, что даже у двух близких славянских народов, именно украинского и русского, имеется закономерная разница в произношении: украинец произносит мягко, как латинское – "huni", русский – твердо, как латинское – "guni", наконец есть и вариант – «хуни». У тюркских народов есть гортанный звук с еще более мягким придыханием, которое обыкновенно обозначают знаком апострофа впереди слова, наконец, это придыхание может совершенно отпасть и получится – «уни» (что мы и встречаем в некоторых источниках).

Итак, для одного и того же племени мы встречаем пять вариантов, и очень вероятно, что все они касаются так называемых «гуннов», но если это так, то это племя было в Европе еще до 168 г., т. е. вся картина появления и распространения гуннов меняется.

Добавим, что в северо-западном углу Балкан имеется река Уна, жители ее конечно могут быть названы – «уны», т. е. налицо возможность смешения совсем разных народов.

Подобных примеров можно привести немало, все они говорят, что в толковании данных древних авторов необходимо быть чрезвычайно осторожными и внимательными, ошибки стерегут исследователей на каждом шагу. Ведь почти каждый источник употребляет свою собственную терминологию. Этого до сих пор в надле-

жащей мере не принимали во внимание, отсюда грубые ошибки, которые приходится со скрежетом зубным исправлять.

Об уграх и оногурах

Мы уже упоминали, что одно и то же племя может иметь у соседей совершенно, различные названия; кроме того, оригинальные имена племен часто переводятся на язык соседей, если они имеют смысловое значение. Нам кажется, что в названиях «угры» и «оногуры» можно найти смысловое значение, исходя из славянских корней.

В древности русские употребляли имя «угры» (в летописях), ныне употребляется ими «венгры», вероятно взятое из польского языка. Сами венгры называют себя «мадяры».

Славяне и румыны в области Карпат употребляют слово «гура», обозначающее гору. Во «Влесовой книге» мы встречаем выражение «гуре Карпенскеа», т. е. горы Карпатской, у румын в топонимике множество «гура роша», т. е. «красная гора» и т. д.

Украинцы называют венгров – «угорьци», т. е. жители «у гор», и действительно, венгры связаны в истории прежде всего с тем, что жили у Карпатских гор.

Вместе с тем мы встречаем у византийских авторов и имя племени «оногуров», живших также в области Карпат. Значение слова легко расшифровывается из славянских корней: «живущие по ону» (другой стороне) гор. Иначе, говоря, оно является полной аналогией «трансмонтанов» Птолемея, который был греком, но привел латинское название племени, т. е. «загорцы».

Подобные названия являются не только учеными названиями вроде – «закавказцы» или «предкавказцы», но имеются и в народной терминологии, например: «захлумцы», что означает «жителей за холмами».

Таким образом естественность нашего предположения доказывается аналогичными примерами. Отметим, однако, что и «угорцы» и «оногуры» могут означать одно и то же племя, сидящее на каких-то горах: по сю

сторону – это будут – «угорцы», по ту сторону – это будут – «оногуры». Разумеется эти названия будут исходить от славянских племен, но это вовсе не исключает возможности, что они не могут быть усвоены более дальними соседями. Так напр, для племени по северному берегу Дуная жители северных склонов Карпат будут «оногуры» (может быть самых разных этнических корней), но это слово может применяться и греками, которые заимствовали его у славян.

Выставляя такую возможность объяснения, мы отнюдь не настаиваем на его непреложной правильности, – мы пытаемся найти путь для объяснения и из славянских корней ("audiat^{ur} et altera pars"), будущее же покажет не скрывается ли действительно в этом предположении истина.

О племени Vidivarii

Йордан (Гетика, 5, 36) говорит: «...но на берегу Океана (подразумевается Балтийское море, С. Л.) где воды реки Вистулы (Вислы, С. Л.) изливаются тремя устьями, живут "vidivarii", народ, собранный из разных племен». Несколькo ниже (17, 96) он пишет: «...эти гепиды... жили в области Spesis на острове, окруженном мелкими водами Вислы. Этот остров они называли на языке своих отцов «Гепедойос», но он теперь населен "vividarii" (здесь у Йордана по-видимому описка, следует "vidivarii", С. Л.) с того времени, как гепиды переселились в лучшие земли».

Больше об этом племени Йордан не говорит ни слова. Как видим, Йордан говорит о Висле, но не исключена возможность, что речь шла об Одре, которую в древности называли Viadua (имеются и другие похожие варианты), следовательно производное от нее будет "viaduarii", т. е. жители вдоль «Виадуа». Кроме сходства названия есть еще один факт за" такое соображение: против устья Одры имеется действительно большой остров, против же устья Вислы только песчаная коса.

Интересно отметить, что об Одре у древних историков сохранилось удивительно мало упоминаний, рим-

ские авторы, видимо, вообще путали Одру и Вислу. Таким образом в «видивариях» можно усмотреть жителей устья Одры, т. е. почти наверное славян.

Возможно и другое объяснение: Йордан говорит, что «видиварии» были собраны из разных племен, т. е. можно понять «vidii» и «varii», т. е. различные «виды» или «винды», иначе говоря, мы получаем опять-таки славян. Так как искажения названий народов являются не исключением, а правилом, то наше предположение вполне вероятно..

Мы подчеркиваем, однако, что высказывая эти два предположения, мы отнюдь не настаиваем на их обязательной правильности; мы только хотим дать толчок к дальнейшим поискам и полагаем, что высказанное поможет этим поискам.

О неверном применении терминов «остготы» и «вестготы»

Даже до настоящего времени мы встречаем у серьезных исследователей термины: «остготы» и «вестготы». Эти термины абсолютно недопустимы, ибо являются совершенно необоснованными переосмыслениями терминов: «остроготы» и «вези» или «визиготы».

Сколько можно судить, толчок для ложного понимания дал Йордан (Гетика § 82) : «Историк Аблавий общает, что там, на берегах Понта (заметим: не Меоти-ды! С. Л.), где они, как мы говорили, остановились в Скифии, часть их, владевшую восточной стороной, возглавлял Острогота; либо от этого его имени, либо от места, т. е. «восточные», называются они остроготами; остальные же – везеготами, т. е. с западной стороны».

Отметим, что высказав такое предположение, Йордан ни разу не употребил названий «остготы» или «вестготы». Эти названия являются изобретением германофиль-ствующих историков, желающих во что бы то ни стало связать готов с германцами. А между тем сам Йордан, родом гот, германцев и готов строго различал.

Далее он сам указывает, что племя остроготов возможно называлось так по имени вождя их – Остроготы. Кроме того, хотя готы и разделялись на два племе-

ни, никакой связи их с географическим местоположением это не имело: в дальнейшей их истории остроготы бывали западнее везеготов, а везеготы восточнее остроготов. Равным образом и название «везеготы» имеет совсем другое основание: их называли: «везе», «визи», «вези» – готы, как-то обозначая эту часть готов (значение темно). Мы имеем все основания полагать, что племя «бессов» и было племенем «везеготов». У греков не было звука «в» и они заменяли его близким звуком «б». Эти бессы жили издревле вдоль нижнего течения Дуная и упоминаются множеством авторов. Вместо длинного: везиготы говорили просто: вези или бессы.

Совершенно очевидно также, что это были те самые «геты», о которых в этом же самом месте говорили Фукидид и Геродот. Добавляя впереди прилагательное к «геты», получали также для древних времен (когда говорили только «геты», а не «готы»): массагетов, тиссагетов, тира или тирангетов. В отношении «тирагетов» совершенно ясно, что речь идет о гетах в районе реки Тираса (Днестра); весьма возможно (но требует специального рассмотрения), что тиссагеты – это геты по реке Тиссе.

Что же касается «массагетов» мы пока воздерживаемся от высказывания, но во всяком случае ясно, что название это не происходит, как думает один из любителей-историков, оттого, что этих гетов была «масса». Если придерживаться таких объяснений, то очевидно в штате Массачусетс живет масса «чужетцов»...

Таким образом мы видим, что оба племени готов (они же и геты) в Придунавьи имели и два названия, но с упоминанием корня, иногда же употребляли для краткости только приставочное прилагательное.

Вероятно нелишним будет упомянуть, что объяснения вроде: «остр» (austr) = (блестящий) или «вез» (weise) = мудрый являются типичными образцами беспардонного обращения с наукой. При таком методе можно доказать всё, что угодно.

О слове «смоква»

Некоторые утверждают, что слово «смоква» заим-

ствовано русскими от готов (smakka, по «кодексу аргентеусу»). Рассмотрим вопрос более внимательно. Смоква или смоковница является плодовым деревом, но не растущим в России; если она и культивируется, то как декоративное растение и введено в культуру не более двух столетий.

Так как дерево это упоминается неоднократно в Библии, то естественно, что русские должны были заимствовать это название из другого языка, именно из стран, где смоковница произрастает. Слово «смоква» у евреев не заимствовано, они употребляют совсем другое, греки употребляют «сюкон», все другие европейские народы в большинстве случаев называют дерево «фига», плод фиго на востоке называют – «инжир».

Казалось бы, что «смоква» действительно слово готское, но у чехов дерево тоже называют «смоква» и, сколько нам удалось установить, слово это употребляется и в других, более южных славянских странах, где смоква растет и ею питаются.

Само собою является предположение: не является ли это слово словом гетским, т. е. происходящим с Балкан, где это дерево растет, а не готским, о котором в Скандинавии и представления не имеют.

Поэтому необходимо не только более широкое изучение филологической базы этого слова, но и ботаническое изучение его распространения, равно как и его встречаемости в древних источниках, где на разных языках идет обсуждение библейских мотивов. Необходимо изучение, а не верхоглядное сравнение, которое моментально «доказывает» происхождение этого слова.

О реке Patissus

У целого ряда древних авторов мы находим упоминание реки Тиссы (Tissus), притока Дуная с севера в его нижнем течении. Многие авторы полагают, что это название славянское: «Тихая», «Тиша» и т.д. Таких славянских названий на Балканах немало, напр. Черна и проч., кстати река, расположенная не слишком далеко от Тиссы.

Так как Тисса упоминается самыми древними авто-

рами, приходится принять, что славяне жили в Придунайской низменности еще до начала нашей эры. Имеется деталь, говорящая, что Тисса действительно является рекой со славянским названием. Именно некоторые авторы называют ее или ее область – Patissus. Откуда взялось это «па»?

Как известно, славяне употребляют приставку «по» для обозначения близости к чему-то, напр, реке: Поволжье, Подонье, Подунавье, Поонежье и т. д., в дан-нрм; случае, по-видимому, употреблено Потисье. Почти

тоже в значении близости, но не пространственной, употребляется и приставка «па», напр.: пасынок, падчерица, падуб, паклен, пасока и т. д.

Общеизвестно также, что многие славяне произносят звук «о» не всегда, как чистое «о», а как среднее между «о» и «а». Поэтому иностранцы, а также дети, пишущие по слуху, нередко ошибаются, ставя «а» вместо «о». Отсюда могло произойти «Патисье» вместо «Потисья».

Можно догадаться, что иностранец расспрашивал, как называется эта река, ему ответили, что «Потисье», предполагая, что он спрашивает как называется этот край. Подобные неточности в понимании дело обычное, что мы испытали на собственном опыте во время поездки по Армении, Азербейджану, Туркмении, Казахстану и т. д. Недостаточное знание местных языков с нашей стороны, а с другой недостаточное знание русского языка со стороны местных жителей, приводило нас часто и к более грубым ошибкам.

Таким образом во времена Орозия границы полнительная приставка говорят о славянстве названия реки Тиссы.

О границах Мёзии

У Orosius'a (I, 1, 55) мы находим интересные данные о границах Мёзии: "Moesia ab oriente habet ostia fluminis Danuvii, ab euro Thraciam, a meridie Macedoniam, ab Africo Dalmaciam, ab occasu Histriam, a circio Pannoniam, a septentrione Danuvium"

В этом описании употреблена «роза ветров», обычная для древних авторов, которые употребляли не 4, а

8 стран света, мы считаем полезным ее привести: 1) ab oriente – с востока; 2) ab euro – с юго-востока; 3) a meridie – с юга; 4) ab Africo – с юго-запада; 5) ab occasu – с запада; 6) a circie – с северо-запада; 7) a septentrione – с севера; 8) северо-восточное направление здесь не указано.

Таким образом во времена Орозия границы Мёзии были таковы: 1) с востока она была ограничена дельтой Дуная; далее к югу ее граница вдоль Чёрного моря по-видимому не шла; 2) с юго-востока была Фракия – именно она прилегала к Чёрному морю значительной частью; 3) с юга была Македония; 4) с юго-запада Далмация; 5) с запада Истрия; 6) с северо-запада Паннония; 7) с севера Дунай.

Конечно, эти границы Мёзии у разных авторов колебались, но в общем ее основное ядро всегда сохранялось. Называлась она по-разному: Мёзия, Мэзия, Мюзия, Ми-зия, очевидно в зависимости от национальности авторов.

О географических названиях с окончаниями на «дава», «дева», «дива» и т. д.

Внимание исследователей давно уже было обращено на то, что в области древней реки Алуты (Alutas, ныне Олтул) имеется скопление названий с окончанием на «дава», их несколько десятков; кроме того, имеются названия с окончанием на «дева», «дива», которые вероятно являются только вариантами основных названий.

Явилось предположение, что такая тесная группировка является следствием того, что в этой области жил когда-то народ, в языке которого слово «дава» означало «село», «поселение», стоянка или что-нибудь подобное. Многие высказывали, что это по-видимому был народ «даки», о котором мы мало знаем чего-нибудь достоверного и почти ничего об его языке.

Такая мысль весьма вероятна, поэтому будет полезно прежде всего ознакомиться с названиями на «дава», а потом перейти и к некоторым выводам.

Особенно много названий на «дава» дал Птолемей, с его данными мы прежде всего и познакомимся. Птолемей не только перечисляет имена «городов», но и дает

указания на долготу и широту их, что может весьма помочь их разысканию (в основу долгот вероятно был принят меридиан Александрии). Мы расположили их для удобства в порядке расположения долгот.

Названия	Долгота	Широта
1. Зиридава	45° 30'	46° 20'
2. Аргидава	46° 30'	45° 15'
3. Доцидава	47° 20'	48° 20'
4. Сингидава	48° 30'	46° 20'
5. Маркодава	49 30'	47° 30'
6. Сангидава	51 40'	46° 40'
7. Комидава	51	46° 30'
8. Рамидава	52	46° 15'
9. Зусидава	52	45° 30'
10. Нетиндава	53 ^e	48° 10'
11. Патридава	53 10'	47° 40'
12. Утидава	53 20'	48° 15'
13. Карсидава	53 45'	47° 40'

Отметим:

1) Необыкновенную густоту названий на «дава»: все они (см. и ниже) укладываются в узкую полосу от 45° 30' до 54° 40' долготы и от 45° 15' до 48° 15' широты; это показывает несомненно единство жителей этой полосы; 2) среди 44 названий, приводимых Птолемеем, 14 оканчивается на «дава», – процент необычайно высок, что поддерживает пункт 1-й; 3) необыкновенная густота названий на «дава» замечательна еще и другим: никакие другие области, упоминаемые Птолемеем, не имеют такой густоты поселений; очевидно это были поселения совершенно оседлого народа, склонного по своему роду хозяйства создавать «города», – черта характерная разве только славянам.

Кроме этих названий Птолемей приводит еще три при описании нижней Мезии, расположенных у реки Гиеразума (по-видимому Серет) :

15. Пироборидава	54°	47°
16. Тамасидава	54° 20'	47° 30'
17. Заргидава	54° 40'	47° 45'

Далее для нижней Мезии у Дуная Птолемей приводит:

18 Суцидава	54°	45° 40'
19. Даусдава	53°	44° 20'

Интересно отметить, что для верхней Мезии, Фракии и области языгов-метанастов Птолемей не приводит ни одного названия с окончанием на «дава».

Кроме этих прямо указанных мест Птолемей приводит в параграфе, где перечисляются племена, живущие в Дакии, еще два названия несомненно того же происхождения: 20) «предавцев» – от Предана и 21) «бурридав-цев» – от Бурридава.

Наконец, он приводит еще 22). Сетидава совсем в другом месте, именно между рекой Вартой и озером Гоп-ло (близ современного Скульска), вероятно название связано с далеким переселением группы даков.

Дальнейшие названия можно найти в Murray's small Classical Atlas, London, где в области Дуная мы найдем: Русидава, Ацидава, (вдоль Олтула), а на одном из следующих к западу притоков Дуная: Пелендава.

У Златковской («Мезия в 1-2 веках нашей эры», 1951) на карте на нижнем Дунае, севернее Траянова вала, в области Малой Скифии, отмечена – Капидава.

Прокопий Кесарийский упоминает в области Буго-рама (очевидно где-то к югу от Дуная место под названием: Брегедава (возможно от «бреги»). Gantscho Tzenoff (Geschichte der Bulgaren, 1935, p. 132) упоминает по ту сторону Дуная место: Рецидава.

Наконец город Пловдив в Болгарии раньше назывался Пульпидева (вероятно производное от Пульпидева) и так далее.

Итак, мы видим, что имеется около трех десятков названий на «дава», сосредоточенных географически. Совершенно ясно, что этих названий было больше, надо только отыскать их у старых авторов. Нет также никакого сомнения, что часть их искажена в ходе времени; наконец есть варианты греческого или римского характера: Доцидава (Докидава), Утидава (Вутидава), Суцидава, (Сукидава) и т. д.

Более полное собрание подобных- названий может значительно помочь в выяснении распространения даков, а также что представлял собой их язык.

Перейдем теперь к выводам. Возьмем название племени «буридавцев», несомненно это жители города Буридава, но «дава» – это только окончание, прибавка, обозначающая что-то вроде «села», – основа «бури». Значит Буридава означало: село или город буров. Птолемей упоминает рядом «буридавцев» и «котенцев»; вряд ли нужна особая догадливость, что речь идет о племенах «буров» и «котиков», упомянутых еще Тацитом.

Это сопоставление данных Тацита и Птолемея показывает ясно, что наше понимание словопроизводства верно имена с окончанием на «дава» обозначают прежде всего принадлежность данного села или города к данному племени или лицу. Мы в праве расшифровывать подобные названия так: Буридава – село буров; Русидава – село руссов; Петродава – село Петра (т. е. по современному Петровка или Петровск) и т. д.

Если во времена Птолемея существовало поселение руссов – Русидава, значит, что: руссы уже существовали по крайней мере во второй половине 2-го века и притом на северном берегу Дуная в его нижнем течении.

Имеется также название «Даусдава» – происхождение понятно. Даки в древности назывались греками «даоус» или «давус»; в произведениях Плавта и Терен-ция'йма раба, как типичное — «даоус». Иначе говоря, данное поселение было: «селом рабов», очевидно поселением из захваченных пленников, что было явлением тогда очень частым.

Пример с бурами показывает, как сопоставление данных двух разных авторов может осветить взаимно данные: Тацит говорит больше о национальности буров, а Птолемей об их географическом распространении. Возможны, разумеется, и другие сопоставления, но нужен прежде всего достаточный географический материал.

О северных границах империи Аттилы

До самого последнего времени авторитетными историками принимается (и это отражается в исторических атласах), что империя Аттилы на севере достигала берегов Балтийского моря, захватывала некоторые его острова и даже значительные части Скандинавии на юге.

Такое представление решительно противоречит, как данным истории, так и реальным условиям жизни того времени.

Мы обращаем внимание на следующие основные и бесспорные факты:

1. Нигде в истории нет ни малейших указаний, что Аттила воевал с племенами, прилегавшими к южному берегу Балтики и тем более Скандинавии. Чтобы заставить жителей островов Балтики или Скандинавии платить дань, надо было иметь флот, которого у кочевника Аттилы не было и не могло быть.

2. Нигде в истории нет указаний, что жители указанных областей платили Аттиле добровольную дань, да и вообще предположение, что целые племена платили дань добровольно, не будучи угрожаемыми, представляет собой полный нонсенс.

3. Условия жизни в указанных областях были таковы, что физически не было никакой возможности заставить племена Прибалтики платить Аттиле дань. В те времена эта часть Германии была занята непроходимыми лесами, озерами, болотами, реками, дороги отсутствовали. Даже 400-500 лет спустя, когда леса были уже в некоторой степени уничтожены человеком, когда были пробиты более значительные дороги и изменение климата продолжало обуславливать прогрессирующее высыхание страны, даже полтысячелетия после Аттилы воевать здесь можно было главным образом зимой, когда озера и болота замерзали и становились проходимыми.'

4. Эти зимние военные экспедиции могли иметь исключительно местный и временный характер: лед держался недолго, корма для лошадей достаточно не было, чтобы большие массы людей могли быть обеспечены

всем, необходимым для войны. Воевать здесь могли только **местные соседи**: которые знали дороги, знали условия местности и могли опираться на недалекие базы. Всего этого войска Аттилы были лишены.

Если бы даже соседи поморян вынуждены были Аттилой воевать с поморянами, то, и здесь мы встречаемся с полной невозможностью физического осуществления такого предприятия в короткое время. Надо помнить, что завоевание славян (и в частности поморян) германцами продолжалось не менее 400 лет и происходило исподволь, участок за участком, с поселением на захваченных областях пришельцев-завоевателей и т. д.

Аттила в течение каких-нибудь 20 лет не мог физически завоевать столь малодоступную страну. Напомним, что Аттила пришел к власти приблизительно в 430 году, а уже в 451 году он был разбит и отступил, а со смертью его в 453 году вся его империя распалась. Мы знаем далее, что основной областью его войн и политики был бассейн Дуная, в особенности нижнего, о деятельности его в других областях мы ничего не знаем.

Политика его сводилась, далее, не столь к кровавым конфликтам, как к ловким вымогательствам денег главным образом у Византии. С севером он не воевал.

5. Напомним, что завоевание южной части Германии, области значительно более доступной для завоеваний, отняло у Рима, в эпоху наибольшего могущества, огромное время. А ведь железные когорты римлян были посильнее орд кочевников. Завоевания Аттилой поморья Прибалтики не было и даже не могло быть. Тем более, что эта область была значительно беднее южных областей и не могла к себе привлечь своими богатствами. Наоборот, мы видим вековое тяготение народов к югу, в более богатые места.

Спрашивается: каким-же образом мог возникнуть и удержаться в науке такой нелепый миф о необъятности империи Аттилы?

Дело по-видимому объясняется очень просто: историки некритически поверили данным Йордана, допустившим в своей работе множество грубейших ошибок (этой теме мы намерены посвятить особый очерк, ибо

ошибок десятки). Да и сам Йордан границ империи Аттилы не указывает, он указывает только, что царство готов было подчинено Аттиле, а отсюда сделан был ложный вывод, что не только готы, но и все подчиненные им племена попали под владычество Аттилы. Отсюда и получилось, что даже острова Балтики и южная часть Скандинавии попали в «империю Аттилы».

На самом деле было другое: когда гунны разгромили готов и пошли далее на запад, продолжая гнать готов, все, перед тем зависимые от готов, племена отпали (вспомним ожесточенную борьбу готов с антами). Власть гуннов в Причерноморьи и Подунавьи сосредотачивалась главным образом в зоне степей, где они могли приложить свои силы; уже в лесостепной зоне влияние их было незначительным, а в лесной и вовсе отсутствовало.

Таким образом причислять все земли готов к империи Аттилы мы не имеем никаких оснований. Но главное не в этом, а в том, что Йордан, желая возвеличить готов (и будучи сам готом), приписал им совершенно фантастические границы чуть-ли не от Суздаля и Волги через области мордвы, черемисов и т. д. и до Чёрного и Балтийского моря. И этой дикой фантазии, неподкрепленной ничем, историки поверили! Трудно поверить, чтобы историческая наука во второй половине 20-го века могла стоять на столь низком методологическом уровне и допускала в своем обращении просто глупости

О населении северных областей Рима и Византии

Если мы внимательно ознакомимся с событиями, связанными с северными пределами Рима и Византии, нам бросится в глаза обстоятельство, совершенно упускаемое историками: какие народы населяли эти области?

Совершенно очевидно, что по мере распространения на север обе империи: и Рим и Византия, захватывая земли к северу, не превращали жителей их механически и сразу в римлян или греков. Те становились только

подданными этих империй, но не делались полноправными их гражданами и так длилось часто на протяжении веков; эти народы только входили в конгломерат империй.

Далее очевидно, что интересы этих племен, насильственно ставших римскими или греческими, часто совершенно расходились с таковыми их поработителей. Так как дальнейшие войны, как правило, затрагивали эти северные области больше, чем центральные, то жители их невольно становились участниками военных событий и отражали в них свои симпатии и антипатии. Эта сторона событий совершенно умалчивается историей по двум причинам: современники событий, чаще всего римляне или греки, записывавшие происходящее, намеренно замалчивали подробности, невыгодные для их национальных интересов, с другой стороны современные историки и не пытались подходить к разрешению подобных вопросов, просто в силу недостатка научного метода. Далее мы знаем совершенно точно, что вследствие войн или по добровольным соглашениям значительные массы людей, например, 10.000, 20.000, 30.000, 40.000, 100.000, 200.000 и даже более – 300.000 (даем числа невыдуманные) поселялись в пределах империй в разное время. Как правило, они оседали около северных границ.

Таким образом, к основному римскому или греческому населению присоединялись значительные массы чужих, по языку и культуре, народов. Естественно, что эти массы долго не растворялись в соответствующих империях и продолжали, разумеется, политику своих собственных интересов. Достаточно вспомнить готов, допущенных Византией на свои земли, и дальнейшую их роль прямых противников Византии, не говоря уже о том, что они играли и видную, но часто скрытую роль, скрытую роль от глаз историка.

Мы знаем далее, что нередко завоеванные области с течением времени воспринимали культуру своих победителей и уроженцы их выдвигались на самые значительные посты в государстве. Достаточно вспомнить, что был период в истории, когда почти 50 лет подряд импе-

раторами были уроженцы Иллирии или Паннонии. Император Максимиан, как известно, в начале своей карьеры был простым солдатом и даже не говорил по-латыни.

Совершенно естественно, что гордые патриции в Риме не признавали или признавали только со скрежетом зубным подобных «императоров». С другой стороны совершенно ясно, что подобные императоры, так сказать, выскочки или парвеню, должны были в первую очередь на кого-то опираться и уже естественно не на римлян, а на свои местные областные силы, с помощью которых они и удерживали личную власть.

Несомненно, что личные интересы этих императоров и поддерживавших его сил часто расходились с общегосударственными интересами Рима или Византии. Известно из истории, что, например, когда император Максимиан умер, это вызвало величайшую печаль у варваров, входивших в состав империи. Разумеется эта печаль имела не только моральный, но и чисто материальный характер: с его смертью «варвары» лишились каких-то материальных благ.

Вскрытием этих взаимоотношений историки до сих пор в сущности не занимались, а между тем здесь именно и были основные пружины событий. Когда Константин Великий в борьбе с внутренним своим соперником передал знамя своему полководцу с изображением креста и сказал: «сим победиши», – дело было вовсе не в таинственной силе креста, а в том, что в войсках противника было много христиан, и знак креста немедленно обезвреживал толпы христиан в бою.

Так как христианство было особенно распространено среди рабов и варваров, то расчет Константина Великого был совершенно верен: он противопоставил массе римлян, в то время еще преимущественно язычников, огромные массы неримлян-христиан в своем и чужом войске, и победил. Что дело здесь не только в плоскости чисто религиозной, но главным образом политической, видно из того, что сам Константин оставался язычником и принял христианство только на смертном одре. Возможно даже, что самый обряд произошел уже

вне сознания умиравшего Константина и обращение его в христианство является, так сказать, последствием лиц, стремившихся к победе христианства.

Этот пример показывает в каких странных аспектах может проявляться влияние чужеродных масс в жизни упомянутых империй. Однако, было бы ошибкой думать, что серьезные влияния чужеродных масс проявлялись только в области внутренней политики, несомненно они существовали и в области внешней политики.

О Равенне

У Йордана (§ 148) мы находим: "...urbs (Ravenna) inter paludes et pelago interque Padi fluenta unius tantem patet accessu, cuius dudum possessores, ut tradunt majores, Einetoi id est, laubabiles, dicebantur...", этот город (Равенна) открыт только одному подступу, находясь между болотами, морем и течением реки Пада (По); некогда землевладельцы (в окрестностях) города, как передают старшие писатели, назывались "Einetoi", что значит «хвалы достойные» (так переводит и понимает это место Е. Ч. Скржинская, 1960, 95, в своих комментариях к «Гетика» Йордана).

При всем своем уважении к отличному знанию латинского языка у Скржинской, мы не можем согласиться с ее толкованием слова "possessores" и вставкой слова «в окрестностях», – речь здесь идет вовсе не о землевладении вообще (и тогда вставка «в окрестностях» может быть до известной степени оправдана), а о **владении** самого города Равенны, т. е. о жителях ее.

Смысл здесь тот, что владельцами города (вероятно даже основателями его) **как передают старые авторы**, т. е. в далеком прошлом, были «айнеты».

По Скржинской (стр. 291), «Йордан, знакомый с греческим языком, «подогнал» (либо сам, либо по памяти вслед за Кассиодором) неправильно написанное греческое слово к глаголу Eivew, что значит «восхвалять». Таким образом, хорошо известный этнический термин «венеты» стал в передаче Йордана эпитетом «достохваль-ные», «хвалы достойные».

Как уже заметила Скржинская, в большинстве спис-

ков «Гетики» мы находим не греческую, а латинскую транскрипцию: "eneti", "enety", "enithu" и др. – следовательно толкование данного места следует производить не по одному кодексу, а по сумме их, т. е. установив наиболее вероятную транскрипцию протографа «Гетики», а сравнение всех кодексов показывает, что в оригинале было не «айнеты», а «энеты», т. е. «венеты».

Скржинская не поняла, что речь идет не об эпитете в отношении жителей Равенны и, конечно, не об ее землевладельцах, а о названии племени их: Йордан, ссылаясь на старых писателей, говорит, что жителями Равенны в древности были венеты, что совершенно в духе сообщений и Йордана, и других древних писателей, как правило, всегда сообщавших о происхождении жителей разных городов и областей.

Греческая транскрипция и ее объяснение имели место у Йордана (а равно и латинские транскрипции) оттого, что венеты называли себя «славянами», т. е. «достохвальными» и Йордан (постоянно подчеркивающий свое знание) это знал. Таким образом смысл славянского слова «славяне» и смысл греческого «айнеты» совпадали, иначе говоря, греческое имя славян было только переводом славянского значения.

Дело, однако не в чисто филологической стороне вопроса и не в том, что Йордан еще в 550 г. по крайней мере знал, что «славяне» в переводе это значит «достохвальные», а в том, что жители Равенны **издревле** были венетами, т. е. славянами.

Это сообщение подтверждается другим местом у Йордана (Романа, § 180), где он пишет: "...Veneti seu Liburnes... per totum Adriani maris litus effusi", т. е. указывает, что венеты (они же либурнцы) были рассеяны по всему берегу Адриатики. Это подкрепляет его первое, частное указание о том, что Равенной в древности владели венеты, т. е. славяне, с другой стороны его указание подтверждает высказанное нами предположение (в другом месте), что славяне были в древности широко распространены по всему берегу Адриатики и только с подъемом Рима и Византии, как государств, были постепенно ассимилированы, либо устранены со значительной части Приадриатики.

В свете этих данных и самое имя города Равенны получает освещение: поскольку здесь в древности жили славяне, а самый город, согласно Коллару (196) существовал уже в 113 году до нашей эры, можно ждать, что название его будет славянское. Действительно, Равенна отражает равнинный характер местности, области почти одних болот, иначе говоря, значение его тоже, что у Ровно, и мы имеем лишнее доказательство присутствия здесь славян в древности.

О впадении Истра в Адриатику

Начнем с двух цитат древних источников: Mêla, 2, 4: "Padus inde tam citus prosilit ut suum etiam in mari elveum servet ; ,donec eum ex adverso litore Istriae eodem impetu profluens Ister amnis excipiat".

Pompeii Trogi breviator Justinus, 32: "Histri a vocabulo amnis adpellati",

В литературе существует мнение, что древние авторы, в частности Мела, сделали огромную ошибку, считая, что «Истер», т. е. Дунай, впадал в Адриатическое море напротив устья реки По. С таким пониманием текста мы никак не можем согласиться. Во-первых, Мела жил уже в первом веке нашей эры, когда географические сведения о такой реке, как Истер (Дунай) были достаточно точны; во-вторых, речь идет об области, давно уже отлично известной Риму, ибо Аквилея была ими основана задолго до начала нашей эры.

На таком близком расстоянии не знать., что Истр де впадает в Адриатику – полная бессмыслица. Очевидно мы имеем дело просто с недоразумением. Заметим, что против устья реки По лежит полуостров Истрия, по названию совершенно совпадающий с названием реки. Спрашивается почему?

Мы высказываем следующее предположение: на полуострове Истрия имеется река, впадающая в море, как раз против устья реки По. Таким образом указание Мела подтверждается. Река эта называлась также Нингус (Ningus). Но, возможно, она имела ранее и другое название, именно Истер или Истра или что-то очень похожее.

Что это вполне возможно, говорит то обстоятельство, что название «истра» употреоблялось неоднократно: до сих пор еще имеется речка истра в Крыму под Судаком, знаем мы реку Истру под Москвой, знаем мы и Истер (Дунай), наверное имеются и другие Истры, отражающие язык пра-народа, населявшего первобытную ьвропу.

Если река Нингус была ранее называема Истром, вполне понятно, что небольшой полуостров, по которому она протекала, получил от нее свое название. С течением времени река получила другое имя (может быть именно потому, что тут же внутри страны существовал и громадный истер), так как наличие двух рек с одинаковыми названиями представляло значительные неудобства. Наконец указание Юстина, что истрийцы назывались по имени реки, а они вовсе не жили на Дунае, показывает, что была какая-то другая Истра, от которой и пошло название народа истрийцев.

Принимая такое предположение, мы устраняем: 1) такую очевидную нелепость, что Дунай впадал в Адриатику, 2) оправдываем указание, что река Истра впадала в море напротив устья По, 3) напоминаем почему полуостров, ничего общего с Дунаем (Истром) не имеющий несет все-таки название Истрия, 4) наконец, объясняем почему жители этого полуострова, опять-таки ничего общего с Дунаем не имеющие, носят название «истрийцев».

Что река Нингус могла переменить наименование, можно заключить из того, что Коллар (стр. 162) отмечает для Истрии только три реки: *Arsio*, *Formio* и *Quaetus* (*Quietus*), но реки Нингус, указанной в атласе Маррея (8), не упоминает, зато приводит город *Ningum*.

Таким образом в современной Истрии нет ни реки Истры, ни реки Нингуса. Есть город Нингум, вероятно названный по реке, которая утратила свое древнее название. Иначе говоря, и самый факт отпадения древнего названия у реки, о которой идет речь, твердо установлен.

Можно сказать наверное, что имеются и другие данные для поддержки высказанного предположения, их

только надо найти, а для этого прежде всего надо высказать предположение и знать что искать.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Из приведенных выше очерков и кратких заметок читателю несомненно стало ясно, что пересмотр происхождения и истории славян крайне необходим. Приведенных фактов замолчать нельзя: слишком уж они правдоподобны. Кроме того, автор извлек только весьма незначительную часть фактов, находящихся в его распоряжении. В сущности материал просто необозрим, стоит только взяться за его собирание.

Это вполне понятно, ибо приходится затронуть период истории почти в 1500 лет огромного славянского народа. Количество фактов просто подавляет, но главное затруднение состоит в том, чтобы не столько отыскать факты, сколько исправить их ложнотолкование. Однако, взявши верную линию, можно убедиться, что каждый новый факт гармонично укладывается в новые представления об истории славян.

В будущем автор надеется значительно дополнить даваемые сведения, если он даже не в состоянии дать их теперь, то главным образом из-за чисто внешних технических причин: трудности печатания, боязни отпугнуть читателя величиной книги, необходимостью затраты большого капитала при печатании, трудностью распространения большого труда и т. д.

Данная книга по своему содержанию тесно связана с опубликованной нами – «Пересмотр основ истории славян», изданной в Мелбурне в 1956 году. Поэтому читателю рекомендуется ознакомиться с указанной выше работой, так как автор не считал удобным повторять то, о чем уже давно сказал.

К некоторым из поднятых вопросов, однако, придется вернуться в будущем, ибо время принесло и новые доказательства, и новые соображения. Утешительным является то, что новое, теперь найденное, только подтверждает то, что было высказано еще в 1956 году.

От иностранного резюме пришлось отказаться: при огромном количестве поднятых вопросов, резюме не могло бы дать даже общего представления о деталях работы; кроме того, тематика довольно чужда иностранцу, следовательно, резюме только удорожило бы книгу и настоящий читатель не читал бы его, имея полный оригинал в своем распоряжении.

Осведомление же иностранного читателя, автор считает весьма нужным, ибо без верного понимания истории европейской культуры, прогресс ее затруднен. Автор льстит себя надеждой, что читатели в этом направлении сделают то, чего не может сделать автор: обратят внимание иностранцев на то новое, что имеется в этой книге.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
1. О происхождении славян на основании лингвистики	9
2. О прародине славян на основании изучения названий растений	25
3. О славянских географических названиях в Греции	32
4. Хорватские, чешские и польские предания о происхождении славянских государств	63
5. «История вкратце о Богеме, еже есть о земле Чешьской».....	79
6. Загадка македонцев.....	93
7. Как создалась Болгария 679 года?.....	105
8. О восточных болгарях	127
9. Загадка списка древних болгарских князей.....	134
10. Златарский и протоболгарское летоисчисление	161
11. О титуле «хан» у болгар.....	168
12. Народы Приадриатики в прошлом.....	173
13. Цезарь и славяне	190
14. «Германцы» Рима и «германцы» современности	204
15. Отзыв о книге Рольфа Гахмана и т. д.....	209

16. Славянская топонимика.....	215
Боденское озеро – озеро славян.....	215
Об Исполинских горах.....	218
О реке Свебе (Одре).....	220
О горах «Ясеники».....	221
О городе Тергесте.....	222
Об озере Пельсо.....	223
Об области Венеции.....	224
Герцинский лес – лес славянства.....	225
Кимвры называли Северное море – «Морем мороза» буквально.....	230
17. О труде Тацита «Германия».....	232
18. Плиний Старший о Германии.....	253
19. Геродот о походе персидского царя Дария на скифов.....	257
20. Геродот и реки Скифии.....	273
21. Народы северного Причерноморья по Геродоту.....	286
22. Мелкие заметки.....	309
О племени герулов.....	309
Перевод географических названий, как причина путаницы названий древних племен и народов ..	313
О реке Дунай.....	315
О «колунях».....	320
Об островах «Скандза».....	324
О термине «Кавказ» в древности.....	327
О заселении Балкан через Дунай.....	329
О «спорадах» и «борадах».....	333
О географических названиях с окончанием на «брига, «дунум», дурум» и т. д.....	335
О возможности некоторых кардинальных ошибок в истории.....	339
Об уграх и оногурах.....	343
О племени Vidivarii .	344

О неверном применении терминов «остготы» и «вестготы»	345
О слове «смоква»	346
О реке Патиссус	347
О границах Мезии	348
О географических названиях с окончанием на «дава», «дева», «дива» и т. д.	349
О северных границах империи Аттилы	353
О населении северных областей Рима и Византии	355
О Равенне	358
О впадении Истра в Адриатику	360
Послесловие	362

Подписано к печати 23.6.1967

Сдано в печать 1.7.1967.

Тираж 1000.

**Printed by "Unification" Pty.
Ltd. 497 Collins St.,
Melbourne, C. 1.**

КНИГИ АВТОРА НА СКЛАДЕ:

**Consistory Church goods Supply, 7 St. John's Ave.,
Winnipeg, 4, Man, Canada.**

1. Звідки ми, чий! ми діги?. 1963, 120 стр.
(по українськи)
2. Русь, откуда ты?. 1964, 336 стр.
3. Влесова книга, вып. 1-й, 1966, 100 стр.

На складі:

**Les Editeurs Réunis, 11, rue de la
Montagne, S-te Geneviève, Paris, 5-e
France:**

4. История «руссов» в неизвращенном виде,
1953-1960, 10 вып. 1 175 стр.
5. Слово о полку Игореве. 1950-1953, 4 вып.
522 стр.
6. Дорожные встречи (рассказы), 1949, 105 стр.
7. Чертовщина под Лысой горой (рассказы),
1952, 124 стр.
8. Песни природы (стихи), 1948, 64 стр.
9. Стихи о всячине, 1948, 64 стр.

У автора:

**Dr. Paramonov, University House,
Canberra, Australia**

10. Пересмотр основ истории славян, вып. 1-й,
1956, Мелбурн, 138 стр.
11. Из далекого прошлого славян,
Мелбурн, 1967, 363 стр.

Все указанные книги можно получить и непосредственно со складов, обратившись к книжным магазинам своей страны.